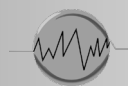


ISSN 2500-3682



СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 3-4 2017 (МАРТ-АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

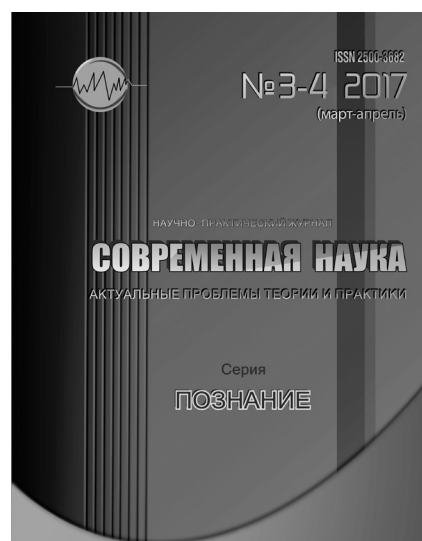
Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 26.06.2017 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 3-4 март-апрель 2017 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal



В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>
<http://www.vipstd.ru/nauteh>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682



9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Эллеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиюхова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Каирова Р.Б., Абидова Н.Т.** — Культурная ценность «благословение» как одно из средств межличностного общения в русском, английском и кабардинском языках
- Kairova R., Abidova N.* — The cultural value of “blessing” as a means of interpersonal communication in English, Russian and Kabardian languages 4

- Коновец Т.А.** — Народное искусство народов Южной Сибири: традиция и современность
- Konovets T.* — The folk art of the peoples of southern Siberia: tradition and modernity 10

- Нагиев Г.Г.** — Характерные особенности средневековой городской культуры Азербайджана
- Nagiyev G.* — Medieval city culture in northern Azerbaijan 15

ПСИХОЛОГИЯ

- Амержанова Ш.К.** — Мотивация достижения успеха личности: психолого-педагогический аспект
- Amerzhanova Sh.* — The motivation to succeed identity: psychological-pedagogical aspect 24

- Арпентьева М.Р.** — Профессионализм и карьера современного специалиста
- Arpentieva M.* — The professionalism and career of the modern specialist 28

- Арпентьева М.Р.** — Проблемы понимания психологом клиента в ситуации кросс-культурного взаимодействия
- Arpentieva M.* — The problem of understanding a psychologist client in a situation of cross-cultural interaction 33

- Мыскин С.В., Овчаренко (Еремина) Л.Ю.** — Методологическое обоснование модели психологически безопасного образовательного пространства
- Myskin S., Ovcharenko (Eremina) L.* — Methodological basis of the model of psychologically safe educational environment 40

- Набока А.А.** — Становление профессиональных компетенций и ролей психологов ОВД на разных этапах профессионализации
- Naboka A.* — Formation of professional competences and roles of psychologists ATS at different stages of professionalization 48

ФИЛОСОФИЯ

- Донцов Н.В.** — Философские идеи Никколо Макиавелли об идеологии централизованного государства
- Dontsov N.* — Philosophical ideas of Niccolo Machiavelli about the ideology of a centralized state 50

- Егоров В.В., Кершенгольц Б.М., Ларионова И.С.** — Современный взгляд на теорию биосферы Вернадского
- Egorov V., Kershengots B., Larionova I.* — Modern view on the theory of the biosphere Vernadsky 55

- Егоров В.В.** — Периодичность истории
- Egorov V.* — The periodicity in the history 58

- Никитенко Л.К.** — Заметки к вопросу о возможности рациональной онтологизации знания
- Nikitenko L.* — Notes to the question about the possibility of rational ontological knowledge 63

- Пелевин А.В., Ловецкий Г.И.** — Особенности генезиса религиозной традиции: теоретический и практический аспекты (на примере отечественной православной традиции)
- Pelevin A., Lovetsky G.* — Features of the Genesis of religious traditions: theoretical and practical aspects (on the example of Russian Orthodox tradition) 69

ИНФОРМАЦИЯ

- Наши авторы. Our Authors 74
- Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 75

КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ «БЛАГОСЛОВЕНИЕ» КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И КАБАРДИНСКОМ ЯЗЫКАХ

THE CULTURAL VALUE OF «BLESSING» AS A MEANS OF INTERPERSONAL COMMUNICATION IN ENGLISH, RUSSIAN AND KABARDIAN LANGUAGES

**R. Kairova
N. Abidova**

Summary. The authors of the article consider the aspect of intercultural value «blessing» to be one of numerous means of interpersonal communication within different language systems: Russian, English and Kabardian.

The result of the study is the idea that the cultural value of «blessing» can serve as effective means of interpersonal and intercultural communication for mutual understanding and cooperation for the common good, preserving a conflict free coexistence in the modern world.

Keywords: intercultural communication, blessings, good wishes, ethnic culture, mutual understanding.

Каирова Равида Борисовна

*К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский
государственный аграрный университет имени
В.М. Кокова»
kair-ra@mail.ru*

Абидова Нелля Тафаровна

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский
государственный аграрный университет имени
В.М. Кокова»
nellyya.abidivo@gmail.com*

Аннотация: Рассмотрен аспект культурной ценности «благословения» как одно из средств межличностного общения в разносистемных языках: русском, английском и кабардинском.

Результатом изложенного исследования явилась мысль о том, что культурная ценность «благословение» может служить эффективным средством межличностного и межкультурного общения для взаимопонимания, сотрудничества во имя всеобщего блага, сохранения бесконфликтного сосуществования в современном мире.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, благословения, благожелание, этническая культура, взаимопонимание.

Введение

В статье нами предпринята попытка исследования такой общекультурной ценности как благословение в разносистемных индоевропейских языках — русском, английском и кабардинском (его чаще называют черкесским или адыгским языком).

Как известно основные категории культуры (регулятивы и ценности), которые часто называют смыслами просвещения, являются базовыми основополагающими составляющими для любой культуры. Они регламентируют жизнь общества между добром и злом в сторону добра. Они учат мирному сосуществованию людей и народов, взаимопониманию и терпеливому, бережному отношению друг к другу в современном мире. Они демонстрируют молодежи то, что положительные и добрые межличностные, межэтнические сотрудничества представляют собой те меры и способы безопасности, которые могут способствовать сохранению и спасению мира среди людей, и всего человечества в целом.

Мы решили рассмотреть этот аспект межкультурной коммуникации, чтобы в очередной раз обратить внима-

ние на проблему «кризиса ценностей, когда мораль теряет очевидность, не может поддерживаться силой традиций, и люди, раздираемые противоречивыми мотивами, перестают понимать, что есть добро и что есть зло». [4: 54]

Действительно, стоит чуть присмотреться, и сразу становится очевидным, как кризис ценностей набирает силу и сферу распространения во всём мире, в том числе и в нашей стране: извечные ценности оттесняются на второй план, уступая место новым, не всегда положительным достоинствам, а зачастую и совершенно отрицательным качествам. Кризисные явления в морали угрожают безопасности, как отдельного человека, так и общества в целом. Межконфессиональная и межнациональная напряженности, терроризм, рост преступности, коррупция — все они нарушают нравственные и моральные устои человечества.

Система образования является одним из основных путей и средств передачи культуры подрастающему поколению, а также средством обучения культуре мира, и системе этикетной культуры. Этикетная культура, по словам Б.Х. Бгажнокова является «системообразующим органом культуры общения» [2], в котором присутствует потенци-

ал возможностей использования двуязычной педагогической системы, в которой взаимодействуют два языка и две культуры: национальный и русский языки, национальная и русская культуры. В процессе их взаимодействия подключается иностранный язык и присущая ему культура, что является значительным преимуществом и соответствует принципам педагогического общения, и результатом такого взаимодействия является мировоззренческая модель взаимообщения.

Мы полагаем, что интерес к речевому этикету, так необходимому в любом виде человеческого общения начиная от бытового и до официально-делового, а также интерес к изучению культур народов, и образцам речевого этикета, которые были взяты для исследования, являются весьма актуальными в современной действительности.

Постановка задачи

В этой статье мы хотим рассмотреть понятие «благословение» как одной из форм речевого этикета и проследить — насколько похожи разные по языку и культуре народы, в своих пожеланиях, в обращениях к Богу — в благословениях.

В своем анализе мы придерживаемся следующего значения данного слова: благословение — это выражение пожелания благ, добра в достижении определённых положительных действий или поступков посредством слова.

Для верующих (а сейчас все больше и больше людей в мире обращаются к Богу, особенно в нашей республике) благословение является откликом, ответом Бога на человеческую молитву, при которой снисходит благодать Божья, а значит, Бог проявляет благосклонность или внимание к человеку. И когда люди просят о благословении или благословляют других людей во имя Бога, то они молятся о том, чтобы Бог послал защиту от плохого, недоброго и придал человеку силы и умения для осуществления задуманного. Когда люди благословляют кого-то, то просят Бога о Его совершенной воле и силе как об определённом движителе в совершении дел. В этом случае люди надеются на поддержку своих намерений в жизни, и намерения эти обычно бывают добрыми.

Для неверующих известно, что слова материальны и это также является причиной пожелания различных благ человеку через слово, посредством вербального выражения.

Анализ

О значимости слова «благословение» в культуре русского народа говорит уже то, что его можно найти в самых ранних памятниках письменности Древней Руси.

Само слово «благословение» состоит из двух основ: «благо» + «слово». В первой основе заключено почти всё мироздание. Благо несет реализацию всех заложенных возможностей. Вторая основа «благословение» — «слово, словить», это производная от старо-славянского «ловь — охота» или «ловити» (см. этимологию данного слова в Викисловаре). [12: 1]. И в целом получаем: «благо ловить — на старославянском и русском; благо добыча — греческом; благо богатство и похвала — ирландском».

В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» даёт следующее определение данного слова: «Благословение ср. действие по глаголу благословлять: возвеличивание, изъявление признательности; пожелание всех благ; любовное наделение кого-то чем-то; соизволение на что; разрешение; осенение крестным знаменем или иконою; освящение» [6: 1, 94].

Слово «благословить» как объясняет «Краткий этимологический словарь», — заимствовано из старославянского языка: благословити — словообразовательная калька греч. eulogein. Благословить буквально значит «хорошо о ком-то говорить» [11: 48] (сравните «благо богатство и похвала на ирландском»).

«Благо — это то, что включает в себе определённой положительный смысл, «Высшее благо» (термин, введённый Аристотелем, лат. Summum bonum) — то, что в зависимости от чего в философских учениях определялась соотносительная ценность всех других благ: блаженство, «эвдемония» в древне-греческой этике, *Единое* — у Платона и в неоплатонизме, *бог* в средне-вековой схоластике. С конца 19 в. понятие благо вытесняется понятием *ценности*. В более узком смысле благо в этике — синоним добра» [10: 146].

Слово «благословение» сохранило свое изначальное, коренное значение и до наших дней: «Благословение — возглас священника или архиерея, которым начинается богослужение; осенение крестным знаменем верующих, совершаемое священником или архиереем в определённые моменты богослужения с возгласом «Мир всем»; напутственное пожелание благополучия, удачи, успеха, благословения дают обычно духовные лица прихожанам или младшим по сану; родители — детям; старшие — младшим по возрасту, положению. В обиходе благословением называют всякое разрешение, напутствие, пожелание удачи» [1: 52].

В настоящее время само слово «благословение» имеет множество синонимов, которые передают его суть: осенение, барех, аппробация, вотум доверия, бенедикция, рукоположение, руковозложение, напутствие, напутствование, дозволение, разрешение.

Существует также большое количество определений слова «благословение» и в других источниках, в том числе и в интернет ресурсах. Благословение — это призывание Божественной благодати, сообщение милости Божьей лицу, принимающему благословение.

Благословение — это молитвенное пожелание благоденствия, долголетия человеку.

Благословение — осенение крестным знамением священноначалием верующих при богослужении.

Благословение — это получение благословения — рассматривается как форма приветствия при встрече со священнослужителем.

Благословение — это особое проявление Свыше благосклонности или внимания к человеку, группе лиц или какому-то народу, за какие-то заслуги перед Богом.

Из рассмотренных примеров видно, что основной смысл слова «благословение» — это призывание Божественной благодати или же пожелания благоденствия другим.

Вот одни из примеров благословения на русском языке:

Да благословит тебя Господь и сохранит тебя!

На английском языке ирландцы благословляя, говорят:

May God be with you and bless you — Пусть Господь будет с тобой и благословит тебя).

На кабардинском языке, благословляя, произносят:

Алыхъм гущӕгъу къыпхуицӕ! — Пусть Бог благословит тебя.

Совершенно очевидно, что смысл благословений идентичен в разных языках. В русском языке мы находим следующие благословения:

*Да призрит на тебя Господь светлым лицем
Своим и помилует тебя!
Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!
Господь Бог премилостивый да ущедрит тя.
Господь да научит тя.
Господь да вразумит тя.
Господь да поможет ти.
Господь да спасет тя.
Господь да защитит тя.
Господь да очистит тя.*

Господь Бог Иисус Христос в день Судный да помилует тя и благословит тя во вся дни живота твоего.

Благословение в английском языке — benediction, blessing; awe (of); reverence (for, before); veneration (for), также как и в русском языке, связано с христианским вероисповеданием.

Благословлять — to bless, to give one's blessing(to); благословлять свою судьбу — to thank one's stars.

Благо в английском языке имеет значения: blessing, boon, good (счастье); welfare (материальные блага). Благословенный — favourable; well-disposed; benevolent, gracious; быть благословенным — to favour.

Ирландцы, чьи государственные языки ирландский и английский, и на благословения которых мы опираемся, анализируя английские благословения, т.е. благословения на английском языке говорят:

May you see your children's children.— Дай Бог тебе увидеть детей своих детей.

May you be poor in misfortunes and rich in blessings — Дай Бог тебе, быть бедным в неприятностях и невзгодах и быть богатым в счастье и благе.

May you know nothing but happiness from this day forward — Дай Бог, чтобы ты не познал ничего кроме счастья и удачи с этого дня.

God grant you to be happy as the flowers in May.— Дай Бог, чтобы ты был счастливым как цветы в мае.

If God sends you down a stony path, may he give you strong shoes.— Если Бог пускает тебя по каменистой тропе, пусть Он даст тебе крепкую обувь.

May you get the reward in Heaven that's been denied you for your goodness here on earth.— Дай Бог, чтобы за все твою благодетель, ты получил на небесах ту награду, которой ты был лишен на Земле.

May you live as long as you want and never want as long as you live — Дай тебе Бог прожить столько, сколько ты пожелаешь и никогда не желать чего-то на протяжении всей жизни.

May the smile of the lord light you to glory — Пусть улыбка Господа освещает вашу славу.

God be on your road every way you go.— Куда-бы ты не шел, пусть Господь будет с тобой.

May your neighbors respect you,

Trouble neglect you,

The angels protect you,

And heaven accept you. — Пусть соседи уважают тебя, беды минуют тебя, ангелы защищают тебя, а небеса примут тебя.

Как видно, ирландские благословения очень искренние и поэтические чем несколько отличаются по стилю от русских благословений.

Вот еще одно старинное ирландское благословение:

May the blessing of light, be with you always,

Light without and light within,

And may the sun shine

Upon you and warm your heart until it glows like a great fire

So that others may feel the warmth of your love for one another.

Это благословение на русском языке звучит так:

Пусть благословение света, всегда будет с Вами,

Свет снаружи и свет внутри,

И пусть солнечный свет сияет над Вами, согревая Ваше сердце

Пока оно не запылает как большой костер

Чтобы другие могли почувствовать

Теплоту Вашей любви друг к другу.

В кабардинском языке благословение трактуется как выражение одобрения, поддержки в совершении благих дел, поощрение и разрешение совершения добрых дел и поступков — тегъэгущуэн (поддержать, подбодрить), хуит щын(позволишь, дать свободу), лыхъужыныгъэ зехъэным хуэунэтфын (стремиться к совершению подга, сподвигнуть к совершению героического поступка), хуит хуэщын(дать свободу)», и благо воспринимается как нэсып (счастье), фыгъуэ (добро). Выражение — стремиться к общему благу — переводится как псоми я зэхуэдэ нэсыпым щэкъуныгъэ, псоми я зэхуэдэ фыгъуэм щэкъуныгъэ.[4: 57]

В древности кабардинцы (черкесы, адыги) поклонялись Единому Богу — Великому Тха (Тхъэ, Тхъэшхо) — он являлся творцом всех Законов Вселенной. И поэтому кабардинцы (адыги и черкесы) обращались за благословением к Нему и благословляя называли Его имя:

Тхъэм жьы фыздищ! — Дай Бог чтобы вы вместе составились — благословляли молодожёнов,

Етэнэгъэ палъэ Тхъэм фыгъуэкэ унигъэс — Дай вам Бог благополучно дожить до следующего года,

Нысэр дэуэгъу Тхъэм фхуищ! — Пусть Бог сделает для Вас невестку послушной),

Илъэсыщэ гъащлэ Тхъэм къуит — Дай вам Бог сто лет жизни.

Позже, начиная с XV века, когда возрастающее влияние ислама начало вытеснять языческие и христианские верования адыгов, мусульмане адыги начали обращаться к Аллаху за благословением молитвами:

Къыщыщыну хъуар къэхъуам Алыхым иригъаклуэ — Дай Аллах, чтобы всё плохое, что могло бы произойти в вашей жизни уже миновало вас, Гъуэгуанэ дахэ Алыхым утригъувэ — Дай Аллах вам красивой, удачной дороги

Къысхуэпщлар гуфлэгъуэкэ Алыхым пхуизгъэщлэж — Дай Аллах мне возможности отплатить вам добром на радостное событие.

Алыхым гъавэ бэв къыпхуигъэфашэ — Дай вам Аллах большой урожай, угъурлы ухъу.

Алыхым нэхъыфыжкэ зуригъэхъуэкэ — Дай Аллах тебе поменять на лучшее приобретение (машина, одежда и т.д.)

Аллыхым и фыгъуэхэм фыхимыну фшхынымрэ, влэжьынымрэ, фыщыпсоунымрэ фыщымыщлэу фyg-эпсэ — Пусть Аллах не лишит вас своего благословения и своей милости, для того, чтобы вы могли жить в достатке.

Фыгъуэ куэд къыфхуигъэфашэ — Дай вам Аллах многие блага.

Алыхым фи быныр фи жъауэм щлэту илэс куэд гъащлэ къывит — Пусть Аллах даст вам много лет жизни, чтобы ваши дети долго оставались под сенью (защитой) вашей тени.

Фыгъуэ куэд къыфхуигъэфашэ — Дай вам Аллах многие блага.

Алыхым фи быныр фи жъауэм щлэту илэс куэд гъащлэ къывит — Пусть Аллах даст вам много лет жизни, чтобы ваши дети долго оставались под сенью (защитой) вашей тени.

Алыхым фи унэщлэм фыщлэгъэтыншыхъ — Дай вам Аллах спокойной жизни в вашем новом доме.

Алыхым фyg-эузыншэ — Пусть Аллах сохранит ваше здоровье. Фи сабихэм я нэсыпыр Алыхым фyg-эла-гъу — Дай вам Аллах увидет счастье своих детей.

Алыхьым укыхъумэ — Пусть Аллах хранит тебя.

Дунейм ехыжам жэнэтыр унаплэ Алыхьым хуищ! — Дай Аллах, чтобы ушедшему в мир игой был уготован рай, т.е. Дай Аллах попасть в рай ушедшему в мир иной.

Как видно из приведённых выше примеров, благословения весьма часто совпадает с благопожеланиями. Например: «Мир вам», «Вечная память», «Многая лета»), отличаются от «благословений» особенным языковым содержанием, а также более узким кругом лиц, произносящих их: «Благослови меня»– он сказал. «Бог благословит доброе творить».

«Благопожелания отличаются от благословения и общепотребительностью, и чисто языковым значением» [9: 6]. Пожелания блага и благословения бывает трудно отличить иногда друг от друга, так как они имеют корни в устойчивых формулах благословений, причем ведущая роль в дифференциации этих высказываний заключается во внелингвистическом факторе: имеет ли человек, произносящий благословение право на это. Если человек действительно имеет право на это — пред нами благословение, а если он не обладает таким правом, то это просто пожелание блага. «Однако в народном сознании и простое благопожелание ставится высоко — «Спасибо великое дело. Великое слово: спасибо» (В.И. Даль). «Поэтому благословляющая сила благопожеланий не может быть отвергнута. В народном понимании благопожелания примыкали к благословениям, хотя и не были тождественны им» [9:6].

Совершенно очевидно, что люди различных культур издавна благословляли друг друга, и эти благословения, звучащие на разных языках очень похожи по смыслу. Благословения несли и несут в себе добро, так необходимое нам в жизни.

Современное человечество живет в поликультурной — не монокультурной действительности. В результате этого могут часто возникать недоверие, межличностное непонимание и в конечном итоге значительные барьеры в результате взаимодействия. Преодолеть такие барьеры помогает то общее, что есть в культурах народов.

Заключение

В заключении хочется отметить, что в наше время не многие из нас, особенно молодежь, понимают, что такое благословение, и что оно нам дает, что оно имеет

очень большое значение, и играет существенную роль в достижении нашего благополучия, нашего счастья. Благословение ориентирует человека на совершение благих, добрых деяний и поступков, а также оно защищает человека и оказывает ему покровительство. По нашему мнению, из наших скромных изысканий очевидным фактом является то, что не имеет большого значения принадлежность того или иного народа к разным конфессиям. В конечном итоге речь идёт о том, что благословение Бога любого народа, любого человека является высшим благом, высшей наградой за те благочестивые деяния, которые совершаются в процессе жизнедеятельности. И с точки зрения философии добро (благо) утверждается в преодолении обособленности, разобщённости, отчуждения между людьми и установления взаимопонимания, согласия, человечности в отношениях между ними. Добро проявляется в милосердии, любви, искренности. То или иное качество, свойство или поступок рассматриваются в любом языке именно сквозь призмы добра (блага) и зла. «Добро и зло — это наиболее общие понятия морального сознания, категории этики, характеризующие положительные и отрицательные нравственные ценности, противоположности того, что отвечает содержанию требований нравственности, и того, что противоречит им» [10: 406].

В заключении также отметим, что одна из многочисленных культурных ценностей «благословение» может служить эффективным средством межличностного и межкультурного общения для взаимопонимания, для сотрудничества ради всеобщего блага, ради сохранения мирного сосуществования в современном беспокойном мире. Как известно, только благие намерения, благие деяния, добрые отношения между людьми находят положительный отклик в любом обществе, в любой стране и получают благословение свыше. Свою статью нам представляется уместным закончить старинным ирландским благословением:

*May you always be blessed with walls for the wind,
roof for the rain,
a warm cup of tea by the fire, laughter to cheer you,
those you love near you, and all that your heart might
desire.*

На русском языке это благословение звучит так:
*Пусть всегда с Вами присутствует благословение,
дающее стены от ветра, крышу от дождя, теплую чашку чая у огня, смех, приветствующий Вас,
любимых рядом с Вами,
и все то, чего может желать Ваше сердце.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета — Для студентов. М., АСТ-ПРЕСС, 2001. — 672с.
2. Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1978. 159 с.

3. Бгажноков Б. Х. Антропология морали. Нальчик: Издательский отдел КБГИ, 2010. 121 с.
4. Бижоев Б. Ч., Кумыкова Д. М., Тимижев Х. Т. Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик. «ЭЛЬБРУС». 2013, 846с.с.
5. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации М.: Гнозис, 2003. — 288 с. — ISBN5–94244–007–7.
6. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. [1998, DOC, RUS].
7. Мельков А. С. Распространение христианства на Британских островах. [Электронный ресурс].
8. Плешакова В. В. Русские благопожелания: Опыт типологии и истории: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. — М.; 1997. — 145 с. Русский язык. 61 98–10/91–1.
9. Светский энциклопедический словарь. / Под редакцией А. М. Прохорова. Издательство «Советская энциклопедия». М., 1980. — 1600с.
10. Шанский Н. М. Иванов, В.В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. М, Издательство «Промсвещение», 1971 г.. 542
11. http://www.optina.ru/starets/amvroisy_life_full/
12. <https://books.google.ru/books?isbn=5457366774> Вадим Дементьев — 2017 — Language Arts& Disciplines
13. <https://ru.wiktionary.org/wiki/Викисловарь> <http://slovardalja.net/>

© Каирова Равида Борисовна (kair-ra@mail.ru), Абидова Нелля Тафаровна (nellya.abidivo@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



НАРОДНОЕ ИСКУССТВО НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Коновец Татьяна Анатольевна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО Хакасский
государственный университет им. Н. Ф. Катанова
konovets-t-a@mail.ru

THE FOLK ART OF THE PEOPLES OF SOUTHERN SIBERIA: TRADITION AND MODERNITY

T. Konovets

Summary. The similarities and differences in the local culture of kindred peoples enable to project the conclusions derived from the study of one ethnic group, cultural traditions of other people. In the ethnographic materials related to the peoples contained facts that confirm and clarify the reliability of the findings. In fact, the typical features of traditional indigenous culture are manifested in the character of farming and rural life, and the form and method of realization are transformed into ethnic. Nomadic herding, hunting, and agriculture Turkic peoples of southern Siberia, became the basis for traditional folk art. National characteristics of traditional art of the people is manifested, mainly, in the national ornament, which is the most stable element of culture. National identity in the folk ornament revealed through the plasticity and rhythm of its elements, through the character of the filling structure of the ornament shapes, using a harmonious sense of color

Keywords: folk art, tradition, ornament, ornaments, embroidery.

Аннотация. Сходство и различия в локальной культуре родственных народов дают возможность проецировать выводы, полученные в ходе изучения одного этноса, на культурные традиции другого народа. В этнографических материалах по родственным народам содержатся факты, которые подтверждают и уточняют достоверность сделанных выводов. По сути, типичные черты в традиционной культуре коренных народов проявляются в характере ведения хозяйства и быта, а по форме и способу воплощения превращаются в этнические. Кочевое скотоводство, охота и земледелие тюркских народов Южной Сибири стали основой для традиционного народного искусства. Национальные особенности традиционного искусства народа проявляются, главным образом, в народном орнаменте, который является наиболее устойчивым элементом художественной культуры. Национальное своеобразие в народном орнаменте раскрывается через пластику и ритм, составляющих его элементов, через характер наполняющих структуру орнамента форм, через гармоничное чувство цвета

Ключевые слова: народное искусство, традиции, орнамент, украшения, вышивка.

Проживающие на территории Южной Сибири тюркоязычные народы: алтайцы, хакасы, тувинцы, составляют коренное население этого края. В сложной и многокомпонентной культуре тюрков Южной Сибири естественным образом сочетаются и существуют различие и единство культурной традиции скотоводов-кочевников и охотников горной тайги. Черты сходства в хозяйственной жизни доминируют, являясь фактором, удерживающим и объединяющим варианты единой традиции.

Большая роль в культуре скотоводов Саяно-Алтая отводилась обработке шерсти. Одним из основных видов народного искусства скотоводов-кочевников было валяние и орнаментация войлока. Изделия из войлока были необходимой принадлежностью кочевого быта. Войлоком полностью покрывали юрту: утепляли стены постилочной кошмой, застилали пол. Применялся войлок в изготовлении обуви — войлочное голенище сапог украшали вышивкой или аппликацией. Рисунками из окрашенной непряденой шерсти украшали кошмы и войлочные чепраки. Аппликация и простегивание узоров были основными способами украшения изделий[1].

Кочевники-скотоводы с глубокой древности знали искусство художественной обработки кожи. Первона-

чальное применение кожи можно видеть на отдельных наскальных рисунках, по находкам в курганах. В XIX–XX в. из кожи изготовляли сосуды для хранения жидкости, конскую сбрую, одежду обувь. Изделия декорировались орнаментальными узорами, выполненными в технике аппликации и тиснения.

Особое место в культуре тюрков Южной Сибири занимало ремесло по обработке металла, кузнечный промысел. Мастера, кузнецы-литейщики, делали предметы домашней утвари: ножи, топоры, конскую упряжь, шаманскую атрибутику, курительные принадлежности, женские украшения: серьги, кольца, браслеты.

Дерево в традиционной культуре народов Южной Сибири олицетворяло ось мира, считалось священным. Оно сопровождало все ритуалы жизни и смерти. Дерево активно использовалось в быту. Разнообразные способы и приемы художественной обработки дерева вырабатывались длительное время. Мастера делали замечательные деревянные шкатулки, ящики и различные бытовые предметы.

В XX в. России актуализировалось внимание к художественному и этнокультурному наследию народов

Сибири. Традиционное художественное наследие хакасского народа было востребовано как особая ценностная система. Оригинальность цветового решения и характер узора национального орнамента в вышитых изделиях всегда привлекали внимание исследователей. В результате изучения традиционного искусства в Хакасии формировались кустарные ремесленные промыслы. В регионе местным населением активно поддерживалась организация художественных артелей.

В начале XX в. художественная вышивка являлась одним из самых распространенных видов декоративно-прикладного творчества хакасов. С малых лет девочек учили вышивать, в результате все женщины владели этим ремеслом. Самые одаренные становились талантливыми мастерицами. В хакасской вышивке хорошо прочитываются групповые этнические различия, которые являются одним из признаков этнической дифференциации. По рисунку вышитого орнаментального узора можно было определить, из какого района женщина. Так в народном художественном стиле образовывались самобытные местные особенности. Мастерицы копируют старинные образцы узоров, перерабатывая отдельные детали. Узоры бережно хранились и передавались от матери к дочери. Многократное повторение одних и тех же узоров способствует устойчивости и широкому распространению рисунка. Преемственность в народном искусстве не исключала возможности индивидуального творчества. Каждая мастерица передает устоявшиеся формы и создает новые. Это обогащает орнамент хакасской вышивки. Народный орнамент изменяется очень медленно. На протяжении веков хакасские мастерицы создали свой, неповторимый и узнаваемый стиль, выработали оригинальную систему национального орнамента, который отличается лаконичностью и целостностью композиционного строя, живописной колористической гаммой.

В 1917 г. С.К. Просвиркина находилась в экспедиции по Хакасии, где изучала народное искусство. Во время этой поездки в с. Аскызское С.К. Просвиркина сделала множество зарисовок и серию акварелей, на которых были изображены хакасские изделия с вышивкой — шуба, рукавицы, пого. С.К. Просвиркина в своем дневнике рассказывает об утвержденном уставе артели кожевников, который показал ей Т.Д. Майнагашев. В поездке по Туве С.К. Просвиркину в большей степени интересовал камнерезный промысел. Тувинские миниатюрные скульптурки были заказаны Томским кустарным комитетом. Художница искала резчиков для создания в Томске мастерских художественных промыслов.

В 1928 и 1930 гг. в Хакасию и Горный Алтай с экспедицией едет Н.Н. Нагорская с региональной программой по сохранению и дальнейшему развитию промыслов.

В поездке Н.Н. Нагорскую в большей степени интересовали предметы женского национального костюма алтайцев и хакасов. В 1931 г. на Первом сибирском съезде художников было принято решение по сохранению и развитию национальных ремесел коренного населения. Для сбора предметов быта, одежды традиционной культуры и организации художественного производства хакасской вышивки Сибирский союз кооператоров отправляет в Хакасию новосибирскую художницу Н.Н. Нагорскую. В 1931–1932 гг. в Хакасии под руководством Н.Н. Нагорской создается художественная артель «Улуч Быт». В артели работали три бригады по производству хакасской вышивки. В ассортимент вышитых изделий, «заказной», «массовой» и «экспортной» бригад, входили: рукавицы, кисеты, платья, рубахи. В ходе изучения традиционного искусства Хакасии Н.Н. Нагорская планировала открытие цехов по изготовлению курительных трубок [2].

В 70-е годы интерес к художественной вышивке не ослабевает, это по-прежнему очень популярный вид народного искусства. Хакасские женщины не только сохранили народные традиции в вышивке, но и развивают их в новых современных условиях. В республике уделяется большое внимание работе по изготовлению традиционной и современной национальной одежды, сувениров, предметов украшения.

К 1980-м гг. в ХАО организована система преподавания художественного ремесла. Народные мастера обучали традиционной хакасской вышивке на занятиях в кружках декоративно-прикладного искусства. В Хакасии, в разных видах народного искусства работало несколько сот мастеров, которые являлись либо самоучками, либо унаследовали навыки художественного ремесла от родителей. С 2000-х гг. кафедра декоративно-прикладного искусства Института Искусств ХГУ им. Н.Ф. Катанова занимается проектированием и изготовлением изделий с национальной тематикой.

В настоящее время в Республике Хакасия высоко ценится мастерство хакасских вышивальщиц, которые хранят секрет изготовления национального костюма.

В современных вышитых изделиях хакасов сохраняется структура древнего древовидного орнамента средневековья — древовидные композиции в виде вытянутых фигур из расщепленных пальметт, отходящие от центральной фигуры завитки-листья, композиции сердцевидной формы, пальметты, трилистники. Одним из самых распространенных мотивов остается мотив вьющегося побега, который является основой сложных орнаментальных композиций. В работы включен древний комплекс, включающий в себя криволинейные мотивы: мотивы, спирали, «рога барана», арки. Геоме-

трические мотивы сохранились на манжетах, по краю воротников, на бордюрах по низу платья в традиционной хакасской одежде. Вышиваются они и в современной национальной дизайнерской одежде [3].

В современных работах древние орнаменты подвергаются трансформации, но остаются основной формой обобщения и типизации. Остаются основные признаки этнической дифференциации. По характеру орнаментальных мотивов отличаются группы кызыльских, качинских и сагайских орнаментов. Кызыльские орнаменты узнаются по крупным цветочным мотивам. Мелкие утонченные линии узора из стилизованных трилистников, пальметт, сердцевидных элементов и роговидного орнамента у качинцев. Сагайские узоры отличают крупные детали растительных стебельчатых цветков.

Сохраняется преемственность в создании национальных узоров. На основе старинных образцов мастерицы вышивают новые композиции. Узоры на ткань по-прежнему переносят с трафаретов: непрерывный узор (*туяхульгу*) и (*алынчаульгу*). Современные трафареты вырезаются из бумаги. Создание ульгу по-прежнему остается особым видом творчества и доступен одаренным людям. Вырезать узор, с листа, без предварительного рисунка довольно сложно. Традиционная техника вышивки тамбуром и гладью остается неизменной. Орнаментальные узоры выполняются тамбуром (созирткен) или гладью (толдырып), косой сеткой (орбе), цветными нитками по бархату, шерсти. Используются варианты вышивки чеек, в современных условиях меняется ее техника выполнения. В большей степени для полос берется готовый шнур — сутаж. Крайне редко используется технология скручивания нитей. Вышивка чеек требует внимательного к себе подхода, а именно сохранения и возрождения этой уникальной технологии [4].

Отличительной особенностью хакасской вышивки является цветовой колорит. Вариации размещения контрастных ярких и чистых цветов на вышитых изделиях многочисленны и разнообразны. Цветовые пятна гармонично разложены по принципу контраста теплых и холодных оттенков. Цветовая гамма создается разноцветными нитями мулине и шелка [5].

Остается традиция украшать вышивкой особо значимые предметы быта, детали одежды. Особой популярностью пользуются декоративные сумочки для телефонов. Бисером вышиваются традиционные пого и современные сувенирные нагрудные украшения, кисеты, декоративные сумочки. Традиционное Пого всегда было гордостью хакасских женщин. Шитье нагрудного украшения представляло собой большую трудоемкую работу, которую искусно и художественно могли выполнить только народные умельцы, мастера по вышивке орнаментов [6].

Художественные изделия народного искусства требуют не только большого мастерства и умений, но и длительного периода времени для выполнения изделия и дорогостоящие материалы. В традиционном обществе для изготовления праздничной, узорами расшитой одежды, брали только самые лучшие материалы: хорошо выделанная кожа, войлок, бархат, плис, кораллы, жемчуг, разноцветные шелка. Уникальные художественные вещи, выражающие традиции и местный колорит во все времена высоко ценились, а создавали их талантливые мастера.

В настоящее время хакасская вышивка является ярким примером самобытной культурной традиции, имеет в своей основе этнолокальные различия, неповторимый и узнаваемый стиль. В вышивке сохраняются, выработанные многими поколениями мастериц, свои национальные колористические особенности в цветовом решении, оригинальная система национального орнамента, который отличается лаконичностью и целостностью композиционного строя. В орнаменте вышивки отражаются особенности мировоззрения кочевников, сохраняется преемственность в развитии декоративного художественного творчества.

Быстрый темп современной жизни ускоряет и темп изготовления вещей. Становится популярным изготовление мелкой сувенирной продукции, на которую не требуется больших материальных и временных затрат. Сегодня материалы для рукодельного творчества в широком ассортименте продаются в магазинах. Доступные материалы и универсальность тамбурной техники позволяют быстро выполнять сувенирную продукцию. Несмотря на разнообразие художественных практик по изготовлению сувенирной продукции, производство сувениров не складывается в самостоятельную отрасль ремесла. С созданием в Хакасии массового производства предметов традиционной культуры, а тем более предметов народного искусства всегда возникали сложности. Хороших мастеров, работающих на заказ, всегда было очень мало. В настоящее время в Хакасии отсутствует производственная структура по изготовлению художественных изделий.

В Тыве возрождаются и развиваются традиционные центры художественных промыслов. В конце XIX в широкое развитие получила мелкая пластика из природного материала, агальматолита и дерева. Богатые залежи этого камня и его природные свойства обусловили развитие камнерезного промысла. Природные качества агальматолита определили характер пластической формы скульптуры. Агальматолит имеет широкий спектр цветных оттенков. Это мягкий камень и легко режется ножом. Стилистика тувинской пластики своими корнями уходит в искусство древнетюркской эпохи и отличает-

ся выразительностью и обобщенностью. В небольшой скульптурке из агальматолита гармонично соединяются монументальность и декоративность. У исследователей народного искусства до сегодняшних дней сохраняется интерес к традиционной тувинской пластике.

Уникальный промысел продолжает активно развиваться и в настоящее время. Камнерезное искусство обрело всеобщее признание. Мелкая скульптурная пластика находится в коллекциях Национального музея Республики Тыва, художественных музеев городов России. Тувинская пластика признана частью «золотого фонда» художественного наследия республики, символом тувинской этничности и провозглашена национальным достоянием. Камнерезный промысел Республики Тывы «Колыванский камнерезный завод им. И. И. Ползунова», художественный цех которого выполняет различные изделия из камня: чаши, вазы, шкатулки, мозаика.

В целом тувинское камнерезное искусство имеет давние традиции и характеризуется устойчивостью этнического канона. Уникальное творчество тувинских мастеров общепризнано и авторитарно, оно оказывает влияние на развитие камнерезного искусства всего Саяно-Алтайского региона.

В Республике Тыва сохраняются центры художественных промыслов на которых работают мастера, специализирующиеся на шитье национальной одежды, изготовлении традиционных музыкальных инструментов, росписи сосудов, сундуков, изготовлении кожаных сосудов и ювелирных изделий. В сельской местности развиты домашние ремесла: обработка металла —ковка, литье, чеканка, гравировка и инкрустация из полудрагоценных камней; обработка кожи — аппликация, тиснение по коже; обработка дерева и камня — резьба по дереву и камню. Мастера, занимающиеся кузнечным ремеслом, изготавливают предметы конской упряжи, из кожи делают сосуды для кумыса, чепраки, национальную обувь.

Экспериментальное предприятие «Суй-Белек» объединило резчиков по камню, дереву; мастеров по шитью традиционной одежды и мастеров кожевенных изделий. В с. Кызыл-Даг один тувинский центр народного искусства. Мастера этого центра возродили традиционные технологии по обработке металла и кожи. Большой популярностью пользуются музыкальные инструменты сделанные в этом центре. В Кызыле организованы ряд предприятий по выпуску изделий из меха, тканей с национальной вышивкой, дерева и камня.

Активно возрождаются народные промыслы и в Республике Алтай. Государственное учреждение «Торгово-выставочный центр народных художественных

промыслов РА «Энчи» ведет работу по осуществлению республиканской целевой программы, направленной на сохранение и возрождение народного искусства народов Алтая. В разных районах республики работают мастера по обработке дерева, изготавливающие изделия из бересты, кедра, лозы; мастера, сохраняющие традиционные технологии по обработке шерсти, выделки шкур и меха и изготавливающие традиционные изделия из войлока — войлочные узорные ковры, сырмаки; мастера, восстанавливающие технологии изготовления традиционной кожаной и деревянной утвари; мастера изготавливающие музыкальные инструменты и национальную одежду. Известны мастера, работающие с разными технологиями и материалами: это изделия из лозы, соломки, изделия с росписью по дереву, ткачеством и керамикой.

Мастерская художественных изделий «Кезер», в переводе с алтайского «Резной». В г. Горно-Алтайске представляет образцы деревянной резьбы. Основанием возникновения промысла стала деревянная сакральная скульптура и куклы-бабки алтайцев. Самобытные образы традиционной антропоморфной скульптуры легли в основу создания современных изделий. Ассортимент производства насчитывал триста различных образцов и вариантов оберегов, талисманов, скульптур. Кекпек — одно из самых популярных и интересных изделий, алтайская матрешка. Кекпек у алтайцев это малая баранья кость. В центральной частью является кость-бабка. С древних времен на территории Южной Сибири человек использовал кости животных для скульптуры. Только алтайцы сохранили традицию использования кости-бабки, как готовой формы для куклы. Самобытность и неповторимость «Кезерского» стиля, обусловили природные материалы: кедровая щепка и кость используются для создания пластического образа. Творчество мастеров «Кезера» отличает целостность, органичность и обобщенность формы; образный строй имеет вневременной характер, а коллективный характер производства изделий говорит о связи современного и традиционного искусства алтайцев.

Статус народного промысла имеет известный в России художественный центр «Турина гора» в г. Барнауле. Предприятие выпускает керамические изделия из белой майолики, фаянса, шамотных масс. В настоящее время ассортимент промысла разнообразен — это поточные изделия (кашпо, сервизы, вазы, кружки); парковая керамика, декоративные скульптурные композиции, панно. В основе традиционных форм изделий лежит региональный этнографический и археологический материал. Интерес к народному искусству древних народов Южной Сибири и традиционному искусству современных алтайцев определяет три сложившиеся творческие направления мастеров «Турина гора». Это археологиче-

ская и этническая архаика, скульптурная пластика и краеведение.

Мастерская «Алтай Каури» представляет авторские сувенирные изделия из разных материалов в этностиле. Здесь представлены работы металла, керамики, текстиля, дерева, кожи. Камнерезные промыслы славятся своими изделиями из агальматолита на тему алтайской архаики.

Образ родной земли запечатлен в изделиях разных форм и материалов: дерево, кожа, ткань, камень. Широко практикуется изготовление амулетов и оберегов, содержащих универсальные, соединяющие славянские и тюркские традиции. Это обереги — защитники дома, семьи, сохранение здоровья, богатства. Традиционные технологии сохраняются в изготовлении войлочных ковров — сырмаков, кожаных сосудов — тажууров; традиционной одежды алтайцев.

На территории Республики Алтай в развитии художественного процесса соединяются традиции славянской и тюркской культур, формируя новый художественный

стиль. Также возрождаются старинные уникальные технологии обработки кожи и шерсти по изготовлению войлочных ковров. Ремесленные традиции проявляются в творчестве индивидуальных мастеров и на предприятиях, которые сохраняют коллективный опыт творчества традиционный характер изготовления изделий.

Древние традиции народного искусства народов Южной Сибири продолжают развиваться в творчестве современных народных мастеров. Народные художественные промыслы и ремесла отличаются большим разнообразием по своему стилю и форме организации. В изготовлении изделий декоративно прикладного искусства сохраняется традиция использования доступных природных материалов. В орнаментальном оформлении изделий современного народного искусства отражаются особенности мировоззрения кочевников, сохраняется преемственность в развитии декоративного художественного творчества. В целом современное народное искусство воспринимается в контексте сохранения и возрождения этнических ценностей национальной культуры и художественного наследия народов Южной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. — М.: Наука, 1974.
2. Павлова Е. Ю. Народные художественные промыслы Саяно-Алтая в контексте этнокультурного развития России (конец XIX — начало XXI века). — Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2012.
3. Кызласов Л. Р. Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. — М.: Наука, 1990.
4. Киштеева О. В. Орнаментальные мотивы вышивки хакасского женского сикпена. // Орнаментика в артефактах традиционных культур. — СПб.: ИПЦСП-ГУТД, 2016.
5. Коновец Т. А. Цвет в орнаменте традиционной вышивки хакасов. // Орнаментика в артефактах традиционных культур. — СПб.: ИПЦСПГУТД, 2016.
6. Коновец Т. А. Традиционный женский нагрудник Пого как пространственно-временная модель мира хакасского народа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. № 8. — С. 42–45.

© Коновец Татьяна Анатольевна (konovets-t-a@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

MEDIEVAL CITY CULTURE IN NORTHERN AZERBAIJAN

G. Nagiyev

Summary. The natural process of the emergence of the city, its development, the causes of its progress and decline are embodied in its ruins. Some cities were formed, lived and died within the same era, others developed, expanded in their original place, bearing the imprint of the times in which they existed. Also, new cities were formed — in a new place, with new elements, under the influence of new formational structures. Trade routes passing through Azerbaijan provided a unique opportunity for establishing contacts and dialogue, promoted cultural exchange and mutual enrichment of civilizations of the Middle Ages.

Keywords: Azerbaijan, medieval cities, urban culture, archeology, urbanism, Gnjaja, Gabala, Derbent

Нагиев Гаджирагим Гаджикеримович

К.и.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К. И. Скрябина
hnagiev@gmail.com

Аннотация. Закономерный процесс возникновения города, его развития, причины его прогресса и упадка запечатлены в его руинах. Одни города образовывались, жили и погибали в рамках одной и той же эпохи, другие развивались, расширялись на первоначальном месте, неся в себе отпечаток тех времен, в которые они существовали. Также образовывались новые города — на новом месте, с новыми элементами, под воздействием новых формационных структур. Торговые пути, проходившие через Азербайджан предоставляли уникальную возможность для установления контактов и диалога, способствовал культурному обмену и взаимообогащению цивилизаций эпохи Средневековья.

Ключевые слова: Азербайджан, средневековые города, городская культура, археология, урбанизм, Гянджа, Габала, Дербент.

Азербайджан издревле был центром высокоразвитой городской культуры. Города здесь появились ещё в античности и достигли расцвета в средневековый период. Расположение на месте скрещивания важнейших транзитных торговых путей, соединявших регионы Ближнего и Среднего Востока создали благоприятные условия для развития этих городов как торгово-ремесленного, административного, культурно-центра.

В средневековых письменных источниках упоминаются города Бейлаган, Дербент, Партав (Барда), Гиран (Киран), Габала, Багаван (Баку), Чола (Чога), Шеки, Гардман, Нахчыван, Халхал, Амарас, Агвен (Алвен), Алуен (Агуен), Шамахи, Ардабиль, Тебриз, Марага, Хой, Шиз, Гянджа, Ширван, Шабран, Товус, Хунан, Касал (Газак), Гардман, Шатур (Шатар) и др.

К сожалению, вопрос о локализации многих городов Азербайджана, упомянутых в письменных сообщениях, до сих пор остается спорным. Для получения общего представления о городской культуре средневекового Азербайджана, в статье нами рассматриваются лишь некоторые исторические города на основе археологических и письменных материалов.

Габала — один из древнейших и значительных городов Азербайджана. Название Кабалака впервые упоминается в письменных источниках во второй половине I в. Габала отождествляется с Кабалакой (Cabalaca) [31, кн.VI,

гл. 10, § 29, 292] Плинием Старшим (23–79 гг.) и Хабалой (Chabala) Птолемеем (70–147 гг.) [32, кн.V, гл. 16,2,254]. Плиний считает Габалу главным городом и не единственным (Pravalent oppida –Albanioe–Cabalaca) [31, кн.VI, гл. 10, § 29]. В VII в. она упоминается албанским историком Моисеем Каланкатуйским как Кавалаха [28, с. 57,72, 120, 148, 172 и др.].

Габала была столицей Албании в период античности и раннесредневековья до V в., резиденцией албанских царей и местом пребывания албанского архиепископа [25, с. 160].

Развалины Габалы находятся к востоку от современного села Чухур–Габала на возвышении между реками Гарачай и Джаурлучай. Здесь город с площадью более 25 га расположен на высоком и просторном холме, разделенный искусственным рвом на две части, именуемые местным населением Сельбир (12 га) и Гала (13 га). Площадь, занимаемая развалинами города, имеет вытянутую, почти треугольную форму.

Более древняя часть города, с площадью более 50 га, которая была укреплена мощным оборонительным земляным валом и рвом расположена в 3–4 км к юго-востоку от развалин города. На этом участке город существовал с конца IV в. до н.э. до конца I в.н.э [5, с.68].

Сельбир по мнению исследователей является самой древней частью города (с I в.). Начиная с IX в.

городская жизнь продолжалась на территории Галы [20, с. 72–73]. В Сельбуре обнаружены три культурных слоя толщиной 2,5–3 м, охватывающих периоды: III в. до н.э.— V в. н.э., VI — X вв., и XI — XII вв. Выявленные здесь христианские и мусульманские захоронения, относящиеся соответственно к VI и XI вв., что дает основание считать, что жизнь в Сельбуре примерно в VI в., а затем в XI в. временно прекратилась [1, с. 25–26]. Остатки материальной культуры говорит о богатой жизни Сельбура до окончательного прекращения здесь жизни (XII в.) [1, с. 26]. Культурные слои (5 м) относятся к античному периоду, раннему, развитому и позднему средневековью [1, с. 26].

Результаты археологических исследований свидетельствуют, что город в раннем средневековье (IV–V вв.) и позже, примерно до X–XI вв., состоял из Сельбура и Галы внутри общей крепостной стены [1, с. 29, 32; 5, с. 25]. Общая длина остатков крепостных стен, возведенных в основном из кирпича-сырца и отёсанного речного камня, составляет 3000 м (Сельбур – 1400 м, Гала – 1600 м). Из выявленных остатков оборонительных сооружений города сравнительно неплохо сохранились наземные части пяти полукруглых башен (высота 5–12 м, толщина стен — 5 м, внутренний диаметр — 5 м) и стен (высота 3–7 м, толщина — 5 м) Галы. Основания башен и стен выполнены из обработанного известняка прямоугольной формы, верхняя часть — из обожженного кирпича.

На территории города выявлены очаги, тендиры бочкообразной формы диаметром 70–80 см и высотой 1 м, и большие (диаметр — 1,5 м), ямы — погребца (для хранения продуктов) глубиной 1,6–2 м, остатки канализации, тайных подземных водопровод и бань.

Во второй половине V в. столица из Габалы переносится в Партав (Барду), что было связано с усилением набегов с севера. Однако город не теряет свое значение в политической, культурной и духовной жизни страны.

В IX — начале XIII в. Габала как феодальный город переживала период своего расцвета. В культурном слое города, относящемся к IX–XIII вв., обнаружены в большом количестве находки материальной культуры. Эти материалы свидетельствуют о наивысшем расцвете производства и торговли (развитие производства глазурованной керамики, шелка, ткачества и других отраслей). Найдены сосуды, на донышках которых ставилась клейма изготовлявших их мастеров.

Древний город Дербент расположен на западном побережье Каспийского моря. Многочисленные легенды рассказывают о построении его эпическими древнеиранскими царями или Александром Македонским.

Дербентский городской комплекс состоял из трех ос новных частей: цитадель на вершине крутого холма; северные и южные крепостные стены, тянувшиеся параллельно друг другу от цитадели до берега Каспия; Даг Бары (Горная стена) — сплошная линия мощных укреплений с башнями и фортами, которая накаталась от юго-западного угла цитадели и тянулась в глубину Кавказских гор более чем 40 км, перекрывая все обходные дороги через горы к западу от Дербента. Общая площадь городской территории составляла 150 га.

Широкие археологические раскопки в цитадели города выявили остатки древнего укрепленного пункта, существовавшего здесь задолго до Сасанидского завоевания Дербентского прохода [см. 22, с. 165–185]. В античных источниках этот проход именуется «Каспийскими воротами» [33, кн. II, 2] и «Албанскими воротами».

I–III вв. н.э. Дербент, как и все города Кавказской Албании, развивается, увеличивается, обживая территории за стенами крепости. Цитадель выделяется как особая привилегированная часть его территории, приобретая не только оборонительный, но и социальный смысл. Сохраняя свое военное значение как город-крепость, Дербент превращается из крупного опорного пункта в значительный торговый и ремесленный центр [23, с. 59–60].

В конце IV века после длительных войн с Римом за обладание Кавказом, Сасанидский Иран овладел Западным Прикаспием и захватил Дербент. В первой половине V в. были построены мощные крепостные сооружения. Как показывают исследования, строительство оборонительного комплекса Дербента, где первые сырцовые стены были заменены каменными, происходило в несколько этапов.

Начиная с VI века, город превращается в крупный экономический, идеологический, культурный центр, с развитой торговлей и ремеслом.

Обширный археологический материал из культурных напластований Дербента VII–XIII вв. свидетельствует, что уже с середины VIII в. дербентские гончары осваивают производство глазури и в городе начинается производство поливной художественной керамики, которое достигает в IX–XIII вв. очень высокого уровня. В этот период Дербент выступает одним из первых кавказских ремесленных центров, где в первой половине VIII века осваивается производство глазурованных керамических изделий.

В цитадели располагался дворцовый комплекс правителя. Источник XI в. упоминает о «правительственном здании» в шахристане. Другой источник сообщает о расположении резиденции (дар-ал-‘имара) в нижнем

городе (рабаде) [27, с. 68–69, § 36;73 § 40 прим.63]. Это указывает на усиление этой части города как административного центра.

С начала VIII века в Дербенте начали чеканить от имени халифов серебряные и медные монеты, что подчеркивало политическое и экономическое значение города. Монетная чеканка существовала в городе на протяжении всего средневековья, и дербентские монеты, судя по местам их находок, имели хождение не только на Кавказе, но и в Юго-Восточной Европе, в Средней Азии, на Переднем Востоке.

VIII — начало XIII века в истории Дербента отмечены экономическим подъемом, расцветом культурной жизни (развитие письменности, научной мысли).

Бейлаган — один из древних городов, возникший на магистральных путях международной транзитной торговли. Руины находятся в 17 км к северо-западу от нынешнего города Бейлаган.

Городище с площадью 40 га окружено крепостными стенами и рвом, по форме почти правильный четырехугольник (580х600 м), ориентировано углами по сторонам света. Система рвов и мощных крепостных стен делила город на две части. В юго-восточной части городища выделяется меньшей прямоугольник (370х380м) площадью 14 га, отделенный от остальной площади. Малый прямоугольник в литературе именован «малым городом», а весь большой прямоугольник, включая и малый, «большим городом» [18, с. 44].

В наиболее древних источниках (III — IV вв.) город упоминается как Пайтакаран. Е. А. Пахомов отождествляя Пайтакаран с Бейлаганом, считал, что средневековый Бейлаган возник на месте древнего Пайтакарана [30, с. 15].

Археологические раскопки на городище Тезекенд, с площадью более 50 га, расположенном в Мильской степи в 7–6 км к юго-востоку от средневекового городища Бейлаган показали, что это городище является остатками довольно значительного городского центра античной эпохи. Городище Тезекенд отождествляется с городом Пайтакараном [5, с. 32; 17, с. 47], который был упомянут в источниках в связи с событиями IV в. н.э. Исследователи предполагают, что с VII в. здесь жизнь прекратилась, и город был перенесен на территорию Бейлагана. Анализ письменных и археологических материалов дает основание считать, что город, начиная с VI — VII вв., развивался именно на этом месте и был разрушен нашествием монголов.

Мощные крепостные стены и полукруглые башни, укрепленные двойной облицовкой из обожженного

кирпича, широкий и глубокий ров, искусственные валы и холмы вокруг города, крепости вне его, составляя систему фортификации Бейлагана, сделали его неприступным. Высота крепостных стен достигает 10–15 м. Город окружал глубокий ров шириной 30–40 м, сохранившийся и поныне.

Захарий аль Казвини (1203–1283) писал, что «Бейлаган — большой, известный город в Арране, укрепленный высокими стенами...» [7, с. 52].

Начиная с конца третьей четверти VIII — первых лет IX вв. в Бейлагане чеканились монеты. Они имели хождение за пределами города и были найдены на территории Киевской Руси и в прибалтийских странах.

Жизнь Бейлагана достигает расцвета в IX–начале XIII вв. В городе было возведено много дворцов, в предместьях появились монументальные, военно-оборонительные и культовые сооружения.

Вода из реки Аракс шла в город по каналу через водопровод, сделанный из обожженного кирпича и составных гончарных труб. В городе найдены иранский фаянс, китайский селадон, раковины каури из Индии, фрагменты арабского стекла (вероятно, сирийского происхождения), большое количество аббасидских монет.

В IX–X вв. в Бейлагане была усовершенствована техника производства керамики — ручной гончарный круг заменён ножным, широко применялись ангоб и глазурь. Большой успех был достигнут в освоении способов получения цветного стекла. Были развиты ткачество, шелководство, ковроткачество. Город славился своими сладостями — натифом.

В районах Азербайджана встречаются развалины городов, называемые местным населением Галайери, Гавургала, Торпаггала, Шехергах и т.д. Расположенные на торговых — караванных путях в Муганской степи, эти городища находятся на возвышенных холмах высотой 5–6 м.

Городища Шахрияр, Чёл Агдам и Галайери¹ в плане почти квадратные, площадью соответственно 40 га (650х635 м), 39 га (625х625 м), 13 га (360х360 м). Все эти города ориентированы своими углами по сторонам света. Цитадели Чёл Агдама и Шахрияра расположены в центре, а городище Галайери разделено на две части. Вероятно, маленькая часть площадью 5 га являлась цитаделью. Оборонительные рвы (глубина его в Галайери — 20–30 м) идут по всей протяженности крепостных стен [3, с. 5; 4, с. 53–62].

¹ Названия этих городов условные.

Археологи предполагают, что эти города существовали в V–VIII вв. и погибли во время арабского завоевания [3, с. 6]. Несомненно, эти города являются остатками упомянутых в письменных источниках, и не локализованных городов.

Старая крепость Нахчывана — Йезидабад расположена на юго-восточной окраине современного города Нахчыван, на правом берегу реки Аракс. Форма крепости повторяет рельеф местности. Квадратная в плане цитадель находится в восточном углу шахристана, который не имеет определенной геометрической формы. Зигзагообразные стены, окружавшие шахристан по всему периметру, начинаются с юго-западного угла цитадели и замыкают её северо-западный угол, при этом между цитаделью и шахристаном образуется узкий коридор.

Город Нахчыван упоминается впервые греческим автором Птолемеем (II в.н.э.) в труде «География» [32, кн.V,13,12]. По данным арабских источников [6, с. 6] город был основан сасанидским правителем Хосровом I (531–579).

Город, переживши не одну историческую эпоху, неоднократно изменял свою структуру — развивался, расширял свою территорию.

В XII в. Нахчыван являлся резиденцией правителя сельджуков и столицей государства Атабеков Азербайджана. Именно в тот период в Нахчыване были созданы такие жемчужины архитектуры, как мавзолеи Момине хатун и Юсифа ибн Кусеира.

Средневековый труд «Аджаиб ад-Дунья» («Диковины мира») приводит следующие сведения о Нахчыване: «Нахчыван... — большой, благоустроенный город в Азербайджане, расположенный на возвышенности, сильно укреплен. В нем построено множество дворцов, замков и айванов. Рядом с городом на камнях выстроена цитадель. В крепости построены медресе, мечети и минареты, имеется приятный источник. Говорят, что нет на земле города благоустроеннее, чем этот. Все здания сделаны из жженого кирпича и алебаstra. Большая часть замков в три и четыре этажа, словно крепости. (Вокруг города) — приятные окрестности, проточная вода, много садов и лугов... Товары: китайской работы ткани, изящные покрывала, войлок, чуха, фута, миски, небольшие деревянные блюда, очень красиво расписанные, так что их развозят в качестве подарков по всему миру» [26, с. 208 и др.].

Городище Хароба Гилан, отличающийся своеобразными оборонительными системами и топографией, находился на древнем торговом пути Таврия — Нахчыван, соединяющем эту область с городами Ближнего Востока.

Развалины городища расположены на огромных территориях (300 га) в междуречье притоков Аракса — Гиланчай и Дюйлюнчай — на трех возвышенностях и в оврагах, находящиеся между ними.

Цитадель города занимала юго-восточную часть на огромных скалах, а немного ниже на холмах были расположены кварталы города — шахристан. За пределами оборонительных стен шахристана располагался рабад. Естественная оборона — с точки зрения защиты благополучная местность и крепостные стены, окружавшие цитадель, шахристана и рабада составляли умело продуманную систему обороны города [16, с. 4, 11].

Нумизматические материалы и письменные источники свидетельствуют о том, что городище называлось Киран. Йакут аль-Хамиви (1179–1229) сообщает о точном названии (Киран) и местоположении («город в Азербайджане между Тебризом и Бейлаганом») города [12, с. 30]. В работе Ибн ал-Асира «Ал-Камил фит-Тарих» — в связи с походом арабского полководца Марвана ибн Мухаммеда (VIII в.) упоминается город Гиран [13, с. 33]. Географическое сочинение «Аджаиб ад-Дунья» сообщает о некоем городе К... , который находится на берегу Аракса, имеет сильную крепость, стены возведены из камня... [26, с. 208].

В связи с событиями VI–VII вв. в источниках IX–X вв. [15, с. 109] говорится о городе **Шабране (Шабаран)**, который отождествляется с городом, упомянутым Птолемеем (II в.н.э.) под названием Shoptrane².

Развалины города Шабрана площадью свыше 40 га расположены в низменной зоне, на обоих берегах реки того же названия. Город находился на торговом пути, шедшем по западному побережью Каспийского моря.

По данным стратиграфии были установлены хронологические рамки существования города. В культурном слое (6м) было выявлено четыре строительных периода: V–VIII вв., IX–XI вв., XII–XIII вв., XIV–XVIII вв. [8, с. 45].

Исследователи предполагают, что городище возникло в поздний античный период [21, с. 140]. Ряд элементов керамики, характерный в основном для раннесредневекового периода, говорит в пользу арабских источников, где имеются сведения о существовании Шабрана ещё в доарабский период.

В результате раскопок обнаружена часть стены предполагаемой цитадели города (Xв.). Стены крепости

² Возможно город находился на месте античного городища, ныне именуемого Джанахар, расположенного вблизи средневекового городища Шабран (см. Бабаев И. А. Города Кавказской Албании (IV в. до н.э. III в.н.э.) Баку. — Элм. — 1990. — 236 с.).

снабжены полукруглыми башнями. При строительстве использовались известняк, булыжник и обожжённый кирпич. Крепость существовала до середины XIII в.

Раскопки свидетельствуют о квартальной планировке города. Дома здесь возводились из обожжённого кирпича на булыжном фундаменте. В городе существовала водопроводная сеть. Экономика города базировалась на ремесленном производстве. Под руинами города была обнаружена керамическая мастерская. Здесь также имелись кузнечное, литейное, медное, ювелирное, оружейное производство, производство стекла.

Город **Шамкир** находился в северо-западной части Северного Азербайджана, на большом торговом пути, шедшем из Южного Азербайджана через Барду, Гянджу, Шамкир, Тбилиси к берегам Черного моря. Он расположен на обширной равнине долины реки Куры, на левом берегу некогда полноводного её притока Шамкирчая. Городище площадью 40 га по форме квадратное, углы которого ориентированы по сторонам света. Цитадель занимает один из углов городища со стороны реки. Вокруг крепостных стен обеих частей был прорыт ров, который заполнялся водой.

Название Шамкир впервые упоминается в источниках в связи с арабским завоеванием. В этих источниках Шамкир называется «древним городом» и «крепостью», «куда был послан Салман ибн Раби'а ал-Бахили после завоевания Барды (635 г.), во времена третьего Праведного халифа Османа ибн Аффана...» [6, с. 13].

В результате раскопок в Шамкире были найдены сасанидские сырцовые кирпичи, еще раз доказывающие о существовании города при сасанидах. Вероятно, город был ими построен при продвижении на Север, после договора 387 г. между Римом и Ираном, то есть после разделения сфер политического влияния. Не исключено, что первые стены крепости — основой будущего города были возведены в V в.

История города **Шамахи**, расположенного на юго-восточных склонах гор Большого Кавказа, на стыке торговых путей, шедших в Персию, Индию, Россию и Европу — древняя и богатая. Основание города как многих других городов Азербайджана связывается с именем Сасанидского шаха Ануширвана I (VI в.). Как известно названия Кемахия или Мемахия упоминается еще во II в. н.э., греческим автором Птолемеем [32, кн. V, гл. II, 253]. Она отождествляется с древней Шамахи.

На западной окраине современного города Шемахи, в двух километрах от него в местности Хыныслы выявлены следы древнейшей культуры (IV в. до н.э. — VII в. н.э.). О том, что на данной территории во II в. до н.э. — III в. н.э.

существовала городская жизнь, свойственная античной эпохи подтверждается археологическими материалами [35].

Вопрос о местонахождении средневекового города некоторое время оставался открытым. Исследователи полагали, что жизнь в Хыныслы прекратилась к VII–VIII вв. и население города перешло в местность Бинеширван, расположенную на расстоянии 5–6 км к северо-западу от современного города, вблизи крепости Гюлистан. По другой локализации город был расположен в северной части нынешнего города, что объясняется с по литическими и экономическими событиями [10, с. 32].

Письменные источники, описывающие города Шамахи на склонах горы [29, с. 8], у подножия Гюлистан и рисунки (А. Олеарий), где город Шамахи помещен на юго-восточном склоне горы Гюлистан, а также планы развалин крепостной стены города, выполненные военными инженерами XVIII в., дали исследователям основание предположить, что средневековый город был расположен на территории современного города [10, с. 25–26].

Город состоял из трех частей: цитадели (Балагала — Малая крепость), шахристана и рабада. Шахристан и расположенная в его северо-западной части цитадель были окружены оборонительными стенами. Вне оборонительных стен располагался рабад.

В начале XI в. город в письменных источниках упоминается под названием Йезидия, что связано с именем арабского наместника (вторая половина VIII в.), осуществившего здесь градостроительные работы [10, с. 35]. В «Тарих-е ал Баб ва Ширван» упоминается построение города Йезидия, правителем Лайзана Абу Тахир Йезидом и 306 г. (918 г.) [27, с. 48]. Таким образом, можно говорить, что в III–IX вв. Шамахи был укрепленным городом, где находилась резиденция Ширваншахов.

Крепостные стены шахристана, судя по поздним рисункам, имели зигзагообразный план, видимо из-за особенности рельефа местности, а Балагала (цитадель) был в плане многогранный (шестиугольный) с площадью 6,5–7 га.

Оборонительная стена толщиной 2,5 м с наружной стороны была облицована тесаными камнями с использованием известкового раствора. Стена была оснащена башнями (диаметр в основании 7 м) и четырехугольными в плане контрфорсами (2 x 2 м), стоящие на расстоянии около 3,5 м друг от друга. В строительстве стен и башен использовали белый камень. На основании сохранившейся высоты стены и башни (4–6 м) можно предположить, что настоящая высота их была 10–12 м.

Средневековая Гянджа, расположенная на обширной равнине, стояла на большом торговом пути, пролегавшем на восток от запада. Развалины города расположены к северо-востоку от современной Гянджи, на расстоянии 6 км от неё. Горная река Гянджачай разделяет город на две части: на правую — большую, и левую — меньшую.

Территория городища площадью 250 га в пределах крепостных стен имеет форму неправильного четырехугольника. Общая площадь его территории с предместьями (рабад) составляет 810 га.

Левобережная часть города в плане имеет форму неправильного четырехугольника со сторонами 600х750 м (45 га). Правобережная часть города больше чем левобережная, где расположена небольшая по площади городская территория (26 га), представляющая собой в плане тоже прямоугольный четырехугольник (600 х 420 м) [9, с.24], окруженная со всех сторон, кроме юго-западной, вторыми стенами. С восточной и северной стороны между первым четырехугольником и большим (860 х 860 м — 74 га) [9, с.25] остается значительное расстояние (100–200 м).

Результаты раскопок, проведенных в последнее время на территории древней Гянджи — «Шехер бурну» (Городской мыс) [24, с.] рассказывают о существовании города в античности (материалы, найденные в основном относятся к началу IV–III вв.) и раннем средневековье.

Гянджа как город формируется в VII–VIII вв., о чем свидетельствуют письменные (Себеос, Хамдаллах Казвини, Моисей Каланкатуйский, Мюнаджимбаши, «Дербенд-наме» и т.д.) и материальные источники. В IX в. Гянджа в Северном Азербайджане станет крупным культурно-экономическим и социально-политическим центром. Изучены остатки общественно-административных и культовых зданий: дворцов-резиденций, монетного двора, караван-сарая, духовных школ (медресе), храмов, бань, жилых домов, торговых рядов, рынков и т.д.

После стихийных катастроф (землетрясения) и иноземных нашествий город был восстановлен и обнесен новыми стенами и воротами.

О мощи оборонительных сооружений Гянджи рассказывают источники. В начале XIII в. (1222 г.) монгольские отряды подошли к городу, ... узнав о большом числе его жителей и об их мужестве..., а также о неприступности города они не пошли на него [13, с. 140]. Город был захвачен после длительной осады с применением большого количества стенобитных машин и метательных орудий и был разрушен до основания.

Барда (Партав) — один из древнейших городов Азербайджана, столица Кавказской Албании (Аррана) (VI–VIII вв.). Она является узловым пунктом торговых путей, соединявших крупные города Кавказа с другими северными и восточными странами.

Письменные источники начинают упоминать город под названием Барда, с V в.н.э. Албанский историк Моисей Каланкатуйский пишет, что Барда была основана в эпоху правления албанского царя Ваче II (459–484). В первой половине VIII в. Барда была крупным городом-крепостью, военно-политическим центром Халифата.

Раннесредневековая Барда, расположена примерно в 5 километрах от современного местоположения города. В X в. город был расположен на берегу реки Тертер и занимал территорию больше фарсаха в длину, столько же в ширину (примерно 6х6 км) [14, с. 86,88; 19, с. 1–73]. Город был укреплен крепостными стенами, он был квадратный по форме и «при нем громадное укрепление» [29, с. 7–8]. Ибн Мискавейх указал, что крепость (цитадель) расположена внутри города (шахристана), и в ней по всей вероятности, размещался гарнизон. Руины четырехугольного в плане крепостного сооружения — «Нушабе галасы» (крепость Нушабе), расположенного на внутренней территории города, являются развалинами цитадели.

Прямоугольный план города наводит на мысль о том, что крепостные стены города построены по единой планировке. На основе письменных источников (Белазури (IX в.), Мукаддаси (конец X в.)) можно предположить, что город в начале занимал площадь на одном берегу реки Тертер, а позже по мере роста он перекинулся на другой берег.

В письменных источниках говорится о восстановлении города, обнесении его «хорошим рвом» — примерно в конце VII– начале VIII в. [6, с. 15]. Не исключено, что именно в этот период вместе с древней частью города, крепостными стенами была обнесена и новозастроенная территория на другом берегу реки.

Расцвет города был прерван нашествием русов в 943 г., после чего наступил период упадка [13, с. 96–97; 35, с. 63–91]. В этот период город в источниках описывается так: «... окраины его уже развалились, число жителей его уменьшилось и крепость полуразрушена» [29, с. 8].

В рабаде города находились караван-сарай, кварталы купцов и ремесленников. Здания города, в основном, были построены из кирпича. Город славился как крупный торговый центр. Бардинский базар под названием «аль-Кюркий» был известен на всем Ближнем Востоке и находился недалеко от крепостных ворот города.

Особое значение Барды обусловлено тем, что она была второй по счёту после Габалы столицей Кавказской Албании в период с VI по VIII вв, а в 552 году сюда был перенесен и религиозный центр государства. В результате Барда превратилась в важный политический, экономический и культурный центр Ближнего Востока, который современники часто сравнивали с Багдадом.

В VII в. Барда превратилась в поле ожесточенных схваток различных иноземных завоевателей. В 628 году город был взят штурмом войсками хазаров, а в 639 году он перешел под контроль иранских сасанидов, однако правителю Албании, великому князю Джеванширу Михраниду, удалось вновь вернуть город под свою юрисдикцию. Однако буквально через пару лет Барду захватили арабы под предводительством халифа Османа (644–656). В XII в. город был до основания разрушен монголами, а позже сожжен дотла войсками Тамерлана (Эмира Теймура). После этого Барда так и не сумела оправиться.

В зависимости от топографических условий и социального положения древние города Азербайджана состояли из двух (цитадель и шахристан) или из трех (цитадель, шахристан, рабад) частей.

Цитадель — привилегированная часть города, приспособленная к самостоятельной обороне. Она обычно занимала наиболее возвышенную и защищенную часть города, где размещались дворец правителя, казна, административные здания. Цитадели были рассчитаны на длительную оборону и отличались особой надежностью. Функции, выполняемые цитаделями, неоднозначны. Естественно функции цитадели зависели от нескольких обстоятельств в оборонном отношении, и, главное — положения самого города в стране.

Цитадель могла быть только местопребыванием правителя государства, служить для размещения военных гарнизонов или же выполняла одновременно обе эти функции. Как отдельная укрепленная часть города она играла защитную роль для обороны всего города от внешнего врага и от народных бунтов. В последнем значении цитадель выполняла социальную функцию. Страх перед народным волнением способствовал выделению цитадели от остальной территории города.

Вокруг цитадели возникало основное ядро города — шахристан внутренняя часть, обнесенная крепостными стенами и сосредоточивающая крупные общественные, культовые и жилые сооружения. Площадь шахристана были самыми различными в зависимости от местности.

Внутренняя структура города разделена была на отдельные кварталы (мехелле). Кварталы делились в ос-

новном по следующим признакам: родовым принадлежностям (падарлар, гушчулар, гуртлар, араблар), особенностям местностей (Ичери кала (внутренняя крепость), Сары торпаг (желтая земля)), этническим признакам (Джухуд мехеллеси (квартал еврей), Кюрдлер (курды), Гянджали (из Гаджи), профессиональным признакам (Зергерлер (ювелиры), Даббачлар (кожевники), названиям квартальной мечети и культовых местностей (Шахидлер (мученики), Шейхминаз) и т.д.

Каждый квартал имел свою мечеть, баню, бассейн (хо-вуз) или родник. У мечети находился центр квартала. Кварталы изучены в Бейлагане, Габале, Баку, Шамахе, Шаки, Шабране, Товузе, Дербенте, Гяндже, Хараба Гилане и т.д.

В цитадели и шахристане средние вековые города существовали кварталы для привилегированных людей, а на рабаде кварталы заселены были ремесленниками (гончары, кузнецы, пекари), бедными людьми. Об этом свидетельствуют названия и характер сооружений кварталов. Кварталы Шамахи — Шапуран (внутри цитадели) и Мейдан-площадь (в верхней части шахристана), Ичери гала — внутренняя крепость (в цитадели) — по всей вероятности эти кварталы были заняты верхушкой городского населения [10, с. 102–103].

На кварталах находились жилые дома, ремесленные мастерские, торговые ряды и лавки, бани, мечети, медресе, караван-сарай, площади и улицы, тупики, закоулки и т.д. Дома в кварталах размещены были плотно — стена одного дома была стеной и другого дома (Бейлаган, Шабран, Хараба-Гилан и другие города). Большую часть бытовых построек, выявленных из средневековых городищ, составляют жилые дома. Жилые дома особенно важны для углубления представлений о бытовом уровне разных слоев средневекового городского населения.

В отличие от цитадели и шахристана, обитавшее в рабаде ремесленное и бедное сословие городского населения имело жилые дома из одного этажа и нескольких комнат. Это доказано археологическими исследованиями рабада в Бейлагане, Дербенте, Хараба Гилане.

Для водоснабжения в городах использовали керамических трубопроводы (Бейлаган, Габала, Шамахи, Барда, Дербент), кягризов-колодцев (Гянджа, Барда и Шамкир), водных резервуаров (Дербент, Хунан, Хараба Гилан, Шамкир) [см. 2; 10; 11; 16; 23]. Для обеспечения санитарно-гигиенических условий в городах были предусмотрены канализационные устройства и дренажные системы (обнаружены в Бейлагане, Дербенте, Шабране, Шамкире).

Для средневековых городов Азербайджана характерны узкие, кривые улицы хаотичной планировки (Бей-

лаган, Шамахи, Баку, Хараба Гилан и др.), что связано с характером развития, поэтапным заселением города, окруженного крепостными стенами, что препятствовало свободной застройке. Не исключено, что в городах имелись и прямые широкие, парадные дороги от ворот до ворот.

Следует сказать, что в ориентации улиц большую роль играли и близлежащие водоемы: море, реки, родники и т.д. В этом отношении особо отмечались прибрежные города (Дербент, Баку), где из порта поднимались множество улиц к городу, его цитадели и на периферии шахристана.

В средневековье, когда отсутствовал городской транспорт быстрого движения, ширина улиц и частота перекрестков не имели решающего значения. Улицы свободно ветвились и поворачивали над любым углом, соединяя городские ворота, общественными торгово-культурными центрами, караван-сараями и мостами.

Чтобы проследить весь облик уличной сети города, их связь с разными уголками города, характер и функции в городском организме требуется более широкое вскрытие городской территории, ибо уличная сеть более сложная, чем эта предполагается и не всегда определяется местоположением ворот.

После арабского завоевания развитие азербайджанских городов, характеризуется образованием вне крепостных стен новых городских районов — рабадов — пригородных ремесленных слобод, носивших в основном торгово-ремесленный характер. Формирование рабадов шло несколькими путями. В них были расположены базары, ремесленные кварталы, культовые сооружения. В рабадах жили в основном низшие слои населения. Здесь размещались торговые ряды, ремесленные мастерские, жилые дома и т.д. Существуют факты о наличии в рабадах и административных зданий (Дербент).

Особенности рельефа местности и характер развития давали городам разное очертание. Города, возникшие в равнинной местности, имели более правильную конфигурацию, чем города, расположенные в предгорьях, либо на местности, изрезанной глубокими оврагами.

Средневековые города Азербайджана имели надежную систему оборонительных сооружений как необходимая мера для защиты. Однако как свидетельствуют письменные источники, на территории Азербайджана существовали и города без крепостных стен. В основном это было связано со стратегическим положением города, или с разрастанием его за пределы древних стен, которые позже уничтожались (Ардабиль в Южном Азербайджане в позднее средневековье).

В экономике городов Азербайджана, наряду с земледелием и садоводством, большое место занимали гончарное, ювелирное, стеклодувное дело, производство. Относящиеся к IV–VIII вв. гончарные печи, орудия ювелирного производства (формы для серег, колец, медальонов, тигли для плавки металла, паяльная лампа, ложка и др.), очаг и орудия труда фармацевта, украшения, металлические изделия, осколки стеклянной посуды, веретена, монеты показывают, что в раннем средневековье большое место в экономической жизни городского населения занимали гончарное, ювелирное, фармацевтическое, стеклодувное дело, ткачество, работа по металлу и камню, а также торговля. В конце века появился гончарный круг и было налажено производство глазурованной посуды.

Как и в античности, в средние века города были очень важными ремесленно-производственными центрами. Результаты археологических раскопок — предметы богатой материальной культуры рассказывают о большом развитии в городах работы по камню, железу, кости, дереву, гончарного ремесла, производства стекла, ювелирного, красильного, кожевенного, ткацкого ремесла и ряда других ремесел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев И.Г., Гадиров Ф. В. Кабала. Баку. — Элм. — 1985. — 86 с.
2. Археология Азербайджана. VI т. — Баку. — Восток — Запад. — 2008. — с. 632 (на азерб. яз.).
3. Ахмедов Г.М. О неизвестных городах и крепостях Муганской степи // Материалы Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1969 г. в СССР. Тезисы докладов. Баку. — 1970. — С. 5–6.
4. Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан. Баку. — Элм. — 1979. — 200 с. (на азерб. яз.).
5. Бабаев И.А., Ахмедов Г. М. Кабала (Историко-археологический очерк). Баку. — Элм. — 1981. — 68 с.
6. Баладзори. Книга завоевания стран // Материалы по истории Азербайджана вып. III Баку. — Известия Общества обследования и изучения. — 1927. — 70 с.
7. Буниатов З. М. Материалы и сочинения Закария ал-Казвини об Азербайджане // Известия АН Азерб. ССР. Серия История, философия, право. Баку. — 1976. — № 3. — с. 45–56.
8. Геюшов Р.Б., Мамедов В. А. Археологические исследования второго участка городища Шабран в 1980/1981 гг. // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане 1980–1981. — Баку. — Элм. — 1986. — с. 44–49.

9. Джафарзаде И. М. Историко-археологический очерк старой Гянджи. Баку. — изд-во АН Азерб.ССР. — 1949. — 103 с.
10. Джидди Г. А. Средневековый город Шемаха IX–XIII вв. Баку. — ЭЛМ. — 1981. — 176 с.
11. Достиев Т. М. Благоустройство средневековых городов Азербайджана // Гобустан. — 1993. — № 1–2.
12. Йакут ал-Хамиви. Му'джам ал-булдан. (Пер. З. М. Буниятов и П. К. Жузе). — Баку. — ЭЛМ. — 1983. — 65 с.
13. Ибн ал-Асир. Тарих-ал-камиль. — Баку. — Изд-во АзФАН. — 1940. — 184 с.
14. Ибн Хаукаль. Книга путей и царств (Пер. Караулова Н. А.) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып. 38. Тифлис. — 1908. — 77 с.
15. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. (Пер. комм, указ. и карты Н. Валихановой. — Баку. — ЭЛМ. — 1986. — 428 с.
16. Ибрагимов Б. И. Средневековый город Киран. Баку-Москва. — 2000. — 176 с.
17. Иессен А. А. Городище Оренкала // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 67. — М. — Л. — 1969. — с. 33–51.
18. Иессен А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 125. М. — Л. — 1965. — с. 10–37.
19. Истахри. Китаб масалик ал-мамалик // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). вып. 29. — Тбилиси. — 1907. — с. 1–73.
20. История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века. (Пер. К. П. Патканяна). — СПб. — 1862. — XVI-216 с.
21. Керимов В. И. Фортификационные сооружения городища Шабран // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. — 1985. — Баку. — 1986.
22. Кудрявцев А. А. О новой хронологии древнего Дербента // Советская археология. — 1982. — № 4. — с. 165–185.
23. Кудрявцев А. А. Древний Дербент. — М.: — Наука. — 1982. — 173 с.
24. Мамедов А. М. Гянджа в античности и раннесредневековье // История и ее проблемы. — Баку. — 2010. — № 3. — с. 163–171 (на азерб. яз).
25. Мамедова Д. Дж. Политическая история, историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. VIII в. н.э.). — Баку. — ЭЛМ. — 1986. — 284 с.
26. Миклухо Маклай Н. Д. Аджайб ад Дуния // УЗИВ. Т. 2. — М.: — 1954. — с. 178–221.
27. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. — М.: — Изд. вост. лит. — 1963. — 266 с.
28. Моисей Каганкатвацци. История Агван (Пер. К. Патканяна). — СПб. — 1861.
29. Мукаддаси. Ахсан ат-такасим фи марифат аль-акалим. (Лучшее из делений познания климатов). (пер. Н. А. Караулова // СМОМПК. вып. 38. — Тифлис. — 1908.
30. Пахомов Е. А. Пайтакаран-Байлакан-Оренкала // Материалы и исследования по археологии СССР. — Т. 67. — М. — Л. — Изд. АН СССР. — 1959. — с. 15–32.
31. Плиний Секунд. Естественная история. Кн. VI. гл. 10, § 29 (пер. В. В. Латышева). // Вестник древней истории. — 1948. — № 2. — с. 215–314.
32. Птоломей. Географическое руководство. Кн. V, гл. II, 2. (Пер. В. В. Латышева) // Вестник древней истории. — 1948. — № 2. — с. 215–314.
33. Сицилийский Д. Библиотека. Кн. II, 2 // <http://ancientrome.ru/antlitr/diodoros/index.htm>
34. Халилов Дж. А. Раскопки на городище Хыныслы, памятник древней Албании. // Советская археология. — 1962. — № 1. — с. 209–221.
35. Якубовский А. Ю. Ибн Мискавейх о походе русов в Бардаа в 332/943–944 гг. // Византийский временник. Т. 44. х. Л. — 1926. — с. 63–92.

© Нагиев Гаджирагим Гаджикеримович (hnagiev@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE MOTIVATION TO SUCCEED IDENTITY: PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL ASPECT

Sh. Amerzhanova

Summary. A person's successfulness in the day — one of the main indicators of activity of each, as well as an indicator of each educational establishment (school, College, or University). To be successful you must have a purpose and a desire to achieve the goal, the desired result. In the research of modern scholars has the following structure of activities, which includes elements such as goal — motive — method — result. Shows the relationship of key concepts really contributes to achieving success in any activity. Try to understand the definition of a key concept «success».

Keywords: success, personality, personality, achievement motivation, social goals, self-development.

Амержанова Шолпан Кабижановна

Главный специалист, Филиал акционерного общества
«Национальный центр повышения квалификации
«Өрлеу»; «Институт повышения квалификации
по Северо-Казахстанской области»
Amerzhanova@list.ru

Аннотация. Успешность личности на сегодняшний день — один из основных показателей результативности жизнедеятельности каждого, а также это и показатель каждой образовательной организации (школа, колледж, вуз). Чтобы быть успешным необходимо иметь цель и желание достижения цели, желаемого результата. В исследованиях современных ученых присутствует следующая структура деятельности, которая включает такие элементы, как цель — мотив — способ — результат. Представленная взаимосвязь ключевых понятий действительно способствует достижению успешности в любой деятельности. Попытаемся разобраться в определении ключевого понятия «успех».

Ключевые слова: успех личности, становление личности, мотивация достижения, социальные ориентиры, саморазвитие.

В психологическом словаре под редакцией Роберта Артура дается научное толкование понятия: успех — это «выполнение, достижение цели». А.С. Белкин дает следующее определение: успех — это переживание состояния радости, удовлетворения от того, что результат, к которому личность стремилась в своей деятельности, либо совпал с ее ожиданиями, надеждами (уровнем притязаний), либо превзошел их. Успех в определении С.И. Ефремовой означает положительный результат деятельности субъекта по достижению значимых для него целей, который отражает социальные ориентиры общества и выступает в качестве формы самореализации субъекта. Успех в данном определении обеспечивает саморазвитие личности и предполагает оценку со стороны общества в форме одобрения. С.А. Пакулина утверждает, что успех не только феноменальный объект, качественный в отношении результата, и не только сам результат, а это оценка и смысл существования для субъекта, который составляет содержательную основу мотивационной сферы личности [1].

Понятия «успех», «успешная личность» прочно вошли в нашу жизнь. Насколько успешна личность, настолько успешно общество и, в целом, государство. Поэтому, необходимо изначально работая над развитием, профессиональным ростом личности акцентировать внимание на мотивации достижения

успеха. Согласно научным теориям и практическим наблюдениям, развитие происходит, начиная с самых ранних стадий, и социальная среда имеет огромное влияние на развитие и становление личности. В этом направлении необходимо учитывать, что мотивация достижения — это, прежде всего, поведение человека, направленное на достижение успеха в жизни, на, возможно, лучшее выполнение любого вида деятельности, которую он считает значимой и которая ориентирована на достижение такого результата, к которому применяется критерий успешности.

В современном становлении личности первостепенную роль необходимо обращать не просто на развитие мотивации, а на развитие внутренней мотивации. Что значит, внутренняя мотивация? Внутренняя мотивация — это внутренняя потребность, исходящая, непосредственно от самой личности. Это то, что хочу и могу я сам. Внутренняя мотивация, это когда человек делает что-либо потому, что это ему интересно и привлекает его. В практике по развитию личности внутреннюю мотивацию необходимо поддерживать через установление подмостков (временное средство). Важно принимать во внимание то, как идет развитие, какие возможности можно использовать для более успешной, результативной деятельности. В тех направляющих моделях, в рамках которых присутствует восприимчивость к знаниям, навыкам, подходам и убеждениям, исходящим от самих личностей,

деятельностный процесс будет иметь больше шансов на успех. Например, в достижении успеха в области знаний в процессе обучения используются специальные диагностические средства, помогающие связать обучение с имеющимися знаниями, возможными ошибочными суждениями и поиском методов их исправления. В данном случае, это и есть временное средство, способствующее развитию личности. Любой успех возможен при четкой целенаправленности на достижение результата. Поэтому, с точки зрения деятельностного подхода успех — это максимальное совпадение цели и результата.

Внешняя же мотивация характеризуется как деятельность, которую выполняет человек. И эта деятельность является средством для какой-то другой цели или деятельности. Иными словами, внешняя мотивация, при которой деятельность выполняется под действием внешнего контроля в виде поощрений или наказаний.

При развитии личности важно также учитывать такие виды мотивации, как положительная и отрицательная. Мотивация, которая основана на положительных стимулах, является положительной. Мотивация, основанная на отрицательных стимулах, является отрицательной. Различают также устойчивый и неустойчивый вид мотивации.

Для того, чтобы осознать мотив необходима внутренняя работа. Мотив достижения является стойкой чертой личности и проявляется в ситуациях деятельности достижения.

В психологической теории деятельности мотив — принят как один из ключевых понятий, разработанный такими ведущими психологами советского времени, как А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн. В рамках этой теории следующее определение мотива является наиболее распространенным: «Мотив — это опредмеченная потребность» [2]. Под мотивом часто понимают потребность и цель, где потребность — это, неосознаваемое желание, направляющее личность на устранение дискомфорта, а целью является результат сознательного целеполагания, выбора предмета (объекта), удовлетворяющего требованиям мотива. Существует такой яркий пример объяснения на примере бытового восприятия: жажда есть потребность, желание же утолить жажду — это цель, а бутылка с водой, к которой тянется человек — это мотив. Жажду можно также понимать как чувство, ощущение (жажды), тогда под потребностью понимается необходимость иметь определенное количество воды в организме (в крови), тогда цель поведения — утолить жажду, оптимизировать количество

воды в организме (но не бутылка с водой). В таком понимании «мотив — это ресурс (вода), стремление получить или сохранить который обуславливает поведение субъекта» [2].

Мотивация трактуется как побуждение к действию. Это психофизиологический процесс, который управляет всей деятельностью, поведением человека. Именно мотивация направляет личность, организует, активизирует на достижение успеха. Способность человека деятельно удовлетворять свои потребности также происходит под действием мотивации, причем внутренней мотивации.

Понятие «мотивация» впервые употребил А. Шопенгауэр. Затем более широкое исследование мотивации мы встречаем в работах А. Маслоу. В определении А. Маслоу мотивация понимается как некое субъективное состояние стремления, потребности в чем — либо, желания, ощущения нехватки чего-либо.

В психологии личности мотивация представляется в качестве ключа к пониманию личности и индивидуальных различий. В когнитивной психологии мотивацию рассматривают как процесс, который объясняет актуальное поведение.

Исходя из современных определений категории «мотивация» (В.К. Вилюнас, В.И. Ковалева, Е.С. Кузьмина, Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова и др.) под мотивационной сферой личности понимается совокупность стойких мотивов, которая имеет определенную иерархию и выражает направленность личности [2].

Так, Т.О. Гордеева представляет мотивацию достижения как сложную конструкцию, состоящую из множества факторов и, соответственно, выделяет следующие, наиболее значимые, блоки:

- ◆ Мотивационно-регуляционный блок (формирование доминирующих мотивов). Данный блок отвечает за определенные, целенаправленные действия человека. За мотивами действия стоят потребности и потребные состояния, также мотивы зависят от ценностей и представлений субъекта. Потребности выступают предикторами деятельности и мотивов, которые дают толчок к какому-то поведению, но сами не являются достаточным объяснением того, почему человек что-то делает.
- ◆ Целевой блок (постановка целей). Цели — это конечные результаты, которых намерен достичь человек, они осознаваемы в отличие от мотивов, которые могут быть скрыты. Этот

блок отвечает за то, какие цели человек себе ставит, насколько эти цели конкретны, четки, ясны. Важным компонентом данного блока наряду с самоэффективностью является и самонаправленность, самовыражение, саморегуляция, то есть насколько достижение той или иной цели возможно для индивида.

- ◆ Интенциональный блок (планирование выполнения деятельности). Блок планирования действий для достижения цели, это осознанное стремление достичь цели с выбором средств, которые способствуют достижению поставленной цели. Важными факторами при этом являются вера в контролируемость, доступность средств результатов деятельности.
- ◆ Одним из важнейших моментов при результативности деятельности является реакция на неудачу у субъекта. Этот блок Т.О. Гордеева определяет как «реакция на неудачу» (реагирование на ситуацию помехи и неудачи). Реакция на неудачу зависит, конечно же, от индивидуальных особенностей личности и возрастных особенностей. Так, общеизвестна реакция на неудачу в зависимости от типа темперамента: где холерика любая неудача дезорганизует, сангвиника и флегматика направит на анализ действий, а у меланхолика появится тревожность и отвержение к деятельности. То есть в зависимости от силы воли, степени уверенности, целенаправленности, характера одни в ситуации неудачи могут отказаться от намеченных планов, достижения успеха, а других, сильных личностей неудача и выступит в качестве мотива к поиску возможностей для достижения успеха. И как отмечает исследователь Т.О. Гордеева: здесь имеет значение, каким факторам человек приписывает свои неудачи и успехи. Доказано, что если человек приписывает неудачу себе (более конкретно: своим способностям), то это приводит к отказу от продолжения деятельности. В данном случае, можно пояснить следующим наблюдением: личность, которая рефлексирует свою деятельность, оценивает, но при этом не находит возможности улучшить результат своей деятельности при отсутствии внешней поддержки может легко перейти из степени успешности в разочарование. Если же присутствуют внешние и контролируемые факторы, или внутренние и поддающиеся контролю, то продолжает усилия и неудача его не «ломает».
- ◆ Блок «усилия» (реализация намерений). Данный блок, который выделяет автор, является заключительным и фиксирующим насколько

ко личность на пути достижения результата, иными словами на пути к достижению успеха. Этот блок, как бы, закрепляющий весь путь достижения успеха. Однозначно то, как личность проявит личностные качества: проявление инициативности, целеустремленности, уверенности, готовности, проявления креативности, гибкости мышления, а также стратегическое видение, за которыми и проявятся усилия-действия. Важным моментом выступает и эмоциональное состояние: уровень уверенности, тревожности личности. Так высокий уровень тревожности в сочетании с низкой верой в свои способности и возможность достичь цели являются барьером при выполнении деятельности, в то время как тревога в сочетании с полной уверенностью в правильности выбора способствует на деятельность. Необходимо отметить, что отсутствие чувства тревоги, как и ее повышенный уровень, также может оказать негативное воздействие на достижении успех. Таким образом, как и предполагает Т.О. Гордеева, умеренный уровень тревожности оказывает стимулирующий и мобилизирующий эффект[1].

Таким образом, достижение успеха в деятельности зависит не только от способностей человека и его собственных представлений о них, но, прежде всего, от стремления достичь цели, от целеустремленных и настойчивых намерений и действий, желания ради достижения успеха, т.е. от мотивации достижения. Наиболее значительный вклад в успешности деятельности принадлежит внутренней, устойчивой и положительной мотивации достижения успеха.

Мотивация достижения — поведение человека, направленное на достижение успеха в жизни, на возможно результативное выполнение любого вида деятельности, которую личность считает значимой и, которая ориентирована на достижение цели, к которому может быть применен критерий успешности.

Мотив достижения является стойкой чертой личности и проявляется в ситуациях деятельностного подхода на пути к достижению цели.

Важным в мотивации достижения успеха личности являются критерии. Для характеристики ситуаций деятельности достижения правомерно привести критерии, предложенные Х. Хекхаузен. Это осязаемый результат деятельности; возможность качественной или количественной оценки результата; адекватность требований к оцениваемой деятельности с точки зрения определенных затрат сил и вре-

мени; существование определенной сравнительной шкалы и некоего нормативного уровня в пределах данной шкалы, считающегося обязательным. Одно-

значно то, что деятельность должна быть желанной для субъекта и ее результат должен быть получен им самим [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. — М.: Смысл, 2006. — 336 с.
2. Пакулина С. А. Методика диагностики мотивации достижения успехов студентов в вузе // Психология обучения. 2009. № 1. с. 102–113.
3. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.
4. Стреляу Я. Роль темперамента в психическом развитии. М., 1982
5. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения / пер. с англ. СПб.: Речь, 2001.
6. Шенцева Н. Н. Содержание и структура мотивации достижения личности: учеб.-метод. пособие. Сергиев Посад: СПГИ, 2005.
7. Шпаковская Е. Влияние мотивации достижения успеха и избежание неудач на поведение человека (www.komanda.ru)
8. Интернет — ресурс. Личностные особенности (www.psychologos.ru)
9. Интернет — ресурс. Мотивация (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Мотивация>)

© Амержанова Шолпан Кабижановна (Amerzhanova@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И КАРЬЕРА СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА

THE PROFESSIONALISM AND CAREER OF THE MODERN SPECIALIST

M. Arpentieva

Summary. Currently, the total is the understanding of the need to integrate the culture of the organization and staff, the removal of contradictions between the culture of employees and enterprises achieve harmony, balance. Of particular importance here is the problem of motivation, which determines the orientation of individual career and professional development, as well as the problem of organizational motivation: an essential characteristic of organizational and professional cultures not only in their static, but also dynamic aspects. Specialist and organization can «tolerate» the imperfections and mistakes of each other if 1) the work on the bugs is, the person and/or organization interested in each other, 2) defined and implemented a specific, acceptable to both parties the focus of this work (motivation, personal and organizational development and related phenomena). In the absence of those two things, life and organization, and a technician associated with many unpleasant, destructive moments.

Keywords: motives, professionalism, career theory career.

Арпентьева Мария Равильевна

*Д.псих.н., профессор, с.н.с., Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского
mariam_rav@mail.ru*

Аннотация. В настоящее время общим является понимание необходимости интеграции культуры организации и сотрудников, снятие противоречий между культурой сотрудников и предприятия, достижения гармонии, равновесия. Особое значение приобретает здесь проблема трудовой мотивации, определяющей направленность индивидуального карьерного и профессионального развития, а также проблема мотивации организационной: необходима характеристика организационной и профессиональной культур не только в их «статическом», но и динамическом аспектах. Специалист и организация могут «потерпеть» несовершенства и ошибки друг друга, если 1) работа над ошибками ведется, человек и/или организация заинтересованы друг в друге, 2) задано и реализуется определенное, устраивающее обе стороны направление этой работы (мотивация личностного и организационного развития и связанные с нею феномены). При отсутствии этих двух моментов, жизнь и организации, и специалиста, связаны со многими неприятными, деструктивными моментами.

Ключевые слова: мотивы, professionalism, карьера, теории карьеры.

Эффективность и продуктивность подготовки профессионала подтверждается в актуальной перспективе — признанием мировым сообществом той или иной школы подготовки профессиональных кадров в том или ином виде трудовой деятельности, востребованностью специалистов — педагогов данного направления за рубежом [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. В отсроченной перспективе — складывающимися и стойко развивающимися школами подготовки специалистов, мировым признанием как внесением педагога и его школы в реестр достижений мировой культуры, науки и практики менеджмента и т.д. [13]. Развитие профессионального образования направлено на решение ряда задач [13]:

- ◆ подготовка творческих и педагогических кадров;
- ◆ выявление одаренных детей и молодежи, а также обеспечение соответствующих условий для их образования и творческого развития;
- ◆ сохранение и передача новым поколениям традиций российского профессионального образования;
- ◆ этическое и профессиональное обучение и воспитание подрастающего поколения и общее воспитание подготовленной и заинтересованной аудитории, сообщества, ретрансляция имеющихся и трансляция новых достижений науки и практики в той или иной области профессиональной деятельности и т.д.

Профессиональная жизнь труженика на благо общества обогащает жизнь человека в целом, дает толчок развитию, переживанию и осознанию жизни, ее ценностей, нравственных основы отношений между людьми, смысла жизни и т.д. [14]. Особенно остро и настойчиво поэтому стоит вопрос о выработке в процессе труда способности противостоять «экзистенциальному вакууму» [15, с. 24], поддерживать и развивать мировоззренческую целостность своего бытия, находить, сохранять и транслировать окружающим жизнеутверждающие ценностно-смысловые ориентации. Формировать такую способность необходимо и возможно в ходе образования, в том числе, профессионального образования: используя их возможности для развития человека и общества. Как отмечает В. Франкл, основная задача современного образования «состоит не в том, чтобы довольствоваться передачей традиций и знаний, а в том, чтобы совершенствовать способность, которая дает человеку возможность находить уникальные смыслы» [15, с. 295]. С помощью образования человек «непринужденно шагает по направлению к миру» [3, с. 187]. Значимость образования, его культурный, развивающий смысл состоит, как подчеркнул М. Хайдеггер [16, с. 345–361], в том, что оно переводит человека из обыденного пространства — пространства социальных и физических предметов, в иное пространство, в котором «просветляется» мир, в котором вещи обретают свой подлинный облик, совмещающий уникальное и всеобщее. Оно способно

вывести к высшим, духовно-нравственным смыслам, которые делают человека человеком. Истинное знание, по мнению С.Л. Франка, возникает экзистенциальном переживании как целостном единстве жизни и знания; знать объект — значит «пережить» его изнутри в силу объединенности с ним. Поэтому приоритетом жизни человека выступают его внутренние, духовный и душевный миры, направляющие человека в глубины и высоты собственного сознания и осмысленное «переживание», и «сопереживание», позволяющие, как пишет С.Л. Франк, увидеть предметный мир в преображенном облике, открыть в нем «новое, таинственное, внутренне-значительное содержание» [14, с. 192]. Согласно Г.-Г. Гадамеру, роль образования — быть посредником между универсумом непроявленных жизненных смыслов и жизненным миром каждого человека [5, с. 41, 350].

Эффективность и продуктивность профессиональной деятельности специалиста отражена в интегративном понятии «профессиональная культура» — достигнутый специалистом в его трудовой деятельности уровень мастерства (профессионализма). Оно предполагает ряд аспектов, в том числе творчески-созидательное отношение к труду и себе как субъекту труда, способность к принятию карьерных и профессиональных решений и их оценки одновременно с нескольких позиций — конкретно-технологической, социокультурной, индивидуально-личностной. Профессиональная культура специалиста — результат интеграции профессиональной и социальной компетентности специалиста, представления о своей профессии, себе как профессионале (среди других профессионалов), обществе, в котором и для которого осуществляется профессиональная деятельность, культуре, транслируемой и воссоздаваемой в работе специалиста. Эффективность профессиональной деятельности специалиста в большей мере связана с понятием «карьеры», а продуктивность профессиональной деятельности — с понятием «профессионализм».

Карьера (от французского «*cariera*») определяется как успешное продвижение вперед в той или иной области (общественной, служебной, научной, профессиональной) деятельности. А.К. Маркова [9, с. 123] полагает, что целесообразно различать широкое и узкое понимания карьеры. Широкое понимание карьеры как профессионального продвижения, профессионального роста специалиста включает в себя достижение и развитие профессионализма, этапы восхождения человека к профессионализму, переход от одних уровней профессионализма к другим, профессионализацию. В этом контексте карьера близка к «акмеограмме» специалиста — траектории движения данного человека к вершинам профессионального мастерства и профессионального статуса, акме профессионализма у специа-

листа, совпадают [1; 2; 10]. Оценка успехов специалиста ведется по шкале профессионализма. Результат такой карьеры — высокий профессионализм специалиста и достижение социального признания в виде того или иного профессионального статуса. При этом критерии профессионализма и статус специалиста меняются в течение его жизни, а также жизни общества, однако, человеку удается сохранить гармоничность своей жизни. В целом профессионализм — (стабильно проявляемое) мастерство, профессиональное и качественное выполнение должностных /профессиональных обязанностей, мера и степень профессионального совершенства и/или особое свойство людей систематически, эффективно и надежно выполнять профессиональную деятельность в разнообразных условиях.

Более узкое понимание карьеры — как должностного продвижения, — выделяет не столько достижение профессионализма, сколько достижение того или иного социального статуса в профессиональной деятельности, определенной должности специалиста. Этот тип карьеры и развития специалиста начинается, как правило, с выбора престижной профессии и направленной ориентации личности на достижение в ней определенных социально признанных и значимых стандартов и ориентиров в профессиональной деятельности и вне нее, а также достижении желаемого места на шкале социального престижа. Оценка успехов специалиста ведется по шкале социального признания. Карьера — это более или менее сознательно выбранный и так или иначе активно реализуемый путь должностного продвижения, стремление к намеченному статусу (квалификационному, должностному, социальному). Карьера специалиста рассматривается как компонент профессионального и социального самоутверждения личности в соответствии или несоответствии с уровнем его квалификации. Основа карьеры — общественно признанные шкалы статусов, маркирующих образцы профессиональных и социальных достижений. Эти образцы выступают как ценности и цели человека, стимулируя или, при невозможности достижения, разрушая его профессиональное развитие, формирование и развитие профессиональной культуры. Результатом такой карьеры — определенный социальный и профессиональный статус (должность и др.). При этом критерии социальных и профессиональных статусов также могут меняться для специалиста и для окружающих его людей.

Обычно отмечают, что специалист может осознанно выбирать и строить свою карьеру — как в профессиональном, так и в должностном смыслах. Однако, не нужно забывать о том, что карьеру не делают в одиночестве и изоляции, напротив, по мере социального и профессионального статуса доля «внепрофессиональных» аспектов развития специалиста увеличивается. Аналогичным

образом, профессионалом не становятся вне взаимодействия с группой профессионалов-наставников и вне выполнения усложняющихся задач деятельности.

Весьма часто, особенно в сообществах с резко асимметричными социально-статусными отношениями, с кризисной экономикой и производством, с деформациями науки и образования, эти стороны карьеры не совпадают, даже напротив: высокая профессиональная культура специалиста нередко сочетается с низким социальным и профессиональным статусом и наоборот. Бюрократия или этакратия (номенклатура) перекрывает меритократические лифты даже в сферах образования и науки, культуры и искусства, стремясь отсеять конкурентов в самом начале, создает деформированную систему трудовых отношений, в которой основными условиями карьерного успеха специалиста становится «семейственность», содержание профессиональных деятельностей выхолащивается, при этом собственно творческая интеллигенция и специалисты в целом переводятся в статус «прекариата» (лишенного каких-либо социальных гарантий и ценности как трудовой ресурс) [17]. Особенно заметен этот процесс в сфере подготовки и переподготовки специалистов для науки и искусства (то есть, в наиболее передовых, связанных с развитием стран и сообществ, сферах).

Если раньше ситуация, при которой специалист мог не сделать служебную, должностную карьеру, а человек на высоких должностях мог не достичь высокого уровня профессионализма, встречалась часто, но не была ни нормативной, ни единственной, то теперь — данная ситуация становится нормой, охватывающей все больше сфер и кластеров жизни цивилизованных стран. Лидерство, как отмечалось, у стран с максимальными показателями социального расслоения и несправедливости, таких как Россия. Карьера первого типа предполагала собственно профессиональную компетентность, акцентируя профессиональный аспект культуры специалиста, карьера второго типа требовала ранее социальной компетентности, сейчас же формальный статус не означает реального лидерства или каких-либо достижений в профессиональной сфере или в отношениях с другими профессионалами. Напротив, происходит все более активное «понижение статуса» незаслуженно получившего «теплое место» специалиста, его деятельности, профанация и симуляция деятельности руководителем и попытки игнорировать ее и незаслуженный характер «лидерства» вызывают деформации понимания себя и мира у подчиненных (профессиональные деформации, включая психологическое выгорание, депрофессионализацию и психические нарушения). Многие специалисты входят в режим отказа и внешне пассивной усталости — забастовки: скрытое сопротивление активной поддержке «начальника» грозит внезапным, но от того не менее

тотальным взрывом. Другие специалисты сплачиваются в «военизированные банды», защищающие статус и самого «начальника», саму по себе асимметрию профессионализма и социального успеха. Некоторые, обладающие более высоким статусом или готовые потерять то небольшое, что имеют, способны противостоять произволу и коррупции, обозначая его как произвол и коррупцию: именно они поднимают массы на революционные сдвиги, именно им «достается больше всего преследований, гонений и репрессий (нонконформисты попадают в разряд преступников, психически больных, «кандидатов на увольнение», диссиденты и эмигранты). Один из видов отказа — дауншифтинг, отличается от диссидентства как «внутренняя эмиграция», человек уходит в себя, уходит из профессии, чтобы найти в себе — либо нового профессионала, новую профессиональную культуру как новый способ профессиональной деятельности, либо менять ориентацию и профессию. При низкой профессиональной культуре специалист может переключится на достижение социального и профессионального статуса, отказавшись от профессионального роста. При высокой, он, как правило, ищет новые пути развития и реализации в обоих направлениях. Либо, ищут профессию и ситуацию (организацию), позволяющую совместить карьерный и профессиональный рост, как это описывает, например, концепция «поливариативной карьеры» (protean career), Д. Холла [18; 19]. Чтобы избежать социальной и личностной напряженности, гонений и травли в отношении одних людей другими, в профессиональной деятельности ч специалиста должны быть представлены оба рода карьеры, диспропорция может вызвать не только деформации личности, но и деформации государственно-правовых отношений.

Однако, как отмечается, например, в концепции поливариативной карьеры, сложный характер карьерного пути сотрудника в современной организации может включать подъемы и спады, временные возвраты на предыдущей уровни профессионального мастерства и должностные позиции, смену одного вида деятельности и приоритетов деятельности и жизни специалиста другим. Традиционный подход, включающий модель карьерной лестницы («career path») менее реалистичен и вызывает у специалистов неадекватные ожидания, в том числе «немедленного» и «неминуемого» подтверждения его профессионализма. В концепции поливариативной карьеры также подчеркивается уникальность карьерного пути для каждого работника. Карьера человека, по мнению Д. Холла и Ф. Марвиса уникальна и неповторима («career fingerprint»). Раньше главенствовал императив «одна жизнь — одна карьера» («one life — one career»), позволявший работнику рассчитывать, что для успешного осуществления карьеры в течение всего периода его профессиональной активности вполне достаточно развития какого-то одного или нескольких кон-

кретных умений и навыков [4; 11, с. 48; 19]. Новый взгляд фокусируется на карьере как на динамичном прохождении многих карьерных циклов, каждый из которых состоит, в свою очередь, из ряда подстадий профессионального становления и развития (вхождение — освоение — достижение мастерства — уход) и чередуется с краткими, но интенсивными периодами переобучения, социального и профессионального успеха или неуспеха. При этом от человека, который стремится к достижению профессионализма и карьеры, требуются метаумения, включая способность быстро адаптироваться к часто меняющимся условиям организационной среды, общественным изменениям. От него требуется самообучение (хьютагогика) и обучение в процессе супервизии и наставничества [2].

Таким образом, карьера специалиста рассматривается как процесс, управляемый и организацией, и человеком, и жизнью в целом. Поливариативная карьера — система ситуаций реализованных и отвергнутых профессионалом и его окружением выборов, задающих векторы профессионального и карьерного продвижения. Это предполагает «психологический контракт на карьеру» — система взаимных ожиданий работника и работодателя друг от друга, носящие чаще всего имплицитный, не декларируемый характер. К сожалению, в высоко коррумпированных организациях он часто противоположен декларируемым целям и вводит в заблуждение сотрудников, связывающих свою жизнь с организацией. Возникает «текучесть кадров» и иные более или менее выраженные проявления организационного и личностного неблагополучия.

К числу современных психологических концепций карьеры относится теория «карьерных якорей» («career anchor») Э.Шейна: планирование и реализация карьеры — это «процесс медленного развития профессионального самопонимания специалиста. Центральным конструктом является понятие «карьерного якоря» (карьерно-ключевого момента) — ценности, от которых работник ни за что не откажется, если придется делать выбор карьеры и даже профессии. Карьерные якоря составляют «фазовые внепространственные пункты искривления линии карьеры, вокруг которых происходят колебания карьеры человека; личность осознает их существование в результате оценки своих способностей, мотивов и потребностей, отношений и ценностей» [20, с. 112]. При этом чем более зрелым является человек как профессионал и как личность, тем более велика роль внутренних, личностных факторов в его карьере. На карьере могут влиять и внешние факторы — социо-профессиональная среда, тип профессиональной организации и т.д. Профессиональная среда может как ускорять, так и тормозить профессиональный рост и карьеру, «отсекая» от развития как некомпетентных, так и сверх-

компетентных. Организация и культура организации может способствовать типам карьеры и отбору профессиональных культур, поощряя или разрушая труд человека, процесс и результаты труда, соответствие или несоответствие служебному положению, соблюдение или несоблюдение принципов организации [9, 12, др.]. Поскольку организационная среда неоднородна и влияет на человека неоднозначно, специалисты необходимо выработать собственные относительно независимые и автономные критерии своего профессионализма и карьерного успеха, периодически сверяя свои представления с представлениями коллег.

А.К. Маркова [8] считает, что способность человека к работе в профессиональной общности включает в себя: реальный профессионализм в предметной деятельности, включенность в ценностные ориентации, менталитет профессиональной общности, приоритетное внимание к духовно-нравственным ценностям профессии и жизни, уважение сотрудников и специалистов своей и иных профессий и статусов, сформированность и гибкость профессионального сознания, мотивационную готовность к профессиональному и статусному развитию, осознанность индивидуального вклада с учетом сотрудничества с коллегами, способность быстро ориентироваться в нестандартных профессиональных ситуациях, мотивацию к развитию профессиональной общности, содействие формирования профессионального сообщества и сотрудничества, члены которых объединены близкими нравственными ценностями и творческими целями.

Обращая внимание на профессиональные сообщества специалистов, важно выделить вопрос о их совместной творческой и организационной деятельности специалистов. Как показано в работах И.Г. Кокуриной [6, др.] успешность совместной деятельности является важным условием продуктивности работы организации в целом. Реальное освоение служебной среды осуществляется в процессе выполнения должностных обязанностей. Важная сторона этого процесса — приведение личной компетентности или некомпетентности в согласие с уровнем требований и нравственными ориентирами (миссией и оргкультурой) данной организации [7].

В настоящее время общим является понимание необходимости интеграции культуры организации и сотрудников, снятие противоречий между культурой сотрудников и предприятия, достижения гармонии, равновесия. Особое значение приобретает здесь проблема трудовой мотивации, определяющей направленность индивидуального карьерного и профессионального развития, а также проблема мотивации организационной: необходима характеристика организационной и профессиональной культур не только в их «статическом», но и ди-

намическом аспектах. Специалист и организация могут «потерпеть» несовершенства и ошибки друг друга, если 1) работа над ошибками ведется, человек и/или организация заинтересованы друг в друге, 2) задано и реализуется определенное, устраивающее обе стороны

направление этой работы (мотивация личностного и организационного развития и связанные с нею феномены). При отсутствии этих двух моментов, жизнь и организации, и специалиста, связаны со многими неприятными, деструктивными моментами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов О. С. Управленческая акмеология // Акмеология. / Под ред. А. П. Деркача. — М.: РАГС, 2002.
2. Арпентьева М.Р., Корчагина Н. С. Личностная готовность студентов-экологов к профессиональной деятельности. — Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2016.
3. Бинсвангер, Л. Аналитика существования Хайдеггера и ее значение для психиатрии // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. Избранные статьи; пер. с англ. Е. Сурпиной. — М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1999. — 300 с.
4. Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер. М.: Дело, 1991.
5. Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер; пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
6. Кокурина И. Г. Методика изучения трудовой мотивации. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
7. Лотова И. П. Профессиональная карьера государственных служащих. М.: МГСУ, 2000.
8. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.
9. Маркова А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: Пособие для учителя. — М., Просвещение, 2001.
10. Миниалиева М. Р. Психологические технологии управления карьерой и организационным развитием. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2012
11. Могилёвкин Е.А., Щербина М. В., Кленина А. Н., Бажин А. С. Карьера молодого специалиста: теория и практика управления: Учеб.-практич. пособие / Науч. ред. Е. А. Могилёвкин. — Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006.
12. Поварёнков, Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека. М.: Изд-во УРАО, 2002.
13. Проблемы кадрового обеспечения: трудоустройство и адаптация молодого специалиста: материалы Всероссийской научно-практической конференции (22 мая 2015 г., г. Хабаровск) / науч. ред. Е. В. Савелова, сост. Е. Н. Лунегова. — Хабаровск: ФГБОУ ВПО «ХГИИК», 2015. — 160 с.
14. Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Сочинения / Вступ. ст., сост. и прим. Ю. П. Сенокосова. — М.: Правда, 1990. — 607 с.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — 366 с. 57
16. Хайдеггер, М. Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Библихина. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
17. Шкаратан О.И., Ястребов Г. А. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
18. Hall D. T. Careers in and out of Organizations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002.
19. Hall D. T. and Mirvis, P. H. «The New Career Contract: Developing the Whole Person at Midlife and Beyond.» Journal of Vocational Behavior 1995. № 47.
20. Schein E. H. Organizational culture // American psychologist, 1990, Vol. 45(1).

© Арпентьева Мариям Равильевна (mariam_rav@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ПСИХОЛОГОМ КЛИЕНТА В СИТУАЦИИ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING A PSYCHOLOGIST CLIENT IN A SITUATION OF CROSS-CULTURAL INTERACTION

M. Arpentieva

Summary. In modern foreign and especially American psychology the problem of cross-cultural interactions in the framework of psychological counseling and psychotherapy is one of the most popular. The study of cross-cultural aspects of psychotherapeutic interaction helps the consultant to be more accurate in assessing the situation with the client, the choice of strategies of psychological adjustment and methods of compensation — minimizing culturally based errors (biases) in their own interpretations, attitudes and actions (behaviour) that are considered in this article.

Keywords: cross-cultural interaction, psychological interaction, psychological correction, psychotherapy.

Арпентьева Мария Равильевна

*Д.псих.н., профессор, с.н.с., Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
mariam_rav@mail.ru*

Аннотация. В современной зарубежной и, особенно, американской психологии проблема кросс-культурных взаимодействий в рамках психологического консультирования и психотерапии является одной из наиболее популярных. Изучение кросс-культурных аспектов психотерапевтического взаимодействия помогает консультанту быть более точным в оценке происходящего с клиентом, выборе стратегий психологической коррекции и способов компенсации — минимизации культурно-обусловленных ошибок (biases) в собственных интерпретациях, отношениях и поступках (поведении), что и рассмотрено в данной статье.

Ключевые слова: кросс-культурное взаимодействие, психотерапевтическое взаимодействие, психологическая коррекция, психотерапия.

В отечественной, постсоветской психологии, изучение проблем межкультурного взаимодействия только начинается, однако уже сейчас им также отводится существенная роль в осмыслении практики психологической помощи в целом и разработке конкретных методик помощи. Наиболее перспективной сферой анализа кросс-культурных проблем психотерапии и психологического консультирования признается исследование возможностей, предоставляемых субъектам кросс-культурного взаимодействия. Возможностей, связанных с расширением их индивидуального опыта, самопонимания, развитием способности к пониманию другого человека, построению с ним эмпатического контакта. Особое значение проблема приобретает в связи с ростом националистических и шовинистских установок во многих странах бывшего СССР. Неясность «национальной идеи» и размытость представлений о «национальном характере» приводит к попыткам оценочно-утрированного и стереотипизированного восприятия и подчеркивания тех или иных личностных черт представителей своей и «противоположной» национальности (Myers D., 1993, Sears D. et al., 1991, Philipchalc R., 1995). Объяснения многочисленных эффектов возникающих в процессе межкультурного взаимодействия связаны с тем, что роль этноса заключается в том, что этнос — это именно та группа, которая способна достаточно успешно выполнять жизненно важные для каждого человека функции: ориентации в окружающем мире,

задает ведущие жизненные ценности, функция защиты (Стефаненко Т.Г., 1996, 1999). Эффекты увеличения межэтнических взаимодействий могут быть как позитивными (уменьшение негативных стереотипов), так и негативными (увеличение враждебности). Общее здесь то, что любое увеличение взаимодействия усиливает эти процессы. Этничность в полиэтничных государствах всегда возрастает в условиях политического напряжения и социально-экономических кризисов.

Национальные предрассудки как способ осмысления поступков и высказываний людей своей и иной этнокультурной группы выступает как один из наиболее незрелых механизмов психологической защиты, который подчас практически блокирует способность человека к продуктивным личностным и межличностным изменениям. Это происходит потому, что такие предрассудки обычно связаны с экстернальным локусом приписывания ответственности собственных неудач в обоих этих сферах человеческого бытия: личностной и межличностной. Субъект, наделенный множеством негативных этнокультурных стереотипов, практически не способен не только быть терапевтом для самого себя, он подчас еще не готов к психотерапии и как клиент: образ себя и аутгруппы настолько позитивен и/или ригиден, что информация, предполагающая необходимость его изменения либо игнорируется, либо оценивается резко отрицательно (Стивенс Дж., 1995, Роджерс К., 1994).

Часто отмечается, что в результате отсутствия каких-либо развернутых обращения к этой проблеме в рамках изучаемых в ходе профессиональной подготовки академических курсов и практических семинаров многие консультанты в реальной практике продолжают находиться в состоянии внутренней «инкапсуляции» по отношению к проблемам кросс-культурных контактов, пытаясь руководствоваться собственными критериями оценки происходящего с клиентом, принадлежащим к иной этнокультурной группе.

Современный, антропологический подход к психотерапии и психологическому консультированию рассматривает эти процессы как «врачевание культурой» (Krause I.-B., 1998, Havenaar J. M., 1990). Кросс-культурная терапия по Ф. Тайлору (Tyler F. et al., 1985) — «это психотерапевтические отношения, где два или более участника различаются по культуре». Р. Шехтер отмечает, что все психотерапевтические отношения являются кросс-культурными в большей или меньшей степени (Shechter R. A., 1992). Ж. Воль отмечает, что преодоление кросс-культурности, нахождение общего языка, общих метафор и ценностей — неотъемлемая часть любого психотерапевтического процесса (Wohl J., 1989).

Спектр вопросов по кросс-культурной психотерапии касается проблем:

- ◆ особенностей межкультурной терапии как таковой;
- ◆ особенностей пары «терапевт-клиент», их готовности к консультативному контакту и межкультурному взаимодействию;
- ◆ связанных с особенностями этнической принадлежности клиента.

Обсуждение проблем кросс-культурного взаимодействия в психотерапии в рамках концепции кросс-культурного и этнического соответствия включало три этапа:

- 1) обсуждение вопроса об эффективности психотерапии, проводимой терапевтами с клиентами других этносов. Так, существует две точки зрения на западную психотерапию. С одной стороны, считается, что она универсальна, валидна для любой культуры, поскольку в людях больше сходства, чем различий (Krause I.-B., 1998, Havenaar J. M., 1990). С другой стороны, отмечается, что она не подходит людям восточной культуры. Однако большинство исследователей отмечают, что глубинный анализ различных психотерапевтических систем и подходов обнаруживает их внутреннее единство, значительное сходство и развивающие эффекты взаимодействия восточных и западных психотерапевтических систем.
- 2) Сравнительные исследования межкультурных и внутрикультурных терапевтических диад, типов

проблем клиента, связанных с его этнической принадлежностью, возможности и ограничения психотерапевта.

- 3) Вопрос о том, кто должен проводить кросс-культурную психотерапию (Comaz-Diaz L., 1988, 1992). Его изучение включает анализ результатов межкультурных контактов. С. Бокнер (по Стефаненко Т. Г., 1999) описывает четыре наиболее распространенных результата межкультурных контактов: отбрасывание своей культуры («Перебежчик»), отбрасывание чужой культуры и преувеличение ценности своей («Шовинист»), колебания («Маргинал»), синтезирование двух культур («Посредник»).

I. Иногда проблема кросс-культурного взаимодействия рассматривается как проблема взаимодействия представителей культурного большинства и меньшинства. Один из наиболее распространенных вариантов исследования предполагает анализ тех негативных эффектов и позитивных моментов, которые несет такое взаимодействие. Показательным в этом смысле является работа Ф. Тайлера (Tyler F. et al., 1985).

II. Вторая модель предполагает необходимость отказа от терминов «меньшинство-большинство». Эта необходимость связана с тем, что каждая группа представлена рядом подгрупп и включена в более крупные этнические общности. Кроме того, даже расовая, очевидно одна из наиболее общих, принадлежность может иметь для человека меньшее значение и смысл, чем принадлежность к менее крупной, но более субъективно близкой этнокультурной группе. Поэтому можно говорить скорее о мультикультурном взаимодействии субъектов консультативной помощи.

III. Анализ процесса психотерапии как процесса взаимодействия двух субъектов с определенным образом жизни, ценностным кругозором и специфическим мировоззрением, мы приходим к пониманию того, что любой терапевтический контакт, по сути, может быть назван контактом «кросс-культурным».

Полноценный учет этнокультурных особенностей клиента и их влияния на течение того или иного психического заболевания, развитие той или иной психологической проблемы, поведение клиента и с клиентом, принадлежащим к определенной этнической группе в ходе психотерапии предполагает анализ:

- I. собственно **этнографических переменных** — особенностей клиента (его национальной, этнической принадлежности, особенностей языка и вероисповедания),

- II. **демографических особенностей** (возраст, пол, место жительства),
- III. **социального статуса** (экономического, образовательного, профессионального),
- IV. **личностных особенностей**.

Т.о., различия национально-культурных групп могут быть описаны в терминах основного, используемого группой **языка**, общего социального статуса (**эмигранты или коренные жители**), степени аккультурации, социально-экономического статуса (Sue D.W., Sue D., 1987, 1990) и т.д. Среди этих показателей едва ли не главный — **аккультурация** — степень интеграции (усвоения) новых культурных паттернов и исходные паттерны (Dana R. H., 1993, 1997, Noyerman D. R., Forman D. F., 1992). Она может быть **внешней и внутренней, экстернальной и интернальной**: предполагая как усвоение поведенческих паттернов, так и ценностей иной культурной группы. Выделяют разные уровни аккультурации, диагностика которых может существенно облегчить контакт с клиентом, принадлежащим к иной этнокультурной группе. Основные параметры аккультурации таковы:

- I. поколение, к которому относится клиент (консультант) из числа проходящих аккультурацию,
- II. предпочитаемый язык,
- III. готовность к совместной деятельности с представителями своей и чужой группы

Кроме того, особое значение имеют различия групп по предпочитаемым структурам социальных и межличностных отношений, особенно отношений в семье («cultural commonalities» from Chung D.K., 1992) (Dana R. H., 1997, Ho M. K., 1992, Sue D.W., Sue D., 1990): а) характер социально-экономических, б) характер эмоционально-межличностных отношений внутри семьи, в) родственные и г) дружеские (приятельские) контакты семьи.

Важно также учитывать различное представление клиентов разных этнокультурных групп о психотерапии:

- ♦ о специалисте по психическому, психологическому здоровью (как о психиатре, медицинском психотерапевте или психологе, как о консультанте, знахаре (folk healer) и т.д.),
- ♦ о различных подходах к организации консультирования. Обычно выбор формы консультирования: индивидуальной, семейной или групповой, — связан с оценкой формы и степени аккультурации клиентов, особенностями ее проявления в «клинической картине» проблем клиента. Обычно индивидуальная психотерапия является эффективным способом инициации групповой (семейной) психотерапии, помогающей разрушить те деструктивные установки, ко-

торые имеются у клиента как представителя той или иной этнокультурной группы,

- ♦ о психологических болезнях и нарушениях. Речь, в частности, идет о существовании культурно-специфических нарушений (форм нарушений) (cultural-bound or cultural-related syndromes «типа. «mal puesto, susto, wacinko, falling-out» и других) — возникающих в результате в той или иной мере специфических для каждой из культур убеждений, страхов, травматических ситуаций, запретных (табу) действий и принятых способов воздействия на человека (Simons R. C., Hughes C. C., 1993). Не все эти синдромы укладываются в стандартную классификацию, однако при работе с ними важно понимать, что культурные особенности представляют собой часть синдрома, которая в психиатрическом лечении не нуждается, требуя скорее взаимного осознания как со стороны терапевта, так и клиента.

Можно выделить три уровня взаимоотношений терапевта с клиентами, принадлежащими разным этнокультурным группам (Dana R. H., 1997, Sue D.W., Sue D., 1990, Ho M. K., 1992):

- ♦ концептуальный — представление клиента и терапевта об открытости, дружелюбности, честности, эмпатичности, мотивированности и направленности, сензитивности и уровне умственного и/или личностного развития друг друга как представителей разных этнокультурных групп,
- ♦ поведенческий уровень — восприятие клиентом терапевта как компетентного в его/ее профессии, решении тех или иных проблем, а также восприятие терапевтом клиента с точки зрения его готовности и способностей следовать рекомендациям и планам, выработанным в ходе консультаций, совместных обсуждений, способностей к самоуправлению и самопомощи,
- ♦ культурный уровень. Он обычно описывается с помощью двух гипотез (Paniagua et al., 1993, Tharp R. G., 1991). Согласно первой **гипотезе «соответствия» (cultural compatibility hypothesis)**, взаимодействие консультанта и клиента эффективно, если культурные барьеры между ними минимальны (Dana R. H., 1993, Lopez A. A. et al., 1991, Sue D.W., Sue D., 1990). Эта гипотеза не может быть признана практичной и соответствующей практике по ряду причин. Так, проверки этой гипотезы (Sue S. et al., 1991, Sue, 1988, Paniagua F. A., Baer D. M., 1981) показали, что взаимодействия клиентом и терапевтов разных групп не сказываются на результатах психотерапии, особенно в случаях авторитарных, конкретных, ориентированных на действие, непосредственное изменение и фокусированное обучение поведенческих

и когнитивно-поведенческих форм психотерапии (Boyd-Franklin N., 1989, Walker R.D., LaDue R., 1985). С одной стороны, эти данные дают повод несколько переоценить возможности этих форм психологической помощи, особенно если учесть, что многие исследования проводились на группах с близкими ценностями, жизненным стилем и опытом. Однако другим результатом этих исследований стало понимание необходимости различать этническую (определяющую наличие специфической системы ценностей и жизненного стиля у представителей данной группы) и расовую принадлежность. Взаимодействие людей одной расы, различающихся по степени аккультурации может приводить к весьма существенным конфликтам. В зависимости от того, насколько терапевт и клиент оказываются готовыми к 1) собственно психотерапевтическому, 2) к кросс-культурному взаимодействию с другим человеком, можно выделить ряд типичных сочетаний — пар «клиент-консультант» и возможных позитивных и негативных последствий их взаимодействия (Tyler F. et al., 1985). Так, одной из наиболее распространенных является пара **«терапевт — представитель доминантной культуры, клиент- представитель культурно- меньшинства»**. Достоинства понимающей коммуникации для консультанта в этой ситуации связаны с осознанием богатства культурного многообразия, возникновением чувства культурной неодинаковости, необходимости меняться, необходимости и возможности соприкоснуться с собственным расизмом. В случае неуспеха типичными негативными последствиями такого контакта для консультанта выступают: снижение качества коммуникации в целом, невозможность личностного роста и ощущение слабости своей работы, недостаточности своего вклада в нее. Недостатки для клиента: снижение качества коммуникации, невозможность роста, плохая перспектива для самооценки. Позитивные моменты для клиента предполагают, как и для консультанта, осознание богатства культурного многообразия, другой взгляд на я (self) и другие культурные представления, возможность проработать в трансферентных взаимоотношениях проблемы взаимодействия с доминантной культурой.

Важно понимать, что психолог выступает как посредник-«двойной агент» - между социумом и клиентом (Nelson B., 1968). Конфликт социальной политики и внутренних представлений, желаний (public policy and private space) субъекта становится особенно очевидным в ситуации кросс-культурного взаимодействия (Rhodes P.J., 1992, Devore W., Schleisunger E., 1987, Glaser

N., Young K., 1993). Р. Дане (Dana R.H., 1998) отмечает необходимость целостного понимания, холистического подхода к пониманию личности человека иной культуры — пониманию его культурной идентичности (cultural identity) как целостности.

Альтернативная «универсалистская» гипотеза (universalistic argument) предполагает, что эффективная помощь во взаимодействии людей разных этнокультурных групп не связана прямо и не зависит от этнической/расовой принадлежности консультанта и клиента (Dana R.H., 1993, Tharp R.G., 1991). Эффективный терапевт должен обладать двумя качествами:

- ◆ культурной сензитивностью — осознанием культурных вариантов и особенностей представителей разных групп и специфических коррекционно-диагностических подходов, которые могут эффективно использоваться в психотерапии,
- ◆ культурной компетентностью — уметь транслировать это сознание в процессе организации продуктивного взаимодействия с клиентом (Atkinson D.R., Wampold B.E., 1993, p.247, Barker F.M., 1988, p.157, Dana R.H., 1997, Paniagua F.A., 1994, p.7). Культурная компетентность консультанта — компетентность в работе (диагностике и коррекции) с клиентами разных этнокультурных групп. Многие исследователи (Rhodes P.J., 1992, Devore W., Schleisunger E., 1987, Glaser N., Young K., 1993, Sue D.W. et al., 1998) отмечают важность «сензитивного социального обслуживания», необходимость развития плюралистических установок как компонента культурной компетентности консультанта. Здесь перед консультантом встают следующие вопросы:
- ◆ Какой должна быть первая встреча консультанта с клиентами разных этнокультурных групп?
- ◆ Каким должен быть подход (основное направление и теоретико-практическая ориентация) к работе с клиентом, принадлежащим данной этнокультурной группе?
- ◆ Что консультант обязательно должен учитывать в работе с клиентами, принадлежащими данной этнокультурной группе?
- ◆ Какие навыки кросс-культурного взаимодействия могут помочь консультанту минимизировать ошибки в процессе понимания и помощи клиентам, принадлежащим к данной этнокультурной группе?

Ответы на эти вопросы важны не только теоретически, но и практически, помогая консультанту избежать проявлений дискриминации в отношении в клиентом.

Главный вопрос заключается в том, какие именно умения должен обладать и какие действия должен уметь

совершать и каких избегать специалист в области психологического здоровья, чтобы продемонстрировать культурную компетентность, организовать контакт, гарантирующий как клиента, так и самого консультанта, психиатра от любых проявлений культурной дискриминации.

В работе с клиентом иной этнокультурной группы для организации успешного терапевтического контакта важно и необходимо учитывать следующие моменты (Ho M. K., 1992, Smith E. J., 1981, Dillard J. L., 1973 и др.):

- ◆ типичные ярлыки, приписываемые представителям той или иной группы, характер, степень выраженности расистских установок по отношению к той социальной общности, к которой принадлежит клиент,
- ◆ общую историю народа, к которому причисляет себя клиент, концепции — понятия о времени и характер его использования,
- ◆ основные специфические религиозные убеждения и обыденные представления (folk beliefs), бытующие в данной этнокультурной группе, их роль и конкретное содержание,
- ◆ различия языковые и различия невербальной коммуникации, их конгруэнтность.
- ◆ специфические культурные «параноии», навязчивые страхи (типа страха болезни у афроамериканцев — healthy cultural paranoia phenomenon), имплицитные теории болезни, безумия, психических нарушений и переживаний, специфические формы типичных психопатологических синдромов, особые симптомокомплексы,
- ◆ «фамилизм» (familism) — общее значение семьи как смыслового центра жизни человека, клановость или индивидуализм (individualism),
- ◆ гибкость семейной ролевой структуры (role flexibility) и семейная иерархия,
- ◆ ценность традиционных образов мужественности (machism) и женственности (marinism), роль детей в семье,
- ◆ ориентация культуры на личность (personalism) или на формальные отношения (formalism)
- ◆ распространенное в данной культуре представление о судьбе (fatalism), типы фатализма, понятие о справедливости.

Сложность учета этих факторов иллюстрируют сложности понимания невербальных высказываний клиента: как можно передать значение, объяснить в рациональных терминах «принципиально невыразимый» и предельно субъективизированный смысл «говорящего тела», определить «степень связи каждого телесного движения с каждым душевным». Не очень многое дают даже поиски кросс-культурных универсалий в оценке эмоциональных состояний «говорящего». Основную проблему в данном случае составляет и неумение респон-

дента — «человека с улицы» — описать свое собственное невербальное поведение (проблема соотношения не- и вербального языков), объяснить или хотя бы развернуто проговорить свою телесность (Ниренберг Дж., Калеро Г., 1990, Birdwhistell R., 1973, Ekman P., Scherer K., 1984, Koney M., 1981, Poyatos F., 1982, Rosenfeld H., 1982, Smith H., 1984, Sears D. O. et al., 1991).

Главная способность консультанта — способность к критической оценке и использованию данных исследований о характере и частоте психиатрических и психологических нарушений (проблем) среди людей, принадлежащих разным этнокультурным группам: типичных (prevalence) и единичных (incidence) случаев.

Проблема культурной валидности в этом случае связана с тремя эффектами: эффектом языковых искажений, эффектом обыденных (народных) представлений и убеждений, эффектом аккультурации. Перед тем, как ставить диагноз и делать выводы о сути происходящего с клиентом или в жизни клиента, практику важно (Bulhan A. H., 1985, Jenkins J. O., Ramsey G. A., 1991):

- ◆ критически оценить свои собственные убеждения, расширять свой собственный опыт,
- ◆ осознать все возможные последствия и эффекты проявления расизма во взаимоотношениях с клиентом,
- ◆ учитывать социально-экономический статус клиента,
- ◆ осознавать культурную обусловленность возникновения и особенностей формы проявления психологических синдромов,
- ◆ уметь задавать понятные клиенту, культурно адаптированные вопросы,
- ◆ ориентироваться на распространенные в фолк-психологии данного народа представления о болезнях и их лечении,
- ◆ время от времени проверять свой и клиента умственный статус,
- ◆ учитывать специфические особенности и условия жизни клиента в выборе стратегии взаимодействия и воздействия на клиента.

Одной из известных моделей организации помощи в ситуации кросс-культурного контакта является модель Р. Дейнэ (Dana's assessment model) (Dana R. H., 1997, Paniagua F. A., 1994, p.120–125). Эта модель предполагает необходимость:

- ◆ исследования и учета аккультурации клиента и терапевта при выборе подхода и организации контакта с клиентом (практически осуществляется с помощью специальных методик, сходных с описанной выше),
- ◆ соблюдения поведенческой этики — помогает организовать отношения, ориентированные

на решение конкретной задачи, доверительные отношения с клиентом,

- ◆ использование и изучение языка клиента там, где это возможно (например, при тестировании),
- ◆ использование специфических в культурном отношении процедур и психотерапевтических подходов оправдано для низко аккультурированных клиентов,
- ◆ использование культурно-специфических стратегий информирования клиента о результатах психотерапии (исследования), при разъяснении терминов.

Таким образом, расистские установки консультанта часто приводят к (Yamamoto J. et al., 1993, Jenkins J.O., Ramsey G. A., 1993, Dana R.H., 1998):

- ◆ использованию обыденных объяснений феноменов душевной жизни клиента, поверхностной интерпретации патологических симптомов.

неучет «экзистенциального», ценностного слоя поступков, высказываний и переживаний клиента,

- ◆ сверхдиагностике, заключающейся в приписывании «шизоидности» или любой другой психопатологии клиентам той или иной этнокультурной группы по сравнению со своей,
- ◆ ошибочной диагностике, исходящей из обыденных и научных представлений о том, что бывает, а что — нет, какого рода нарушения встречаются у представителей того или иного народа часто, а какие — редко (типа мифа о том, что «у негров нет депрессии»),
- ◆ ошибки диагностики, связанные с культурно-специфической симптоматикой и существованием культурно-специфических «болезней» и симптомокомплексов, часть из которых просто не нуждается в лечении в силу их культурной обусловленности и нормативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в практическую социальную психологию. / Под ред. Ю. М. Жукова, Л. А. Петровской, О. В. Соловьевой. — М.: Наука, 1996. — 255с.
2. Anderson W. H. The behavioral assessment of conduct disorders in black children. // Psychoeducational assessment of minority group children: A case book. / Ed. by R. L. Jones. — Berkely, CA: Cobb&Henry, 1988. — P. 103–123.
3. Anti-discriminatory practice teaching a reference guide. / Ed. by G. Clapton. — L.: National Organization for Practice Teaching (N.O.P.T.), 1991. — 220p.
4. Atkinson D.R., Wampold B. E. Mexican Americans' initial preferences for counselors. // J. of Counsel. Psychology. — 1993. — 40. — P. 245–248.
5. Baker F. M. Afro-Americans. // Clinical guidelines in cross-cultural mental health /Eds. by L. Comaz-Diaz, E.E.H. Griffin. — N.-Y.: John Wiley, 1988. — P. 151–181.
6. Boyd-Franklin N. Black families therapy: A multisystems approach. — N.-Y.: Guilford Press, 1989. — 210p.
7. Bulhan A. H. Black Americans and psychopathology: An overview of research and theory. //Psychotherapy. — 1985. — 22. — P. 370–378.
8. Chung D. K. Asian cultural commonalities. // Social work practice with Asian Americans. / Eds. by D. K. Chung, K. Murase, F. Ross-Sheriff. — Newbury Park, CA: Sage, 1992. — P. 27–44.
9. Comaz-Diaz L. Cross-cultural mental health treatment. // Clinical guidelines in cross-cultural mental health /Eds. by L. Comaz-Diaz, E.E.H. Griffin. — N.-Y.: John Wiley, 1988. — P. 337–361.
10. Cross-cultural training for mental health professionalas. / Eds. bu Lefley P., Pedersen P. B. — Springfield, IL.: Charles Thomas, 1986. — 240p.
11. Cultural competence for evaluators. / Ed. by W. Orlandy, R. Weston — Kockville, MD: U. S. Department of Health and Human Services. — 1992. — 300 p.
12. Culture ethnicity and mental illness. /Ed. by A. C. Gaw — Wachington, DC: American Psychiatric Press, 1993. — 560 p.
13. Cushner K., Brislin R. W. Intercultural interactions: A practical guide. — L.: Sage, 1995. — 384.
14. Dana R. H. Multicultural assessment perspectives for professional psychology, — Boston: Allyn&Bacon, 1993. — 210p.
15. Dana R. H. Understanding cultural identity in intervention and assessment- L.: Sage, 1998. — 272p.
16. Dillard J. L. Black English. — N.-Y.: Vintage, 1973. — 140p.
17. Flanerty J.H. et al. Developing instruments for cross-cultural psychiatric research. // J. of Nervous and mental disease. 1976. — P. 257–263.
18. Ho M. K. Family therapy with ethnic minorities. Newbury Park, CA: Sage, 1993. — 180p.
19. Ho M. K. Minority children and adolescents. — Newbury Park, CA: Sage, 1992. — 160p.
20. Jenkins J.O., Ramsey G. A. Minorities. // The clinical psychology handbook. / Eds. by M. Hersen, A. E. Kazdin, A. S. Bellok. — N.-Y.: Pergamon, 1991. — P. 724–740.
21. Krause I.-B. Therapy across culture — L.: Sage, 1998. — 208p.
22. Sears D. O., Peplau L. A., Taylor Sh. E. Social psychology. — Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1991. — 634 p.
23. Myers D. G. Social Psychology. Fourth edition. — N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1993. — 582p.
24. Nelson B. The Psychoanalist as Mediator and Double Agent. // Roles and Paradigms in Psychotherapy. / Ed. by M. C. Nelson. — N.J.: Prentice-Hall, 1968. — P. 145–198.
25. Philipchalk R. P. Invitation to Social Psychology. — N.Y.: Harcourt Brace College Publ., 1995. — 566 p. Lopez S.R., Lopez A. A., Fong K. T. Mexican Americans' initial preferences for counselors. // J. of Couns. Psychology. — 1991. — 38. — P. 487–496.
26. Moyerman D.R., Forman B. D. Acculturation and ajustment: A meta-analytic study. // Hispanic J. of behavioral Sciences. — 1992. — 14. — P. 163–200.
27. Paniagua F. A. Assessing and treating culturally diverse clients: A practical guide. — L.: Sage Publ., 1994. — 140p.
28. Paniagua F.A., Baer D. M. A procedural analysis of the symbolic forms of behavior therapy. // Behaviorism. — 1981. — 9. — P. 171–205.

29. Paniagua F.A., Wassef A et al. What is a difficult mental health case? // J. of Contemp. Psychotherapy. — 1993. — 23. — P. 77–98.
30. Pedersen P. Handbook of cross-cultural counseling and therapy. — Westport, CT: Greenwood Press, 1987. — 400p.
31. Rhodes P.J. Racial matching in fostering. The challenge for social work practice. — L.: Sage, 1992. — 336p.
32. Russel D. M. Language and psychotherapy. // Clinical guidelines in cross-cultural mental health /Eds. by L. Comaz-Diaz, E.E.H. Griffin. — N.-Y.: John Wiley, 1988. — P. 33–68.
33. Shechter R. A. Voice of hidden minority: Identification and transference in the cross-cultural working alliance.// American J. of Psychoanalysis. — 1992. — 54 (2). — P. 339–349.
34. Simons R.C., Huges C. C. Cultural bound syndromes and mental illness.// Culture ethnicity and mental illness. /Ed. by A. C. Gaw. — Washington, DC: American Psychiatric Press, 1993. — P. 75–93.
35. Smith E. J. Cultural and historical perspectives in counseling blacks.// Counseling the cultural different: theory and practice. — N.-Y.: John Wiley, 1981. — P. 141–185.
36. Sue D.W. et al. Multicultural counseling competencies — L.: Sage, 1998. — 176p.
37. Sue D.W., Sue D. Counseling the culturally different: Theory and practice. — N.-Y.: John Wiley, 1990. — 240p.
38. Sue S et al. Community mental health services for ethnic minority groups.// J. of Consulting and Clinical Psychology. — 1991. — 59. — P. 433–540.
39. Sue S. Psychotherapeutic Service for Ethnic Minorities.// Amer. Psychologist. — 1988. — V.43. — P.301–308.
40. Sue S. Psychotherapy services for ethnic minorities.// American psychologist. — 1988. — 43. — P. 301–308.
41. Tharp R. G. Cultural diversity and treatment of children. // J. of Consulting and Clinical Psychology. — 1991. — 59. — P. 799–812.
42. Tyler F., Susswell D., Williams-McCoy J. Ethnic validity in psychotherapy.// Psychtherapy. — 1985. — 22. — P. 311–320.
43. Walker R.D., LaDue R. An integrative approach to American Indian mental health.// Ethnic Psychiatry.// Ed. by C. B. Wilkinson. — N.-Y.: Plenum, 1986. — P. 143–199.
44. Wohl J. Integration of Cultural Awareness into Psychotherapy. — V.53. — N.3. — 1989. — P.343–356.
45. Yamamoto J. et al. Cross-cultural psychotherapy.// Culture ethnicity and mental illness. /Ed. by A. C. Gaw. — Washington, DC: American Psychiatric Press, 1993. — P. 101–124.

© Арпентьева Мариям Равильевна (mariam_rav@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ МОДЕЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

METHODOLOGICAL BASIS OF THE MODEL OF PSYCHOLOGICALLY SAFE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

*S. Myskin
L. Ovcharenko (Eremina)*

Summary. The purpose of this article is to allocate the methodological framework for the construction of a model of psychologically safe educational environment.

The result of this research is a critical analysis of the theories and concepts that allow to determine, first, the main features of psychological safety of educational space, and secondly, the basic ideas in the field of activity, communication, personality, management of the educational organization stating the relationship of aspects of psychological safety with others and solved a problem solver.

Application of the results of the study are intended to enhance the effectiveness of prevention, the effects of psychological and other violence among youth.

The novelty of the study is that the authors first developed a model of psychological safety of educational space with the use of psychological, pedagogical, sociological, legal, etc. concepts and theories. As the essential component of psychological security of the educational space designated attitude of students free from psychological or other violence. In addition, for the first time the interrelation of experiences of students with traumatic experience of violence with the ineffectiveness of his training.

Keywords: violence; education; safety; personality; model; methodology; prevention; consciousness; student; health.

Мыскин Сергей Владимирович

*Д.филол.н., к.псих.н., доцент, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»;
Директор, Центр психологической поддержки
и профориентации населения столичного региона,
myskinsv@yandex.ru*

Овчаренко (Еремина) Лариса Юрьевна

*К.псих.н., доцент, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
larisa_eremina@mail.ru*

Аннотация. Цель данной статьи состоит в выделении методологической основы для построения модели психологически безопасного образовательного пространства.

Результатом данного исследования выступает проведенный критический анализ теорий и концепций, позволяющих определить, во-первых, основные признаки психологической безопасности образовательного пространства, во-вторых, основные идеи в области деятельности, общения, личности, менеджмента образовательной организации, содержащие указания на взаимосвязь аспектов психологической безопасности с другим решенными и решаемыми проблемами.

Применение результатов исследования предполагается в сфере повышения эффективности профилактики и предотвращения проявлений психологического и иного насилия среди учащейся молодежи.

Новизна исследования заключается в том, что авторами впервые разработана модель психологической безопасности образовательного пространства с использованием психологических, педагогических, социологических, правовых и др. концепций и теорий. В качестве сущностной составляющей психологической безопасности образовательного пространства обозначены отношения учащихся, свободные от психологического и иного насилия. Кроме того, впервые обоснована взаимосвязь переживания учащимся психотравмирующего опыта насилия с неэффективностью его обучения.

Ключевые слова: насилие; образование; безопасность; личность; модель; методология; профилактика; сознание; учащийся; здоровье.

Проблема психологической безопасности образовательного пространства школ является актуальной для системы столичного образования. Значимость данной проблемы обусловлена необходимостью создания в образовательной организации благоприятных условий для полноценного развития личности ребёнка. Существование же в ученической среде психологически небезопасных условий травмирует детскую психику, что в дальнейшем приводит к нарушению психического здоровья учащихся, препятствует нормальному становлению их личности. Именно поэтому учителя, воспитатели и психологи школ заинтересованы в разра-

ботке и внедрении в работу школ действенных моделей профилактической работы, позволяющих создать психологически безопасное образовательное пространство.

Внимание к проблеме психологической безопасности образовательного пространства проявляется со стороны различных общественных институтов: государственных структур, религиозных и общественных организаций, родительской общественности, профессионального и научного сообщества, социально-ответственного бизнеса и др. Каждый из институтов рассматривает свой аспект психологической безопасности,

но все в основном придерживаются единого понимания данного феномена как системы отношений субъектов образовательного процесса, свободной от проявлений любого вида и форм насилия.

Последние исследования показывают, что целостная оценка учениками степени безопасности образовательной среды зависит от наличия опыта восприятия и переживания насилия в школе, представлений детей о супружеском насилии в родительских и собственных семьях, а также переноса насильственных форм поведения из детско-родительских в отношения со сверстниками и т.п. [7, с. 58].

В нашей стране работа по предотвращению и профилактике насилия осуществляется различными средствами и методами. Так, государство и церковь решают проблему жестокого обращения с детьми путём сохранения и упрочения духовных ценностей и национальных традиций российской культуры, отражающих человеколюбие, доброту и пр. [5; 9; 18]. Правительственные организации и депутатский корпус формируют нормативную и правовую основу для урегулирования вопросов защиты детей от жестокого обращения. Общественные структуры работают в направлении создания коллективного мнения о необходимости решения проблемы насилия среди детей для достижения благополучия человеческого общежития в конкретном социуме. Социальные службы разрабатывают эффективные технологии профилактики жестокого обращения с детьми, реабилитации и помощи жертвам насилия.

В образовании проблема профилактики насилия имеет свою специфику. Житейский взгляд на проблему насилия показывает: любой родитель желает, чтобы его дети непременно обучались в благополучной школе, где работают квалифицированные педагоги и существует дружный детский коллектив, а взрослые с уважением и достоинством относятся к личности ребёнка. Другими словами, в школе должна быть создана адекватная среда для нормального и полноценного развития. Причём взрослые люди понимают, что психическое развитие ребёнка сопровождается кризисами. И здесь родители ожидают от работников школы помощи в установлении нарушенных контактов с собственным ребёнком, преодолении сложностей в общении, профилактики отклонений в интеллектуальном и личностном развитии, поддержки в решении сложных вопросов и конфликтных ситуаций.

В сознании отцов и матерей образ учителя или школьного психолога атрибутивно наделяется «психологически правильными» чертами: терпимостью, мудростью, профессиональным подходом, знанием «что делать» и пр.

Проблема жестокого обращения с детьми и любых форм насилия является очень тонкой, закрытой. Семье с такими особенностями взаимоотношений часто сложно признать, что в их сложившемся укладе жизни что-то происходит не так. А отсюда семья очень медленно меняет привычные отношения. Эти обстоятельства приводят к случаям, когда ожидания родителей от участия педагогического коллектива в судьбе их ребёнка зачастую не совпадают с реальностью.

Большая административная и коммуникативная нагрузка на личность педагога/психолога, недостаточность или отсутствие профилактических мер профессионального выгорания, загруженность учебным процессом упрощает (стереотипизирует) индивидуальный подход школьного работника к психологическим особенностям личности ученика. Смещение фокуса педагогического и психологического внимания педагога с личности ребёнка на решение собственных внутренних проблем создает противоречивую основу для формирования принципов работы с насилием в ученической среде. И это лишь один из множества факторов, делающих нерезультативной профилактическую работу по предотвращению насилия. Отсутствие единства ценностных оснований в отношении взаимодействия детей и их родителей в обществе, разрозненность действий и нехватка квалифицированных специалистов по оказанию помощи детям-жертвам насилия, недостаточность социальной информации о проблеме насилия среди детей, а также в отношении них, и многое другое является существенным препятствием в ее решении. Продуктивность же усилий в этом направлении требует взаимодействия государства, семьи, гражданского общества.

Пилотный анализ состояния работы по профилактике психологического и иного насилия показывает, что для образовательных организаций определение целей и форм данного вида деятельности является наиболее сложным [1]. Как правило, истоки насильственного поведения среди детей обнаруживаются в семье. Семья, являясь закрытой социальной структурой с внешними границами, которые очень серьезно охраняются, особенно если речь идет о семьях со сложной и противоречивой системой отношений. Зайти в семью специалистам извне оказывается чрезвычайно сложно, а подчас совсем невозможно. Отсюда львиная доля разработок по этому вопросу приходится на школу и ее специалистов, которые сами не всегда готовы работать с данной непростой ситуацией в силу личностных особенностей и профессиональных компетенций [8].

Учителя и психологи школ ведут профилактическую работу уже с последствиями семейного насилия, которое переносится детьми в ученическую среду. При этом профилактическая деятельность имплицитно пресле-

дует основную воспитательную цель, а именно: формирование личности на основе базовых гуманистических ценностей.

На сегодняшний момент в образовании представлен обширный методический и психологический инструментарий, обеспечивающий воспитание гуманной личности. Вместе с тем недостаточность организационно-правовых условий работников школ не позволяет им вести профилактическую работу с семьями учеников, отношения в которых допускают проявления насилия. Поэтому профессиональные усилия учителей и школьных психологов по сути носят коррекционный и реабилитационный характер в отношении девиантного поведения детей. Данные обстоятельства делают неэффективными используемые подходы к профилактике психологического и иного насилия в образовательном пространстве московских школ.

Внимание науки к проблеме психологической безопасности школьников в системе образования обусловлено не только стремлением общества воспитать гуманную личность. Психологическая безопасность — есть необходимое и обязательное условие успешного образования. Для раскрытия данного тезиса следует обратиться к содержанию понятия «образовательное пространство». Наиболее глубокую научную проработанность данный термин приобрёл в педагогике [6, 20 и др.]. Несмотря на существование различных педагогических подходов к трактовке образовательного пространства, многие авторы представляют его как некую систему отношений субъектов образовательного процесса, способствующих освоению образовательной среды [6, с. 145–146]. Другими словами, образовательное пространство (для ребёнка) состоит из личностной оценки учеником результатов взаимодействия с объектами среды: информацией, знаниями, компетенциями, педагогами, внешними организациями и т.п.

Успешность взаимодействия характеризуется степенью освоения объектами образовательной среды. Сложность, неясность, опасность тех или иных объектов среды блокирует их освоение. Например, отличное усвоение школьником математики в средних классах формирует позитивное отношение к данному предмету, что в дальнейшем способствует развитию математических способностей в старшей школе при освоении других математических дисциплин. В то же время, сложности в обучении математике могут вызывать негативную оценку не только к предмету, но и к педагогу, соответствующей учебной литературе и профессии, дням расписания, в которые проводятся данные уроки и пр. Подобная система личностных оценок характерна и для других субъектов образовательного пространства: учителей, администрации школы, психологов, внешних организаций.

Такое понимание образовательного пространства позволяет предположить, что существует ряд критериев, обуславливающих формирование эффективного образовательного пространства школы. Это и удовлетворённость целями, и содержанием образования, и значимость образования для его субъектов, и оценка психологического климата, и продуктивность образовательного процесса, открытость образовательной организации и др.

Наряду с другими, Е. А. Чекунова в качестве важнейшего критерия образовательной среды выделяет психологическую безопасность [20], что ставит перед необходимостью выделить и обсудить психологический аспект образовательного пространства.

Очевидно, что в оценочную основу образовательного пространства как системы субъективных отношений составляет совокупность эмоциональных переживаний. Эмоции человека «сигнализируют о личностном смысле» того или иного объекта среды, а также «выражают отношение между мотивами (потребностями) и возможностью успешной реализации деятельности, направленной на достижение данных мотивов» [12]. Следовательно, психологический аспект образовательного пространства представлен системой мотивов и диапазонов возможностей удовлетворения потребностей, опредмеченных в данных мотивах.

А. Н. Леонтьев приводит следующие основные способы регуляции эмоций: а) смена предмета деятельности (актуализация и удовлетворение другой потребности вместо фрустрированной); б) изменение диапазона возможностей удовлетворения актуальной потребности; в) изменение смысла (предмета или контекста деятельности) [там же]. Учитывая это, можно утверждать, что при невозможности освоения какого-либо объекта образовательной среды, учеником субъективно воспринимается как фрустрирующая не только актуальная ситуация неуспеха, но и любая ситуация, ассоциативно связываемая с невозможностью в дальнейшем прибегнуть к указанным выше способам саморегуляции. Выстроенная последовательность взаимосвязанных ассоциаций формирует соответствующую оценочную и поведенческую основу в отношении данных объектов образовательной среды. То есть образ будущего складывается не столько из результатов текущего момента деятельности, сколько из осознания возможности влиять на последующие ситуации, а также оценки ресурсов, требуемых для их изменения. Например, трудности в обучении иностранному языку могут возникать как из-за отсутствия способностей к языкам, так и вследствие нехватки материальных ресурсов для дополнительной подготовки, невозможности найти хорошего репетитора, обязательностью и неотвратимостью сдачи экзамена по этому предмету.

ту. Негативная оценка текущей ситуации с освоением иностранного языка будет ассоциативно переноситься учеником на профессиональную самореализацию себя в сфере лингвистики, ставить под сомнение успешность поступления на профессии, которые требуют знания иностранного языка и т.д. Данные обстоятельства выступают эмоциональными блокираторами формирования образа лингвистического будущего в сознании ребёнка. Очевидно, что придание необходимости изучения иностранного языка другого смысла уменьшит негативную нагрузку на его оценку.

Приведенный пример иллюстрирует прямую зависимость эмоциональной оценки учеником актуальной учебной ситуации от успешности её решения. Вместе с тем, существуют косвенные психологические факторы, обуславливающие эффективность освоения объектов образовательной среды. Наибольший риск представляют авторитарные воспитательные воздействия, завышенные ожидания взрослых, отсутствие конструктивного диалога и эмоциональной поддержки в системе детско-родительских отношений. При этом ряд авторов отмечают, что наличие «у подростка вербальной виктимизации в отношении сверстников, проявление различных форм буллинга в школе» [7, с. 60] также выступают деструктивным фактором учебного процесса.

Результаты психолингвистического исследования речевого поведения людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, вскрывают прямую взаимосвязь длительного переживания человеком насилия и деформации структур сознания [19]. В ходе эксперимента было выявлено следующее. Во-первых, любая форма насилия оказывает наибольшее деструктивное влияние на сознание; во-вторых, сознание жертв насилия характеризуется «сужением, или уплощением», что проявляется в существенной *потере способности к категоризации* окружающего мира, а также асимметричных семантических сдвигах базовых категорий и понятий; в-третьих, фиксируется потеря личностной значимости базовых ценностей, стихийная смена их иерархии. Авторы отмечают, что негативное восприятие жертвой насилия жизненной ситуации распространяется на все виды жизнедеятельности: семейные, интимно-личностные и профессиональные отношения, финансовую стабильность, психологическую компетентность, обыденное общение, социальную успешность и многое другое. Человек с «уплощенным» сознанием не способен дифференцированно оценивать референтное окружение, действовать с учётом традиционно одобряемых обществом ценностей. Любой акт общения или взаимодействия эксплицитно и имплицитно расценивается как угроза здоровью. Подобное восприятие окружающего мира делает невозможным самостоятельное решение возникающих жизненных

задач, адекватное принятие решения, выбор эффективных форм поведения. Человек в этом случае становится «заложником» актуальной жизненной ситуации, то есть из активного субъекта деятельности переходит в неотъемлемую часть самой ситуации, «утрачивает базовую способность выделять себя из окружающего мира» [там же]. Можно заключить, что особенность психики жертвы насилия проявляется в сенсорной блокировке функционирования её перцептивного и интеллектуального уровней.

Применительно к психике школьника, переживающего травматический опыт насилия, деформация становящегося сознания обуславливает невозможность адекватного освоения предметных знаний, которые существуют в виде понятий, сформированных при *категоризации* (классификации) событий, объектов, ситуаций и людей [11]. Именно формирование понятий и категоризация обеспечивают структурированность многообразного стимульного окружающего мира, представленного школьнику, в том числе, в виде учебных предметов. При этом организованность внешнего мира позволяет ребёнку эффективно взаимодействовать с ним в дальнейшем: определять стратегию поведения, оптимально использовать личностные ресурсы, находить краткий путь решения возникающих задач и т.п.

Понятность внешнего мира обуславливает адекватность профессионального выбора школьника. Процесс категоризации участвует в построении профессионального образа мира [14]. Так, В. Ф. Петренко отмечает влияние «мотивационной направленности на характер и организацию категориальных структур восприятия, и осознания субъектом предметной и социальной действительности, то есть в широком смысле во влиянии мотивационной системы субъекта на его образ мира» [15, с. 6]. Следовательно, стихийность представлений о профессиональном мире указывает на несформированность мотивационной направленности на получение какой-либо профессии. Такие школьники испытывают серьёзные затруднения в профессиональном самоопределении. Можно лишь предположить к каким психологическим и социальным последствиям приводит отсутствие у выпускников школ профессиональных устремлений.

Решением проблемы обеспечения психологической безопасности образовательного пространства может стать разработка и внедрение в работу школ специально организованной деятельности по профилактике и предотвращению насилия в любых его формах. Это указывает на необходимость разработки модели психологически безопасного образовательного пространства школы, свободного от психологического и иного насилия.

Проблема насилия носит многоаспектный характер, который может быть раскрыт при использовании междисциплинарного подхода с опорой на методологический аппарат психологии, педагогики, социологии, культурологии и права. В связи с этим, целесообразным представляется выделение методологической основы модели психологической безопасности образовательного пространства.

Психологический подход позволяет выявить психологические факторы проявления враждебности людей по отношению друг к другу, исследовать причины стремления решать внутренние психологические проблемы за счёт других.

Социально-психологический подход раскрывает закономерности социальной дезадаптации индивида, т.е. несоответствия его поведения нормам и требованиям той системы коллективных отношений, в которую он включён исходя из своего психического развития и социального становления.

Педагогический подход обеспечит адекватный выбор воздействия на ученика, с целью максимального развития его личности как субъекта среды, свободной от психологического и иного насилия.

Социальная теория даёт возможность выработать общественные механизмы нивелирования насильственных и агрессивных проявлений таких социальных отношений, в основе которых лежит «борьба людей за своё существование».

Социально-правовой подход сформирует представления о влиянии действующих законодательных актов по защите детей от жестокого обращения на поведение участников общественных отношений.

Культурологический подход позволит обозначить роль и значение ценности гуманного, ненасильственного сосуществования людей в рамках становления национальной культурной идентичности.

Для выделения методологической основы разработки психологической безопасности образовательного пространства целесообразно использовать методологическую триангуляцию, суть которой заключается в комбинировании качественных и количественных методов при проведении исследования [21]. Использование триангуляционного подхода позволяет соединить преимущества психологической, социально-психологической, педагогической, правовой и социологической научных школ и на их основе получить надежные теоретические и эмпирические данные о проблеме профилактики и предотвращения

психологического и иного насилия в образовательном пространстве.

Создание модели предполагает опору на критический анализ теорий и концепций, позволяющих определить, во-первых, основные признаки психологической безопасности образовательного пространства, во-вторых, основные идеи в области деятельности, общения, личности, менеджмента образовательной организации, содержащие указания на взаимосвязь аспектов профилактики и предотвращения жестокого обращения с детьми с другим решенными и решаемыми проблемами.

Итак, методологическую основу модели психологической безопасности образовательного пространства составляют следующие теории и концепции, обеспечивающие комплексный характер изучения проблемы профилактики и предотвращения насилия в отношении детей.

1. *Концепция психологического здоровья* [17], определяет данный вид здоровья развитием личностной индивидуальности ребенка. Формирование психологического здоровья среди прочих условий включает активное отношение самого ребенка, его заинтересованность в своем психическом и личностном развитии. Взрослея, ребенок формирует систему ориентиров для оценки моделей своего поведения. Он ориентируется как на внешние нормы, культуру и систему ценностей социальной среды, так и на внутренние опорные точки, осознаваемые как внутренняя система ценностей. Психологическое здоровье формируется и укрепляется в том числе и в образовательной системе, в ситуации, когда значимые другие (взрослые) сопровождают процесс личностного становления, помогают ребенку определить достойное с его точки зрения, отвечающее его потребностям, место в познаваемом, переживаемом им мире. При успешном процессе становления ребенка отношения с окружающим миром, картина мира будет формироваться адекватно и гармонизироваться на каждом возрастном этапе личностного развития. Психологическое здоровье ребенка характеризуется наличием позитивного образа «Я», позитивного самоощущения и восприятия окружающего мира; высоким уровнем развития рефлексии, осознанием своего внутреннего состояния, причин и последствий своего поведения и т.д.; стремлением к улучшению качества основных видов своей деятельности; сформированностью соответствующих возрасту новообразований и адаптированностью к образовательному пространству.

Образовательное пространство для формирования, сохранения и повышения качества психологического здоровья должно обладать: возможностью обеспечения чувства любви и принятия друг друга окружающими

ми, рефлексии, совершенствования деятельности детей и подростков, с учетом их возрастного кризисного становления и соответствия индивидуальным особенностям адаптации.

2. *Концепция психологической безопасности в образовании* [3] во главу угла ставит проблему защищенности детей и подростков от психологического насилия в процессе взаимодействия субъектов образовательной среды. В концепции предложен подход к психологизации образовательной среды как к альтернативе агрессивной социальной среде, психоэмоциональному и культурному вакууму, следствием которых является рост социогенных заболеваний. Такой подход создаёт условия для сохранения и укрепления здоровья всех участников, безопасные условия учебы и труда в образовательной организации, защиты от всех форм дискриминационных отношений. Непременным условием реализации концепции станет обеспечение психологической безопасности во взаимодействиях участников образовательного пространства для формирования и сохранения психического здоровья. Психологически защищенная личность может свободно функционировать, быть востребованной, полно и свободно реализовывать свои потребности.

Основным источником психической травмы ребенка является психологическое насилие в процессе взаимодействия субъектов: публичное унижение, обидное обзывание, оскорбление, принуждение сделать что-то против своего желания, высмеивание, угрозы, игнорирование, недоброжелательное и неуважительное отношение. К критериям безопасности можно отнести: референтную значимость личности, эмоциональный комфорт во взаимодействии, уважительное отношение к себе, сохранение достоинства личности, удовлетворенность основными характеристиками процесса взаимодействия в образовательном пространстве.

3. *Теория социальных ролей* получила широкое распространение за рубежом в рамках структурного функционализма [22] и интеракционизма [13]. Несмотря на различия в трактовках сущности социальной роли, оба подхода резюмируют, что в роли индивидуальное превращается в коллективное. В отечественной науке роль раскрывается через систему социальных отношений, в которых индивиды взаимодействуют как представители определенных групп (классов, профессий и пр.) [2]. И. С. Кон под ролью понимает «функцию, нормативно одобренный образец поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию» [10, с. 71–72]. При этом Г. М. Андреева подчеркивает: «Эти ожидания, определяющие контуры социальной роли, не зависят от сознания и поведения конкретного индивида, их субъектом является не индивид, а общество. Существенным

в роли является не фиксация прав и обязанностей (что выражается термином «ожидание»), сколько связь социальной роли с определенными видами социальной деятельности личности» [2, с. 71]. Как видно, социальная роль идентифицирует её носителя с соответствующей социальной группой. Отношение индивида к роли обусловлено степенью ее интернализации. От того, насколько интернализирована роль зависит соответствие поведения. Применительно к модели психологической безопасности, социальная роль представляет совокупность специальных взаимосвязанных паттернов поведения индивида, направленных на предотвращение и профилактику насилия в системе ученических отношений. При этом уровень психологической безопасности образовательного пространства может оцениваться по степени соответствия поведения индивидов ролевым ожиданиям.

4. *Теория социального научения* А. Бандуры основывается на тезисе о том, что поведение человека обусловлено не только личностными и средовыми факторами, но и его собственной активностью по созданию условий окружающей среды [4]. Согласно теории человек, наряду с собственным опытом, может расширять свой поведенческий репертуар через наблюдение за поведением других людей. Таким образом человек формирует представления о том, как должно реализовываться новое поведение. Информация об этом выступает в дальнейшем как руководство к действию. Для нашего исследования наиболее интересным представляется особый вид социального научения — косвенное (викарное) научение. Суть викарного научения состоит в том, что наблюдатель видит не только действия образца, но и видит и осознаёт последующие результаты поведения. Если результат позитивный, то человек стремится повторять такое поведение, если негативный — желание вести себя подобным образом будет снижаться.

5. *Социально-правовые идеи* и концепции позволят решить такие вопросы, как: отношение учащейся молодежи к праву на защиту жизни и здоровья на современном этапе развития гражданского общества; взаимодействие школьников с правом при решении своих проблем, споров, конфликтов; соотношение права и потребности личности в самовыражении в молодежной среде; прогнозируемость эффектов влияния законодательных актов на нормативность поведения учащейся молодежи и др.

6. Конкретно-научная парадигма в педагогике представлена несколькими подходами, что подчеркивает важность взаимодействия различных наук для понимания поведения человека. В основе *целостного подхода* лежит понимание педагогического процесса как целостной системы, ориентированной на интегративные



Рисунок 1. Модель психологически безопасного образовательного пространства

характеристики личности. Причём личность также понимается сложной психической системой со своей структурой и функциями. Для нашей работы данный подход имеет следующую познавательную пользу. Формирование гуманной личности должно осуществляться на всех её структурных уровнях, не ограничиваться лишь воспитанием по отдельным частям. В соответствие с этой позицией должен быть выстроен педагогический процесс, включающий педагогические воздействия на мотивационном, когнитивном и поведенческом уровнях. *Личностный подход* позволяет рассматривать личность как продукт общественно-исторического развития, а также как носителя культуры. Следовательно, создание и поддержание в школе психологически безопасных условий будет способствовать естественному процессу гуманистического саморазвития личности ребёнка. *Деятельностный подход* в педагогике постулирует тезис о деятельности как способе существования и развития человека, при котором он преобразует физическую и социальную реальности, в том числе и самого себя.

Данный подход даёт основания для использования активных методов воспитания (предполагающих совместную деятельность и общение) при развитии личности как не приемлющей насильственные формы поведения. В тоже время, внедрение в процесс общения учеников диалогических (полилогических) практик будет снижать риск возникновения конфликтов и деструктивных способов их разрешения. Данные идеи вполне отражают суть *полисубъектного подхода* в педагогике. *Культурологический* и *аксиологический* подходы вкпе предполагают освоение учащимися таких аспектов культуры современного общества, которые отражают ценности гуманного отношения людей друг к другу, формируют ценностные ориентации, лежащие в основе ненасильственного поведения. *Этнопедагогический подход* даст возможность организовать и осуществлять педагогическое воздействие с учётом тех традиций и обычаев национальной культуры, которые исторически отражают миролюбивый, ненасильственный характер человеческого общежития. *Антропологический под-*

ход позволит сформировать целостное представление об причинах агрессивности человека, его проявлениях и способах контроля.

Таким образом, проведенный анализ методологических оснований позволяет представить модель психологически безопасного образовательного пространства в следующем виде (Рисунок 1). Отметим, что в нашей ра-

боте под моделью понимается структурируемый образ профилактической деятельности образовательной организации, направленной на формирование представлений школьников о психологической безопасности образовательного пространства. Создание образа достигается посредством описания элементов структуры и их взаимосвязи, а также схематичным изображением модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. А., Новосельский И. Г. Жестокое обращение с ребенком Причины. Последствия. Помощь. М., Генезис, 2005.
2. Андреева, Г. М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. / Г. М. Андреева. М.: Аспект Пресс, 2001. 376 с.
3. Баева, И. А. Психологическая безопасность в образовании: Монография. СПб.: «СОЮЗ», 2002. 271 с.
4. Бандура А. Теория социального научения. СПб. Евразия, 2000. 320 с.
5. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990. 346 с.
6. Виноградов В. Л., Панфилов А. Н., Панфилова В. М., Рахманова А. Р. Интегрированное образовательное пространство вуза и школы как основа практико-ориентированной подготовки будущих учителей // Психологическая наука и образование. М.: МГППУ, 2015. Т. 20. № 5. С. 142–153 doi: 10.17759/pse.2015200513
7. Дементий Л. И., Маленкова А. Ю. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Психологическое, физическое, информационное насилие и пути его преодоления в современном обществе» // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2015. № 2. С. 57–60.
8. Еремина, Л. Ю. Система социально-психологической работы с детьми, переживающими последствия чрезвычайных ситуаций // Системная психология и социология. 2011. № 4. С. 61–71.
9. Кон И. С. Дети России: насилие и защита. М.: Прогресс, 1997.
10. Кон И. С. Социологическая психология / И. С. Кон. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. 560 с.
11. Краткий психологический словарь / Ред. А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский; ред.-сост. Л. А. Карпенк. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС». 1998. 512 с.
12. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
13. Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2009. 290 с. (Сер.: Теория и история социологии).
14. Мыскин С. В. Профессиональное сознание: языковое и неязыковое // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 135–140.
15. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания: автореф. дис. ... докт. психол. наук: 19.00.01 МГУ им. М. В. Ломоносова Москва, 1989. 48 с.
16. Практическая психология образования; Учебное пособие 4-е изд. / Под редакцией И. В. Дубровиной. СПб.: Питер, 2004. — 592 с.
17. Психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы / Под ред. И. В. Дубровиной. 4-е изд. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 176 с.
18. Скородумова О. Б. Национально-культурная идентичность в России в условиях становления информационного общества. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» / № 4, 2010. Культурология. [Электронный ресурс].
19. Солдатенкова М. Л., Сикорская Л. Е., Мыскин С. В., Завьялова Н. Б. Жизнь без насилия. Методические указания. М.: ИДПОСС, 2015. 56 с.
20. Чекунова Е. А. Формирование образовательного пространства современной школы в контексте социокультурных и педагогических инноваций: автореферат дисс. ... докт. пед. наук, ФГБОУ ВПО СКГУ, 2012. 47 с.
21. Янчук В. А. Интегративно-эклетический подход к анализу психологической феноменологии. Словарь-справочник / В. А. Янчук. Минск, 2001. 49 с.
22. Linton, R. The study of man / R. Linton. N.Y., 1936.

© Мыскин Сергей Владимирович (myskinsv@yandex.ru), Овчаренко (Еремина) Лариса Юрьевна (larisa_eremina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ И РОЛЕЙ ПСИХОЛОГОВ ОВД НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCES AND ROLES OF PSYCHOLOGISTS ATS AT DIFFERENT STAGES OF PROFESSIONALIZATION

A. Naboka

Summary. The article is devoted to studying of laws of formation of professional competences and roles in the structure of professional attitudes of psychologists ATS. The results of the research of content and dynamic characteristics of professional competencies and the roles of psychologists ATS, depending on the stage of professional formation.

Keywords: professional position, professional competence and role, professional development.

Набока Алла Александровна

Адъюнкт, Академия управления МВД России
alla_naboka@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению закономерностей становления профессиональных компетенций и ролей в структуре профессиональной позиции психологов ОВД. Представлены результаты исследования содержательно-динамических особенностей профессиональных компетенций и ролей у психологов ОВД в зависимости от этапа профессионального становления.

Ключевые слова: профессиональная позиция, профессиональные компетенции и роли, профессиональное становление.

Реформирование правоохранительных органов повышает профессиональные требования, как к профессиональным знаниям, умениям и навыкам, так и к личности профессионала, в частности к профессиональной позиции психологов ОВД, которые осуществляют психологическое сопровождение правоохранительной деятельности личного и руководящего состава. В самом общем виде, по мнению А.А. Деркач, «профессиональная позиция — это устойчивые системы отношений работника к труду, обществу, себе и к другому человеку» [2, с. 86].

В структуре профессиональной позиции специалиста ученые выделяют профессиональные знания, умения, навыки и способности, которые обеспечивают формирование частных профессиональных позиций и ролей. Как отмечают А. М. Бричкин, С. И. Савина, «психолог органов внутренних дел — профессионал-универсал: диагност, эксперт, консультант, тренер, педагог, терапевт» [1, с. 99]. Многообразие профессиональных ролей порождает многообразие частных профессиональных позиций, которые согласно А. А. Деркач [2], связаны у психолога ОВД с развитием отдельных профессиональных способностей и лежащих в их основе знаний, умений и навыков, образующих профессиональные компетенции специалистов. Многообразие профессиональных задач в условиях включения в должностное соподчинение, в котором психолог, с одной стороны выполняет роль офицера, с другой — психолога, делает необходимым изучение закономерностей становления профессиональных компетенций и ролей в структуре профессиональной позиции психологов ОВД.

Исследование закономерностей становления профессиональных компетенций и ролей проводилось среди психологов территориальных органов ОВД Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской, Калужской областей, Карачаево-Черкесской Республики и Республики Татарстан в количестве 516 человек. Формирование исследуемых групп психологов проводилось согласно Д.Н. Завалишиной, которая выделила этапы профессионального развития с позиций категории онтологического субъекта. Первую группу составили психологи ОВД на этапе адаптации к труду со стажем работы в органах от 1 до 5 лет в количестве 140 человек; вторую группу — психологи на этапе идентификации личности с профессией со стажем работы от 5 до 10 лет в количестве 232 человека; в третью группу были включены психологи ОВД на этапе выбора способа существования в профессии со стажем работы более 10–15 лет в количестве 144 человека.

Выявлены содержательно-динамические особенности профессиональных компетенций и ролей психологов ОВД на разных этапах профессионального становления (см. Табл. 1).

В структуре профессиональной позиции психологов ОВД с этапа адаптации на этап идентификации с профессией наблюдается статистически значимое повышение профессиональных компетенций и ролей практической психологической деятельности. На этапах идентификации с профессией и выбора существования в профессии содержательно-динамические особенности профессиональных компетенций и ролей проявляются, с одной стороны в отсутствии статистически значимой динамики его показателей, с другой — в интеграции профессиональных

Таблица 1. Содержательно-динамические характеристики профессиональных компетенций и ролей психологов ОВД

№ п/п	Показатели профессиональных компетенций и ролей психолога ОВД	Уровень выраженности			
		Группа на этапе адаптации (n=140); M, m	-критерий Стьюдента при p≤0,01	Группа на этапе идентификации (n=232); M, m	Группа на этапе выбора (n=144); M, m
1	Организационно-профессиональные компетенции. Роль: «Организатор».	2,4 ±0,06	19,5	3,8 ±0,05	3,8 ±0,06
2	Организационно-коммуникативные компетенции. Роль: «Коммуникатор».	2,1 ±0,05	32,5	4±0,04	4,1±0,04
3	Диагностические компетенции. Роль «Диагност»	2,9±0,06	8,4	3,6±0,06	3,7±0,07
4	Компетенции кадровой диагностики. Роль «Эксперт»	2,8±0,07	8,6	3,4±0,04	3,5±0,05
5	Индивидуальные диагностико-коррекционные компетенции. Роль «Индивидуальный терапевт»	2,7 ±0,05	13,3	3,7±0,05	3,6±0,06
6	Групповые развивающие компетенции. Роль «Тренер»	2,4±0,04	18,4	3,6±0,05	3,6±0,06
7	Групповые коррекционно-развивающие компетенции. Роль «Терапевт».	2,4 ±0,08	16,1	3,7±0,05	3,8±0,06
8	Консультационные компетенции. Роль «Консультант»	2,5 ±0,05	17,3	3,8±0,05	3,8±0,07
9	Просветительно-педагогические компетенции. Роль «Педагог».	2,7 ±0,06	11,9	3,6±0,05	3,7±0,05

компетенций и ролей, связанных с различными видами практической психологической деятельности (Организатора, Коммуникатора, Эксперта, Диагноста, Консультанта и Терапевта); с системообразующей ролью профессиональных компетенций и ролей, которые связаны с групповыми формами работы психолога (роли Организатор, Коммуникатор). Согласно результатам корреляционного анализа Пирсона, на этапах *идентификации с профессией* и *выбора существования в профессии* ядром корреляционной плеяды являются организационно-профессиональные и организационно-коммуникативные компетенции психологов (Роли — Организатор, Коммуникатор), которые имеют прямые корреляционные связи с выполнением диагностической работы (Роль — Диагност), кадровой диагностики (Роль — Эксперт) и консультационной деятельности (Роль — Консультант). На данных этапах профессионализации психологов имеет место статистически значимая связь между индивидуальными диагностико-коррекционными и групповыми коррекционно-развивающими компетенциями, что демонстрирует интеграцию знаний, умений, навыков и способностей профессиональной роли Терапевт.

Таким образом, *динамические особенности* профессиональных компетенций и ролей психологов ОВД с *этапа адаптации* на *этап идентификации с профессией* выражаются в количественном повышении показателей. На этапах *идентификации с профессией* и *выбора существования в профессии* наблюдаются качественные преобразования, интеграция профессиональных компетенций и ролей, связанных с различными видами практической психологической деятельности (Организатора, Коммуникатора, Эксперта, Диагноста, Консультанта и Терапевта). Системообразующими являются организационно-профессиональные и организационно-коммуникативные профессиональные компетенции и роли Организатор, Коммуникатор, связанные с групповыми формами работы психолога ОВД с личным и руководящим составом, со способностью эффективно взаимодействовать с сотрудниками правоохранительных органов по вопросам организации психологического обеспечения и оперативно-служебной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бричкин А.М., Савина С. И. Профессиональное сопровождение психологов — будущее или настоящее // Педагогика в правоохранительных органах. 2004. № 2 (22). С. 99.
2. Деркач А. А. Акмеологический словарь. М.: РАГС, 2004. С. 86.

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ ОБ ИДЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

Донцов Никита Вадимович

Финансовый Университет при Правительстве РФ
NVdontsov@gmail.com

PHILOSOPHICAL IDEAS OF NICCOLO MACHIARELLI ABOUT THE IDEOLOGY OF A CENTRALIZED STATE

N. Dontsov

Summary. The Renaissance is directly connected with changes in the world, in society. There are new ideals, chief among which is the ideal of the new man, and, consequently, the ideal of the new ruler, is particularly active, they were developed in Italy in the XV — XVI centuries, the Most fully socio-political theory was developed by philosopher, historian, politician Niccolo Machiavelli.

First of all, the interests of Machiavelli was the policy of the government. Often his image was associated with deceit, immorality, cynicism, unscrupulous. In Italy, Machiavelli was considered the patron of liars, in England, was nicknamed «Old Nick» (Old Nick, which was a popular name for Satan), Shakespeare called it a «murderous, bloody Machiavel».

This article discusses the philosophical ideas and judgments of Machiavelli. The main principle followed Machiavelli in his work «the Prince», was the principle of objectivity.

Among the forms of government he identifies hereditary rule, civil autocracy and the Republic. A social ideal in the understanding of Machiavelli, the Republic, which provided the citizens the inviolability of private property and security of the person. That's what he considered the basis of human freedom and strength of the state.

Keywords: Niccolo Machiavelli, Renaissance, principle of subjectivity, theory of state, freedom of citizens, humanism.

Аннотация. Эпоха Ренессанса напрямую связана с переменами в мировоззрении, в жизни общества. Возникают новые идеалы, главным из которых является идеал нового человека, а, следовательно, и идеал нового правителя, особенно активно они развивались в Италии в XV–XVI вв. Наиболее полно социально-политическая теория была разработана философом, историком, политическим деятелем Никколо Макиавелли.

Прежде всего, интересы Макиавелли касались области политики, управления государством. Часто его образ связывали с коварством, безнравственностью, цинизмом, неразборчивостью в средствах. В Италии Макиавелли считался патроном лгунов, в Англии получил прозвище «Old Nick» (Старина Ник, которое было народным именем сатаны), Шекспир называл его не иначе как «убийственный, кровавый Макиавель».

В данной статье рассмотрены философские идеи и суждения Макиавелли. Главным принципом, которому следовал Макиавел ли в своем сочинении «Государь», был принцип объективности.

Среди форм правления он выделяет наследственное правление, гражданское единовластие, республику. Социальным идеалом в понимании Макиавелли выступала республика, которая обеспечивала гражданам неприкосновенность частной собственности и безопасность личности. Именно это он считал основой свободы человека и прочности государства.

Ключевые слова: Никколо Макиавелли, эпоха Ренессанса, принцип субъективности, теория государства, свобода граждан, гуманизм.

В своем сочинении «Государь» Макиавелли рассуждает о типах государственного устройства. Он пишет: «Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно» [5, С. 327–328].

Рассматривая особенности единовластного правления, Макиавелли отмечает, что государю, которому государство досталось по праву наследования, удержать власть гораздо легче, чем новому правителю. Поэтому даже, если государь не обладает какими-то выдающимися качествами, он скорее всего не утратит своей власти. У такого государя нет особенных причин притеснять своих подданных, они живут по давно сложившимся законам. Для сохранения мира

и спокойствия в стране достаточно соблюдать эти законы, по возможности сильно не изменять их, не давать свободы гражданам, которые к ней не привыкли.

В чужой же стране труднее удержать власть, поскольку все новое вызывает естественное отторжение. В пример он приводит мудрое поведение римлян, которые при завоевании новой страны «учреждали колонии, покровительствовали слабым, не давая им, однако, войти в силу; обуздывали сильных и принимали меры к тому, чтобы в страну не проникло влияние могущественных иноземцев» [5, С. 327–328].

Новое государство можно завоевать при помощи чужого оружия или по милости фортуны. Также власть

можно приобрести за деньги или по чье-то милости. Для удержания власти необходима мудрость и доблесть.

Также существуют случаи, когда человек может обрести власть путем преступлений или по благоволению к нему сограждан. Здесь уже речь идет о республиканской форме правления. В первом случае «тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, чтобы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день; тогда люди понемногу успокоятся, и государь сможет, делая им добро, постепенно завоевать их расположение» [5, С. 327–328].

Второй случай — это некое гражданское единовластие, которое утверждается благодаря требованию какого-либо сословия. Если кого-то возвышает знать, то она делает это для того, чтобы спрятать за спиной кого-то одного свое неумение справиться с народом, при этом государь остается окружен знатью и выполняет ее желания. Тот же, кто приходит к власти благодаря народу, «правит один, и вокруг него нет никого или почти никого, кто не желал бы ему повиноваться» [5, С. 348]. При этом для государя можно довольно легко удержать гражданское единовластие, так как для этого достаточно соблюдать главное требование народа — не угнетать его. Если правитель будет достаточно мудр, то он сохранит дружбу с народом, чтобы не быть свергнутым им.

Идеальным государственным устройством для Макиавелли была республика, обеспечивающая каждому гражданину свободное пользование имуществом, неприкосновенность частной собственности и безопасность. Поэтому образцом государственного устройства для Макиавелли была Римская республика.

Политическая концепция Макиавелли часто служила основанием для критики со стороны церкви и ее служителей. Это было во многом закономерно. Одна из важных черт мировоззрения и творчества Макиавелли — последовательный антиклерикализм. Он очень порицал желание римских пап вмешиваться в политические, государственные дела. Это во многом было причиной раздробленности итальянских городов.

Рассуждая о церковных государствах он пишет: «Государства эти опираются на освященные религией устои, столь мощные, что они поддерживают государей у власти, независимо от того, как те живут и поступают» [5, С. 352].

При этом Макиавелли анализирует различные исторические события, которые способствовали установлению могущества католической церкви и власти папы Римского. Он показывает, какую огромную роль играли

в этом, помимо церковного авторитета, деньги, дипломатические интриги, сила оружия.

Таким образом, Макиавелли видел в католической церкви и папстве источник зла и противопоставлял ей религию древних, которая воспитывала доблесть и политическую активность людей. Как сторонник светского государства, Макиавелли отвергает теократическую концепцию устройства государственной власти.

Являясь истинным патриотом своей родной Флоренции, Макиавелли горько сожалел о той ситуации, которая сложилась здесь к концу XV- началу XVI веков. Постоянная борьба за власть, унижительные союзы с иностранными государствами, напряженная политическая обстановка не могли не сказаться на общем состоянии культуры. Сочинения «Государь» и «Размышления над первой декадой Тита Ливия» явились плодом размышлений Макиавелли о будущем его родины. XXVI глава «Государя», в которой содержится призыв к единству Италии, к освобождению от иностранных влияний, преследующих лишь свои личные цели, была по сути «Марсельезой XVI века» [3, С. 575], которая повисла в воздухе и не нашла отклика.

Размышляя о качествах идеального государя, Макиавелли призывает его уподобиться двум животным: лисице и льву. «Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется» [5, С. 367]. То есть хороший политик должен иметь лисью натуру, когда нужно, быть хитрым, изворотливым, способным к обману и лицемерию.

Не смотря на то, что часто его мысли понимались односторонне и превратно, многие качества идеального государя, выдвинутые Макиавелли, действительно справедливы.

Рассуждая о качествах идеального правителя, Макиавелли обращается к образу народа. Народ у него выступает, как главный творец истории. При этом под народом он понимает средний класс, не включая в него плебс и крестьянство. Как отмечает М.А. Юсим: «Макиавелли считал народ подлинным творцом истории, противопоставляя ему, с одной стороны, знать с ее децентрализаторскими и олигархическими устремлениями»

ми, а с другой стороны — плембс, не способный, как он полагал, быть прочной опорой политики, направленной на удовлетворение интересов всего общества» [6, С. 51].

Возвеличивая народ как творца истории, Макиавелли отнюдь не стремился принизить роль сильной личности. Нарисованный им образ всемогущего правителя — один из самых ярких в эпоху Возрождения. И неудивительно: он сочетал в себе идеальные черты (служение отечеству и долгу, духовная сила и др.) с реальными чертами итальянского властителя — кондотьера и тирана.

К своей великой цели — учреждению прочного государства, в чем так нуждалась Италия, государь Макиавелли идет, избирая предпочтительно «человеческий путь» — путь добродетели. «Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямотушие, человечность и благочестие, особенно благочестие» [5, С. 368]. Но в случае необходимости он может свернуть и на звериную тропу, при необходимости стать жестоким, хитрым и коварным.

Макиавелли, хорошо разбираясь в политической ситуации, был первым, кто столь открыто объявил, что формы правления напрямую зависят от качеств государя и от окружающей его среды. Образ своего идеального правителя он создавал из материала, предложенного эпохой — периодом ломки старых устоев и моральных норм. Идеи Макиавелли воплощали интересы тех слоев буржуазии, которые старались предотвратить разделение итальянского государства. Путь к этому, по Макиавелли, лежал через диктатуру сильной личности — добродетельной, но при необходимости использующей и другие методы.

Образ правителя, представленный у Макиавелли, уже далеко не такой идеализированный, каким был раньше. При этом, наряду с присущими ему добродетелями, хороший государь должен обладать и некоторыми отрицательными качествами. Например, коварство, злоба, жестокость. Он вынужден пользоваться такими качествами, так как иначе он не сможет удержать всю полноту власти в своих руках.

Также Макиавелли пишет о том, что успех государя зависит не только от его собственных качеств, но и от людей, которые его окружают. Это могут быть элита, народ и даже слуги.

Таким образом, идеальный государь видится Макиавелли как сильная личность обладающая множеством добродетелей, среди которых мужество, доблесть, милосердие. Однако при необходимости государь должен быть готовым проявить и коварство, и изворотливость, и жестокость. Мыслитель пишет: «Во всех людях, а осо-

бенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания» [5, С. 362]. Безусловно, для государя было бы прекрасно состоять только лишь из одних добродетелей. Но в силу своей природы человек не может состоять только из одних достоинств и твердо им следовать. Поэтому правителям не надо бояться показаться обладающими какими-либо пороками, так как то, что для простого человека недостаток, для государя — достоинство и наоборот.

Таковы основные рассуждения Макиавелли о личности правителя.

В трактате «Государь» Макиавелли описывает способы создания сильного централизованного государства в условиях, когда у народа еще не развиты гражданские добродетели. Принцип «цель оправдывает средство» получил название «макиавеллизм», во многом потому, что Макиавелли выделял в качестве идеала сильное централизованное государство. Стремясь к воплощению великого замысла и высокой цели, «государь может пойти даже на крайние меры. Конечно «нельзя назвать доблестью убийство сограждан, предательство, вероломство, жестокость и нечестивость: всем этим можно стяжать власть, но не славу» [5, С. 346] — пишет Макиавелли.

То есть нельзя говорить о том, что он совсем неразборчив в средствах. Он говорит о том, что жестокость жестокости рознь и следует разделять ее проявление в разных ситуациях. Для правителя порой необходимо применять жестокость для того, чтобы суметь удержать в повиновении подданных. «Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку» [5, с. 367].

Рассуждения о чести и пользе у Макиавелли явно смещаются в сторону пользы: рассуждения о том, что для достижения цели хороши любые средства, в том числе и явно аморальные. Именно эти рассуждения послужили поводом для того, чтобы на протяжении многих столетий рассматривать личность Макиавелли только лишь как дьявольски коварного, беспринципного политика, не вдаваясь в подробности его учения. При этом нельзя однозначно оценивать творчество Макиавелли как призыв к аморальности, так как для него большое значение имеют понятия доблести и добродетелей. Доблесть — главное качество хорошего государя.

При этом Макиавелли не обольщается насчет природы людей, более того, утверждает, что «люди всегда злы, если их не вынудит быть хорошими необходимостью» [5, С. 371].

Представленный тезис отсылает нас к нормам человеческой морали и нравственности. Какова же для Ма-

киавелли суть морали? Под моралью обычно понимают систему нравственных установок, выработанных тем или иным обществом и культурой. Мораль входит в систему ценностей каждого общества, однако сами эти ценности могут быть разными.

Поскольку моральные, нравственные ценности претендуют на абсолютность, это приводит к противоречию в их понимании. Ведь нельзя сказать, что у каждого члена общества одни цели и обязанности, нельзя сравнивать государя и крестьянина. В реальной жизни часто происходит так что соблюдение моральных норм приведет не к благу, а, наоборот, к негативным последствиям.

Поэтому и вопрос о моральности или аморальности государя очень сложен. Если государственная деятельность требует нарушения каких-то норм морали для дальнейшего блага государства, то правитель должен уметь принять правильное решение, которое принесет благо всему государству, даже если оно противоречит общепринятым моральным ценностям. Доблесть — главное качество хорошего государя, но следует разобраться, что именно вкладывает Макиавелли в понятие доблести. Что же Макиавелли ставит на первые места среди добродетелей? Он выделяет: милосердие, верность, прямоту, человечность и набожность.

Макиавелли пишет: «Государю нет необходимости обладать всеми добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать — вредно, тогда как выглядеть обладающим ими — полезно» [5, С. 367].

То есть, по Макиавелли, во главу угла правитель должен ставить благо государства, а не моральные ценности. Можно даже сказать, что он отделяет политику от морали. В этом он выступает против феодально-религиозной идеологии, но и непосредственно против католической церкви. Как отмечает Д. И. Грядовой: «Макиавелли — апологет сильного централизованного государства, в котором властные полномочия должны быть сосредоточены в руках торгово-промышленной буржуазии» [2, С. 136]. Именно такая форма государственного устройства, по мнению мыслителя, сможет предотвратить в дальнейшем междоусобную войну итальянских городов и положить конец разорению страны.

Таким образом, тезис «Цель оправдывает средства» родился во многом потому, что взгляды Никколо Макиавелли на политику довольно разнообразны и в чем-то даже противоречивы. Возможно, это связано с влиянием на его творчество сразу нескольких культурных традиций: античной, средневековой и ренессансной. Однако в своем творчестве Макиавелли во многом идет дальше

любой из названных традиций, часть его идей не потеряла своей актуальности и сегодня.

ВЫВОДЫ

Идеалом государственного устройства для Макиавелли была Римская республика. Также Макиавелли отмечает отрицательную роль церкви в управлении государством. Одним из главных зол бедственного положения его родной Италии он видел стремление римских пап к политической власти.

Идеальный государь видится Макиавелли как сильная личность обладающая множеством добродетелей, среди которых мужество, доблесть, ум, воля, милосердие. Однако при необходимости государь должен быть готовым проявить и коварство, и изворотливость, и жестокость.

Вспоминая о «дьяволизме», коварстве Макиавелли, можно отметить, что он во многом обобщил политическую практику своей эпохи и показал, что коварство и насилие — это одни из главных средств политики его времени, предопределенные духом всей эпохи. Сам же он совсем не является их апологетом. Он оправдывал теорию единовластия, однако всячески осуждал борьбу партийных группировок, способствующую созданию политической напряженности в стране [1, С. 273].

Основой идеологии централизованного государства стал тезис Макиавелли «Цель оправдывает средства». То есть, по Макиавелли, во главу угла правитель должен ставить благо государства, а не моральные ценности. Оправдание насилия возможно при определенной политической ситуации, когда другие средства будут неэффективны. Так для создания сильного централизованного государства Макиавелли оправдывает и насилие, и жестокость, и коварство.

Таким образом, тезис «Цель оправдывает средства» родился во многом потому, что взгляды Никколо Макиавелли на политику довольно разнообразны и в чем-то даже противоречивы. При этом в своих рассуждениях он демонстрирует явно научный подход к исследованию политической системы. Вероятно, это связано с влиянием на его творчество сразу нескольких культурных традиций: античной, средневековой и ренессансной. Однако в своем творчестве Макиавелли во многом идет дальше любой из названных традиций, часть его идей не потеряла своей актуальности и сегодня.

Главным достижением Макиавелли следует признать стремление призвать современных ему политиков к объединению Италии в единое централизованное государство и освободить ее из рук варваров. Свой призыв он постарался обосновать теоретически в своих сочинениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина Л. М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Идеалы и практика культуры / Л. М. Брагина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. — 384 с.
2. Грядовой Д. И. История философии / Д. И. Грядовой. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. — 455 с.
3. Дживелегов А. К. Никколо Макиавелли / А. К. Дживелегов // Никколо Макиавелли: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2002. — С. 505–575.
4. Канке В. А. История философии. Мыслители, концепции, открытия: Учебное пособие / В. А. Канке. — М.: Логос, 2003. — 432 с.
5. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли // Антология мировой философии: Возрождение. — Минск: Харвест; М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. — С. 327–389.
6. Юсим М. А. Этика Макиавелли М. А. Юсим. — М.: Наука, 1990. — 158 с.

© Донцов Никита Вадимович (NVdontsov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ТЕОРИЮ БИОСФЕРЫ ВЕРНАДСКОГО

MODERN VIEW ON THE THEORY OF THE BIOSPHERE VERNADSKY

**V. Egorov
B. Kershengots
I. Larionova**

Summary. The paper discusses the theory of biosphere and noosphere of V.I. Vernadsky. It is shown that a number of its provisions are inconsistent with modern scientific positions.

Keywords: biosphere, noosphere, Vernadsky theory, criticism.

Егоров Владислав Викторович

*Д.х.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ,
ФГБОУ ВО Московская государственная академия
ветеринарной медицины имени К. И. Скрябина,
Москва, Россия
kaf_chimii@mgavm.ru*

Кершенгольц Борис Моисеевич

*Д.б.н., академик, вице-президент Якутской АН
Ларионова Ирина Сергеевна*

*Д.ф.н., профессор, почетный работник ВПО РФ, ФГБОУ
ВО Московская государственная академия ветеринарной
медицины имени К. И. Скрябина, Москва, Россия*

Аннотация. В работе рассмотрена теория биосферы и ноосферы В. И. Вернадского. Показано, что ряд ее положений не соответствуют современным научным представлениям.

Ключевые слова: биосфера, ноосфера, теория Вернадского, критика.

Теория биосферы Владимира Ивановича Вернадского, его представления, сложившиеся около 100 лет назад, сегодня, на наш взгляд, требуют пересмотра и реформирования. В частности, тезис Вернадского о том, что жизнь возникла вместе с появлением самого вещества в момент Большого Взрыва, очевидно, является ложным. Не жизнь, а скорее информация появилась одновременно с веществом, т.е. законы существования материи вообще и вещества в частности. Но и здесь следует заметить, что до вещества, очевидно, было поле, а это тоже материя, ее особая форма со своими особыми законами, своей информацией.

По поводу учения Вернадского о биосфере, рассмотрим его основные положения в сокращенном виде.

Учение о биосфере (В. И. Вернадский [1]).

1. Живое вещество более-менее равномерно распределено на земной поверхности, т.е. оно непрерывно в пространстве и во времени. В нем сконцентрирована энергия, полученная от Солнца, т.к. любой организм это продукт преобразования солнечной энергии в энергию органических соединений. Таким образом, жизнь на Земле связана с Космосом.

2. Организмы на Земле выполняют строго определенные биогеохимические функции, в т.ч. необходимые для поддержания самой жизни. Они создают определенное давление на окружающую среду, изменяют течение химических реакций, участвуют в круговороте химических элементов и пр., т.е. организмы это реальная «химическая сила» на Земле.

3. Биосфера с необходимостью переходит в ноосферу или сферу разумной деятельности человека.

По первому вопросу следует заметить, что жизнь, в ее сегодняшнем понимании, возникла лишь на нашей планете и лишь в определенный момент времени порядка 3,7 млрд. лет назад. До этого ее просто не было (а если была здесь или где-то, то это вопрос открытый). Поэтому о непрерывности жизни можно говорить только применительно к данному месту и данному времени (возможно, когда-нибудь она исчезнет, против чего весомых аргументов пока нет). Причем, и сама непрерывность относительна: в магме вулканов и в ядре Земли ее, в соответствии с современными представлениями, нет и быть не может.

Касательно энергии Солнца, имеются организмы-хемотрофы, которые ее не используют для жизнедеятельности [2]. То же касается организмов, живущих в глубинах океана, куда солнечный свет просто не проникает. По поводу представлений ряда ученых (Данилова М.И. [3]) со ссылкой на тезис Вернадского о появлении сразу крупных (читай: совершенных) живых форм, а потом они измельчали. Это вообще из области креационизма и противоречит современным научным знаниям! При этом заметим, что не исключается и сегодня появление Новой Жизни, например, в зоне т.н. «темных курильщиков» на дне океана.

Второй вопрос также требует уточнения. Организмы на заре их появления и развития практически не влияли на окружающую среду. Они существовали довольно длительное время (около миллиарда лет, спустя кото-

рые атмосфера под влиянием автотрофов стала окислительной), не являясь реальной «химической силой». Да и сегодня они — «сила» только в ближайшем своем окружении. Остальная природа, в данном случае Земли, хотя и изменилась под длительным воздействием организмов (кислород, почва, уголь и нефтепродукты и т.п.), но ее «чувствительность» к ним и сегодня в обозримый промежуток времени ничтожна, тем более в областях вне биома. Скорее организмы сами зависят от природы, постоянно находясь во взаимодействии с ней. По сути, биота — реальный участник организации и функционирования самоорганизующейся системы химических (в т.ч. биохимических) процессов в планетарном масштабе.

По вопросу о ноосфере. Эта сфера по Вернадскому — способ существования Природы, заключающийся в полном ее подчинении и управлении человеком по законам самой Природы. Но это утопия, причем, порой, опасная — на грани вседозволенности. Человек никогда не сможет полностью управлять нашим миром, поскольку не может его познать до конца: «знаю, значит — умею!» Во-первых, мы имеем дело только со своим восприятием мира (ноуменами — образами), а не с миром как таковым (феноменами — реалиями). Во-вторых, наше восприятие ограничено в силу ограниченности наших органов чувств (например, ограниченность цветового и звукового спектра частот, воспринимаемых нами), которые мы усиливаем и расширяем с помощью приборов. Но их данные мы, опять же, воспринимаем с помощью органов чувств (а как по-другому?). Далее, мы все пропускаем через мозг (разум), т.е. опосредуем нашим мышлением, его стереотипами. Да, восприятие совершенствуется, но этому совершенствованию, как и познанию, нет предела. К этому следует добавить следующий научный факт: сегодня мы имеем дело только с доступной нам материей (плюс подходы к антиматерии), но это менее 20% всей материи (за пределами познания находится т.н. темная материя и темная энергия) [4]. По сути и биосфера, и человек как её составляющее — не что иное, как элементы планетарной самоорганизующейся системы, которая, в свою очередь, в качестве субструктуры, входит в самоорганизующуюся систему более высокого порядка.

Теория Вернадского основана на рассмотрении современного человека — *homo sapiens* как предела развития биоты. Но кто сказал, что это предел? С точки зрения теории самоорганизации открытых, сильно неравновесных и нелинейных систем, к которым относится вся биосфера и, конечно, человек, предел развития — это гибель. На самом деле, самоорганизующиеся системы, достигая некоего предела, либо трансформируются в новое качество, либо деградируют. В пользу возможности дальнейшей эволюции человека свидетельствуют следующие

факты. Сегодня, особенно в зонах повышенной радиации (Чернобыль и т.п.), все чаще появляются дети, которые владеют шестым «полевым чувством», и которых мы называем «сверхчувствительными» — экстрасенсами. Возможно, эта тенденция получит развитие, как и способ нелогического мышления — интуиция, и такое восприятие заменит нам и Интернет и даже компьютер. Ведь оно часто совершеннее нашего рационального осмысления действительности. «Женская интуиция точнее мужского знания», писал Р. Киплинг. Мы имеем тому примеры в развитии Восточной цивилизации, которая идет не техническим, а духовным, гуманитарным путем. В результате, как утверждают некоторые ученые (Ф. Капра и др. [5]) эти будды (просветленные) и их учения пошли дальше в познании ряда сторон действительности по сравнению даже с наиболее продвинутой из современных технических дисциплин — квантовой механикой.

Вернадский сформулировал условия, необходимые для формирования ноосферы на планете:

1. заселение человеком всей Земли,
2. создание эффективных средств связи и обмена между странами,
3. усиление всех связей на Земле,
4. преобладание роли антропогенных над другими процессами в биосфере,
5. открытие новых источников энергии,
6. равенство всех людей,
7. усиление роли народных масс в политике,
8. создание условий для свободы научной мысли,
9. подъем благосостояния народа и его образование,
10. разумное преобразование природы в интересах человека,
11. исключение войн из жизни людей.

Разберем их по пунктам. По поводу первого следует заметить, что это маловероятно, т.к. есть территории, где нормальная жизнь человека просто не возможна: ледники, пустыни, горные вершины и пр., не говоря уж о жерлах действующих вулканов, глубин литосферы или высот атмосферы. Жизнь это всего лишь «тонкая пленка» на поверхности Земли. А с точки зрения теории синергетики этот пункт противоречит одному из условий сохранения способности к самоорганизации — наличию анизотропии (асимметрии) в системе.

Второе, эффективный обмен информацией сегодня решается с помощью Интернета. Но такой обмен понимался ученым шире, предполагая всеобъемлющие экономические, культурные и др. связи (теория глобализации, включающая и второй пункт), что пока проблематично. Надо напомнить непрерывные конфликты не только между странами, но и между религиозными конфессиями: буддизмом и индуизмом, исламом и хри-

стианством или ветвями христианства, ветвями того же ислама.

Рассматривая четвертое положение, надо заметить, что не могут антропогенные воздействия превзойти все остальные. Они — жалкая доля всех взаимодействий на планете (вспомним пищевые цепи и пирамиды, где только на самой вершине находится человек).

В связи с пятым. Да, сегодня, когда углеводороды подходят к концу на планете, мы открываем и используем другие виды энергии, в первую очередь экологически чистые: гидродинамическую (ГЭС затратна, но окупаема), ядерную (масса проблем), солнечную (пока дорого), ветровую (тоже не дешево), приливную (на практике проблематична), гидротермальную (ограниченные территории), а также пока малодоступную энергию геомагнитного поля (работы Н. Тесла) и пр.

К вопросу о шестом. Хотя это и записано в уставе ООН, но до фактического равенства еще очень далеко (да и вряд ли оно достижимо — см. выше об асимметрии самоорганизованных систем), а седьмое просто проблематично, т.к. демократия («наихудшая из форм правления» — Аристотель), точнее ее реальное проявление не всегда себя оправдывает. Высокоцентрализованная власть в государстве с грамотным адекватным лидером сегодня более перспективна и привлекательна.

По восьмому пункту: еще долго наука будет подчинена политике и экономике, а сегодня в Европе и США — особенно, в связи с кризисом. Чего уж говорить о других, тем более слаборазвитых странах!

По вопросу о девятом. Всеобщее высшее образование в нашей стране декларируется, но институты зачатую сокращаются и объединяются с уменьшением преподавательских и студенческих мест. Что же говорить о средней школе или дошкольном образовании, где

сельское практически уничтожено. А в хвалёных США или Германии уровень школьного образования сегодня вообще «ниже плинтуса». О доступности частного в целом более качественного, но платного образования, как и о высоком благосостоянии даже в развитых странах Европы и Америки сегодня говорить сложно, тем более в связи с тем же кризисом, экономическим и политическим.

К десятому пункту также есть претензии, поскольку преобразование природы нами пока идет в одном направлении — уничтожение лесов и животных, сокращение посевных площадей с превращением их в степи-пустыни или болота, отравление водных бассейнов отходами, в т.ч. радиоактивными и химическими. И все это «в интересах человека», природа которого также ослабляется (сохранение слабого плода и т.п.). Следует усвоить, что природу не надо преобразовывать (читай: подчинять себе, ломать на основе своих представлений о «разумном преобразовании»). С ней надо «сотрудничать» на основе знаний о ней, о ее законах и прикладного применения синергетической теории самоорганизации, причем, строго в рамках аттрактора-точки сборки, в котором Природа существует, ни в коем случае не выбивая её из этого «фазового пространства».

И наконец, по поводу войн. Да, их исключение необходимо, но, к сожалению, пока малоперспективно. Сегодня человечество замкнуто в рамках одной системы (да, открытой; да, сильно неравновесной; да, нелинейной!). А в этой системе различные группы людей (государства, этносы, религиозные сообщества, партии и др.) — это всего лишь флуктуации, борьба которых и определяет механизм самоорганизации общества.

Таким образом, мы видим, что движение в нужную, заданную Вернадским, сторону происходит, но чрезвычайно медленно, а в чем-то требования, сформулированные ученым сто лет назад, просто мало выполнимы.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. Вернадский. Химическое строение биосферы Земли и ее окружение. — М: Наука. 1965.
2. Н. Н. Фирсов. Микробиология: словарь терминов. — М: Дрофа. 2006.
3. Философия. Под ред. Даниловой М. И. — Краснодар: КубГАУ. 2015.
4. Решетников В. Почему небо тёмное. Как устроена Вселенная. — Фрязино: Век 2. 2012.
5. F. Capra. The Tao of Physics. — Boston: Shambala. 1975.

THE PERIODICITY IN THE HISTORY

V. Egorov

Summary. The paper discusses the question of the frequency of events in the history of mankind: the wars involving Russia, the world revolutions, the emergence of great national leaders and generals. Considered Helio-biological aspect of the history.

Keywords: history, periodicity, causes.

Вопрос о наличии или отсутствии периодичности в истории человечества не так прост, как это кажется на первый взгляд. Современному обывателю она видится строго закономерной в связи с ежегодным принятием экономических программ; с четырехлетними циклами работы президента, думы и правительства; с недавними 5-летками экономики в СССР. Но в истории играет важную роль и случайность: решение того или иного лидера, совокупность сложившихся обстоятельств и т.д. и тогда закономерность, как полагают, исчезает.

Действительно, годовые погодные циклы, вызванные периодичностью активности солнца, «настраивают» на свой ритм экономику и частного хозяйства, и государства. И по-другому быть не может. На этом фоне появляются более продолжительные, т.н. космические циклы, также связанные с активностью нашего светила, вызванной периодическим появлением на нем многочисленных пятен. В эти периоды, а наиболее короткий солнечный инверсионно-биологический цикл Чижевского составляет около 11 лет, повышенная солнечная активность отражается на всей биосфере Земли. Например, начинается активный рост микроорганизмов, в т.ч. патогенных, а отсюда эпидемии и пандемии [1]. Как отмечал А.Л. Чижевский, такая повышенная активность солнца должна возбуждающе действовать на человека и отражаться «в психомоторных пандемиях: революциях, восстаниях, войнах, походах, переселениях» [2].

Рассмотрение этого вопроса начнем с войн на примере участия России в вооружённых конфликтах XVIII в (звездочками помечены периоды наивысшей солнечной активности): северная война (1700–1721)*, русско-персидская война (1722–1723)*, война за польское наследство (1733–1735)*, русско-турецкая война (1735–1739)*, русско-шведская война (1741–1743)*, война за австрийское наследство (1747–1748), семилетняя война (1757–1763)*, подавление повстанческих движе-

ПЕРИОДИЧНОСТЬ ИСТОРИИ

Егоров Владислав Викторович

Д.х.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина. Москва. Россия
kaf_chimii@mgavm.ru

Аннотация. В работе обсуждается вопрос о периодичности событий в истории человечества. Приводятся примеры войн с участием России и мировых революций, времена появления великих государственных лидеров и полководцев. Рассматривается гелио-биологический аспект истории.

Ключевые слова: история, периодичность, причины.

ний на правобережной Украине (1768–1769), русско-турецкая война (1768–1774)*, русско-турецкая война (1787–1792)*, русско-шведская война (1788–1790)*, русско-польская война (1792)*, русско-персидская война (1796), русско-испанская война (1799–1801). Интервалы между войнами приведены на рис. 1.

На рисунке видно, что с высокой вероятностью периодичность военных конфликтов с участием нашей страны близка инверсионно-биологическому циклу солнечной активности Чижевского, составляющему 11+3 г. При этом 71% событий совпадает с периодами наивысшей активности светила.

Далее обратимся к революциям в мире (звездочками помечены периоды наивысшей солнечной активности): английская революция (1640–1650)*, американская революция (1775–1783)*, французская революция (1789–1799)*, сербская борьба за независимость (1804–1815)*, революции в Аргентине и Венесуэле (1810–1811), революция в Колумбии (1816–1822)*, пернамбуканская революция (1817)*, португальская революция (1820)*, испанская революция (1820–1823)*, боливийская революция (1824–1826), бельгийская и французская революции (1830), весна народов (1848–1849)*, итальянская революция (1859–1860)*, испанская революция (1868)*, филиппинская революция (1896–1898)*, первая русская революция (1905–1907), турецкая революция (1908)*, мексиканская революция (1910–1917)*, синьхайская революция (1911–1913)*, февральская и октябрьская революции в России (1917). Заметим, что некоторые процессы революционного характера растянулись на десятилетия, а именно, борьба за независимость Греции (1821–1932) итальянское рисорджименто (конец 18 века — 1870) и т.д. Интервалы между революциями приведены на рис. 2.

Математический анализ второго блока показывает, что приблизительно с 70% вероятностью революцион-

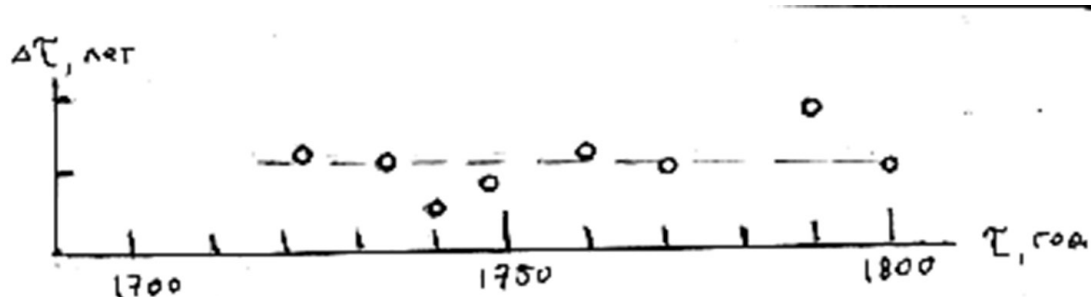


Рис. 1. Временные интервалы между войнами XVIII в с участием России. Математический анализ показал, что с 75%-ной вероятностью они соответствуют 11+2 года (на оси ординат отмечены 10-ти летние периоды)

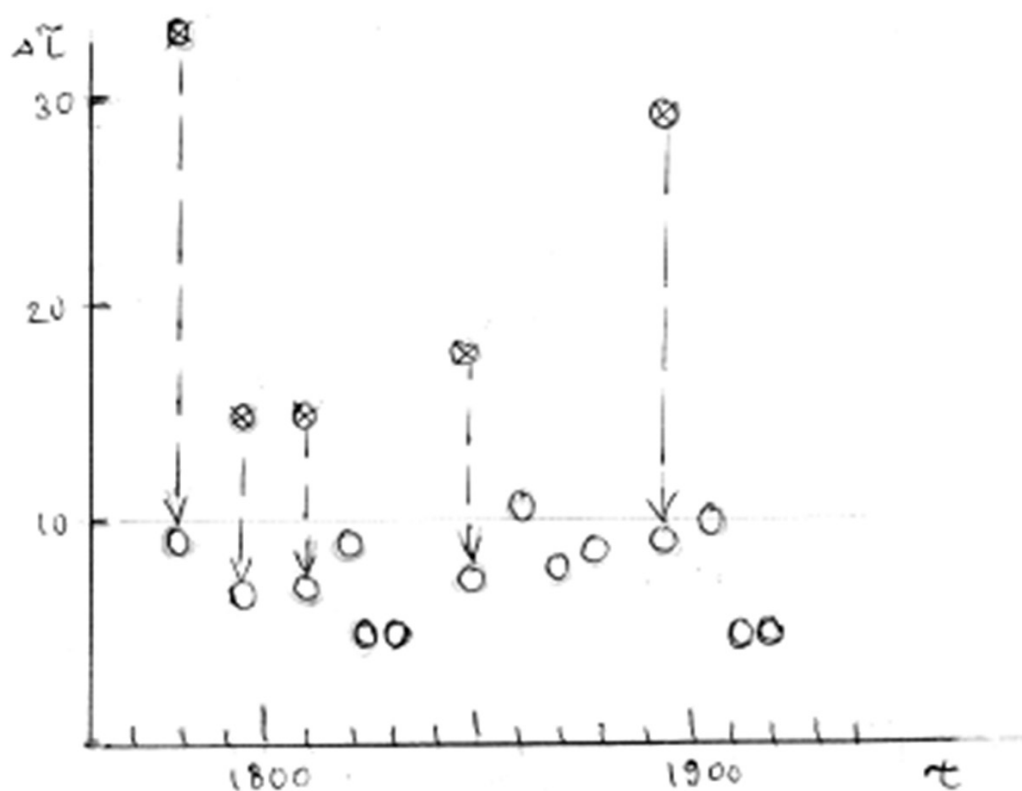


Рис. 2. Временные интервалы между революциями в разных странах. С 50%-ной вероятностью они отстоят на 10+3 года. Вероятность возрастает до 72% (см. стрелки) с учетом интервалов, примерно кратных 10 годам (кресты).

ные события в нашем мире, их экстремумы отстоят друг от друга на 11+4 года, что также соответствует указанному солнечному инверсионно-биологическому наноциклу Чижевского. При этом высокий процент революций (75%) совпадает с периодами наивысшей солнечной активности.

Говоря о более длительной периодичности нельзя не отметить солнечно-биологический наноцикл

в 132+36 лет [2] и соответствующие ему (с 80% вероятностью) около 130-летние периоды между временами активной деятельности выдающихся государственных и военных лидеров в истории человечества (см. рис. 3): Менес (XXXI в. до н.э.), Эхнатон (1375–1336 гг. до н.э.), Кир II Великий (593–530 гг. до н.э.), Александр Македонский (356–323 гг. до н.э.), Ганнибал (247–183 гг. до н.э.), Цинь Шихуанди (259–210 гг. до н.э.), Гай Юлий Цезарь (102–44 гг. до н.э.), Октавиан Август (63 г. до н.э.— 14 г.),

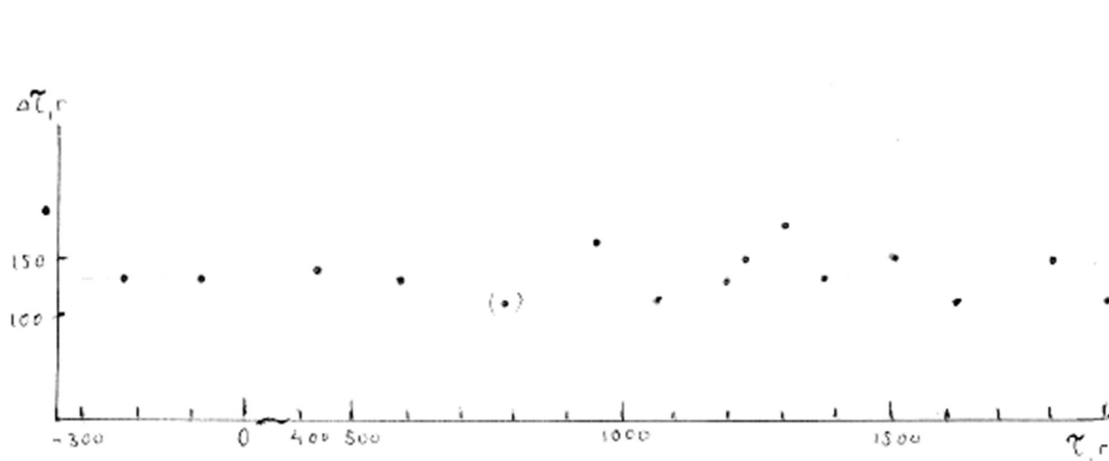


Рис. 3. Интервал между временами активной деятельности знаменитых полководцев и правителей. Математический анализ показал, что с 80%-ной вероятностью он равен 130+25 лет.

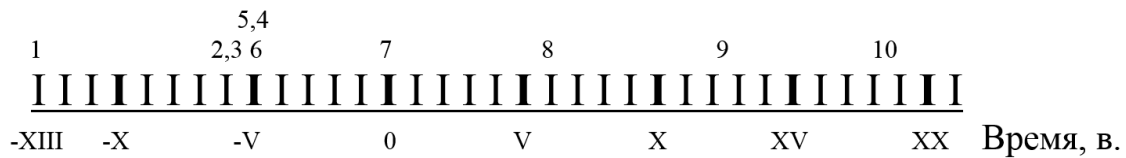


Рис. 4. Появление религий на временной шкале в истории: 1 — иудаизм, 2 — зороастризм, 3 — джайнизм, 4 — конфуцианство (философия), 5 — даосизм, 6 — буддизм, 7 — христианство, 8 — ислам, 9 — томизм, 10 — мормоны (секта). Наблюдается периодичность ~600 лет.

Константин I Великий (272–337 гг.), Ашока (232–304 гг.), Аттила (~434–453 гг.), Юстиниан I (483–565 гг.), Суй Вень-ди (541–601 гг.), Умар ибн аль Хоттаб (585–644 гг.), Карл Великий (744–814 гг.), Эйрик Рыжий (Эйрик Торвальдсон — 950–1003 гг.), Вильгельм Завоеватель (1027–1087 гг.), Чингисхан (1162–1227 гг.), Елизавета I (1533–1603 гг.), О. Кромвель (1599–1658 гг.), Петр I Великий (1672–1725 гг.), Екатерина II Великая (1727–1796 гг.), Дж. Вашингтон (1731–1799 гг.), Наполеон I (Ш.Л. Наполеон Бонапарт — 1769–1821 гг.), Александр I (1777–1825 гг.), Бисмарк (1815–1898 гг.), Александр II (1818–1881 гг.), Гитлер (А. Шикльгрубер — 1889–1945 гг.), Ленин (В.И. Ульянов — 1879–1924 гг.), Сталин (И.В. Джугашвили — 1878–1953 гг.), Мао Цзедун (1893–1976 гг.), Дж. Кеннеди (1917–1963 гг.).

Следует также обратить внимание на примерно 600-летние периоды появления и становления новых религий и «отцов» церкви (см. рис. 4). С харизматичными лидерами связано появление иудаизма (Моисей — XIII в до н.э.), зороастризма (Заратустра — 628–551 г. до н.э.), джайнизма (Махавира — 599–527 г. до н.э.), буддизма (Гаутама Ситхартха — Будда Шакьямуни — 563–483 г. до н.э.), христианства (Иешуа Карабас — Иисус Христос — 2 г. до н.э.-29 г.), августинизма (августинианства — Св. Августин — 354–430 гг.), ислама (Мохаммед — 571–632 гг.). Далее в указанный срок появляется «учи-

тель церкви» Фома Аквинский (1225–1274 гг.) и, наконец, мормоны (Дж. Смит 1805–1844 гг.). Отмеченная периодичность соответствует солнечному магнито-биологическому циклу Головкина-Витинского (600+160 лет) [2].

Таким образом, как отмечает профессор Владимирский Б.М., «солнечная погода влияет на человеческое поведение, в том числе на наступление социальных кризисов, часто носящих черты психотической эпидемии» [7]. Действительно, как следует из вышеизложенного, регулярность нашей истории, коррелирующая с активностью светила, не может быть случайной. Известно возбуждающее влияние солнечных вспышек на психику человека, того же лидера (выдающиеся и талантливые личности это как правило люди с повышенной возбудимостью), и толпы в целом. Их временной резонанс отражается на совокупном поведении, что может облегчить направление эмоциональных взрывов и вызванного ими «энергетического потока» в определенную заданную сторону. Эти представления в русле синергетической теории катастроф, которая свидетельствует, что самые слабые воздействия (лидер) могут оказаться решающими в периоды максимального накопления противоречий в социуме, хаоса в нем с выбором дальнейшего пути — Пригожин [9].

Кроме природных явлений есть еще и логика самой истории, связанная с закономерными изменениями в со-

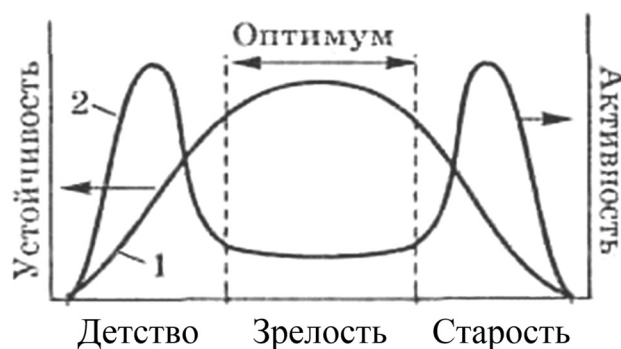


Рис. 5. Графическое представление закона триединства развития [3]

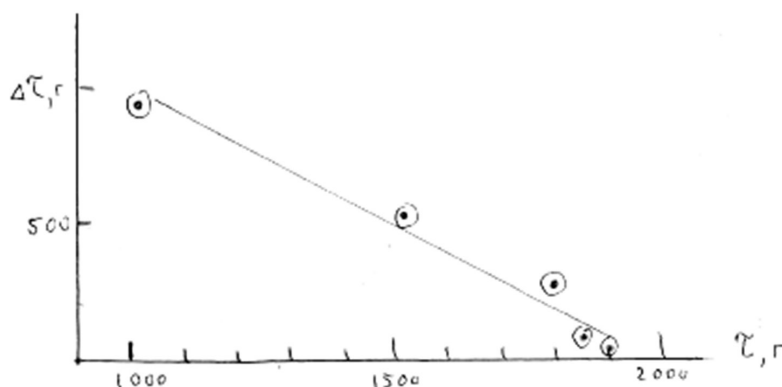


Рис. 6. Зависимость временного интервала между сроками активной деятельности светил медицины от времени их жизни.

циуме, его формациях. Здесь следует обратить внимание на закон триединства развития объектов природы и общества [3], вытекающий из представлений А. Тойнби об этапах истории (рост, надлом, разложение) [4], О. Шпенглера о стадиях развития культуры (зарождение, рост, расцвет, старение и гибель) [5], диалектики Г. Гегеля, его закона об отрицании отрицания (тезис, антитезис, синтез) [6] и др. Даже в явлениях на солнце, связанных как было показано выше с нашей историей, А.Л. Чижевский обнаружил периодичность: минимум, увеличение активности, максимум и деградация [2]. В современной редакции закон триединства гласит: *любое явление в природе и обществе проходит в своем развитии три этапа, характеризующиеся определенной устойчивостью и активностью: становление (детство), стабильность (зрелость) и деградация (старость).*

Характеристики этих этапов представлены на рис. 5. В соответствии с ним любая формация включает периоды, характеризующиеся всплеском активности (см. кривую 2 на рисунке): становление — высокая активность формирования институтов самой формации и угасание — борьба зарождающихся институтов грядущей формации с существующими.

Таким образом, факторов, влияющих на нашу историю, достаточно множество от географических, в т.ч. космических, до социальных. В частности, нельзя не отметить роль социума, его институтов. Например, с ускорением развития медицины, ее технологий можно попытаться связать практически линейное сокращение сроков появления великих эскулапов в истории (см. рис. 6): Гиппократ (460–370 гг. до н.э.), К. Гален (129–199 гг.), Авиценна (Ибн Сина — 980–1037 гг.), Агрикола (1494–1555 гг.), Парацельс (Т. Б. фон Гогенгейм — 1493–1541 гг.), С. Ганеман (1755–1843 гг.), Л. Пастер (1822–1895 гг.), З. Фрейд (1856–1939 гг.), Р. Фолль (1901–1989 гг.), Н.И. Пирогов (1810–1881 гг.), И.М. Сеченов (1829–1905 гг.), С.П. Боткин (1832–1889 гг.), В.П. Филатов (1875–1956 гг.).

В заключение следует отметить, что работа по установлению периодичности в истории не терпит суесть. Только вдумчивый, тщательный анализ с привлечением математического аппарата позволяет выявить определенные корреляции и закономерности. Именно это и является «практическим экспериментом» в истории, ее науке, где, как и в гелиобиологии, поставить и провести реальные эксперименты не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чижевский А. Л. Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность солнца. — М.: 1930.
2. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. — Калуга. 1924.
3. Харитонов А. Л. Харитонов Г. П. Анализ системы природных гелиобиологических циклов, проявившихся в процессе эволюции Земли, и их связь со слабыми физическими полями. // Тезисы международного конгресса «Слабые и сверхслабые поля и излучения в биологии и медицине» — С-Пб. 2015. С. 204
4. Егоров В. В. Возрастной фактор в экологии. Правило триединства развития. // Актуальные вопросы экологии. Сб. научных трудов. — М.: МГАВМиБ. 2000. С. 117–122.
5. А. Дж. Тойнби. Постигание истории. — М.: Прогресс. 1991.
6. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. — М. 1993.
7. Владимирский Б. М., Темурьян Н. А. Влияние солнечной активности на биосферу-носферу. — М.: МНЭПУ. 2000.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. — М.: Едиториал УРСС. 2014. 304 с.

© Егоров Владислав Викторович (kaf_chimii@mgavm.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



ЗАМЕТКИ К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ РАЦИОНАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИЗАЦИИ ЗНАНИЯ

NOTES TO THE QUESTION ABOUT THE POSSIBILITY OF RATIONAL ONTOLOGICAL KNOWLEDGE

L. Nikitenko

Summary. The article discussed a proposal to consider the accumulation of error in knowledge neuroprotective civilization prerogative epistemology. Identified reasons and bases for the development of ontologizing theory of the Universe. The role and influence on the process of. Shown restricting the role of verbal information for the consideration of the causes of the Universe. Proposed study the representation of spirit and Matter in the form of substances.

Keywords: Spirit, Matter, verbal information, information, interaction, ontology, Universe, philosophy.

Никитенко Леонид Константинович

Независимый исследователь

lekoni@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждено предложение считать накопление погрешности в знаниях наукопроизводимой цивилизации прерогативой эпистемологии. Определены резоны и основания для разработки онтологизированной теории Универсума. Рассмотрена роль и влияние на этот процесс средств описания. Показана ограничивающая роль вербальной информации на рассмотрение причины Универсума. Предложено обоснование представления Духа и Материи в виде субстанций.

Ключевые слова: Дух, Материя, вербальная информация, информация, взаимодействие, онтология, Универсум, философия.

Могу предположить, что у многих современных исследователей потребность в объединительной идее, выражающей представление о Мире как о едином целом, ощущается не меньше, чем во времена модерна или классической (немецкой) философии. Жаль, что эта потребность редко воплощается в публикациях, что подтверждается при ретроспективном взгляде на архивные материалы «Вопросов Философии» за последние годы.

Порассуждаем о возможности построения предельно общей онтологизированной теории с привлечением некоторых, не рассматривавшихся прежде имманентных условий и обстоятельств зарождения Универсума, что предположительно может открыть нам новые перспективы представления Мира целостным и даже органически целостным.

Известно представление, что современный этап развития человечества можно охарактеризовать как наукопроизводимую цивилизацию [2]. По моему мнению, человечество вступило в эту пору не с момента оформления Галилеем научного метода [2], а чуть-чуть позднее — с началом отсчёта Картезианской революции в первой половине XVII века. Под научным методом [2] исследования объекта или явления следует понимать выделение существенной части содержания и пренебрежение менее значимыми частями. Именно сочетание событий рождения научного метода и картезианской революции создало условия для отделения натурфилософии от онтологического контекста. С этим будет легко

согласиться, если припомнить, что до Декарта философия была цельной и что натурфилософия обязана была соответствовать главному онтологическому аргументу — существованию Господа Бога. Такое положение, конечно, сдерживало темп развития науки (натурфилософии), но позволяло контролировать знания, в том числе с этической позиции, в формах онтологического контекста того времени (добро и зло). Притормаживая скорость развития научного знания, следование онтологии как бы растягивало период осмысления возможных следствий из тех или иных открытий натурфилософии. В то же время онтологический контекст в силу его общности (известна закономерность обратного отношения общности и содержания) был не в состоянии обеспечить адекватный Истине квалифицированный и адресный анализ открытых закономерностей. С этой точки зрения предложение Декарта о выводе практической натурфилософии за пределы патронирования онтологического контекста (позднее определяемого как революцию) было своевременным и вполне логичным.

Картезианская революция, вытесняя натурфилософию из онтологического контекста, оставляла ей лишь поле эпистемологии, по сути, в качестве суррогата онтологии, что в полной мере проявлялось уже в XX веке. В результате оказалось, что накопление погрешности в закономерном описании природы научным методом оказалось принципиально связано с эпистемологией. Мало того, накопленной погрешности становится тем больше, чем общее теория, так как знание образовано путём закономерного обобщения абстрагированных

опытных данных с последующим обобщением уже и самого знания. В итоге путь обобщения знания в эпистемологическом контексте в пределе должен привести к результатам с максимальной погрешностью описания «реальности», очевидно, далёким от истины. Также очевидно, что ложная картина доверительной реальности, основанная на непререкаемом авторитете науки, как практически единственной (официально признанной) доверительной формы постижения истины, может указывать на ошибочные пути развития человечества. Желательно их избежать.

Приведённый аргумент поддерживает тезис о сомнительной всесильности и непогрешимости современной науки. На самом деле этих аргументов довольно много. Некоторые, поддерживающие высказанный тезис, можно найти в моих работах [6], [7]. Существование реальных аргументов в пользу тезиса о сомнительной непогрешимости науки, которая по заданной программе целиком покоится в лоне эпистемологии, по идее должно направлять усилия философов на разработку приемлемой онтологизированной теории Универсума и переформатировать науки на лад новой Онтологии Универсума. Однако этого не происходит. Время идёт, кризис крепчает и впору искать уже вполне «пожарные» способы выхода из него. Действительно, можно сказать, что человечество оказалось в положении слепца, ищущего выход из комнаты с дверью под потолком наощупь, на уровне своего роста. Слепцу в этой ситуации следует либо самому прозреть и увидеть лестницу, которая лежит в той же комнате, либо ожидать помощи со стороны.

Чем же помочь слепцу? В наших силах, по крайней мере, порассуждать о возможностях быть полезными в этом деле.

Хорошо известно, что любая теория, претендующая на установление истинных закономерностей, должна исходить из надёжных фактических предпосылок, которые образуют её фундамент. Причём, возможно использование таких фактов и представлений, которые непосредственно не будут участвовать в составе фундамента теории. Бывает достаточно, если предпосылки формируют эвристический заряд, посредством которого образуются логические основания теорий. Попробуем перечислить, навскидку, хотя бы некоторые факты и представления об Универсуме, которые могут послужить в качестве потенциальных оснований или эвристических стимулов к написанию предельно общей теории мироустройства.

Обратимся к человеку исходя из известного тезиса, что «человек есть мера всего». С этой точки зрения Мир геометрически может быть условно разделён на макромир (размер объектов сопоставим с размерами человека), мегамир (Земля, космос, галактики, метагалактика)

и микромир (микроскопические объекты, бесконечно малые). Однако, важнее то, что человек представляет собой органическое сочетание Духа и Материи. Эти два понятия непредставимы и невыразимы друг через друга, но сочетаются в человеке явно. Дух и Материя — это две полярные сущности, присущие не только человеку, но и Миру в целом, т.е. Универсуму. Универсум и есть полнота Мира, выраженная единством Духа и Материи. Кроме личного Духа человека — его Я, существуют другие люди с собственными Я, а все люди вместе, взаимодействуя между собой, образуют человечество — систему. Предполагается, что Универсум может содержать неопределённое множество условных человечеств, локализованных на иных планетах, в иных галактиках и так далее. Системная организация, характерная для Духовной части Универсума, также свойственна и Материи. Пансистемность — это характерная и единственная форма существования Универсума. Иными словами в Универсуме отсутствуют объекты — несистемы. Все материальные объекты обладают массой и располагаются в пространстве. Существование Универсума происходит во времени. Универсум динамичен — наблюдается устойчивое расширение его объёма.

Сведения об окружающем мире, прежде всего те, которые позиционируются как знание, выражены человеческим языком, т.е. с помощью вербальной информации. Если полагать вербальную информацию самостоятельным, выделенным объектом Универсума, то знание можно представить в виде проекции на этот объект истинных закономерностей и действительных объектов. Человечество получает представление о об Универсуме в виде знания опосредовано через вербальную информацию. Мера несоответствия истине целиком и полностью оказывается «на совести» проецирующего агента.

Содержание теории Универсума, проявляющего вышеперечисленные свойства, прежде всего должно быть причиной обусловленным. Кроме того, макроформа теории, по-видимому, должна быть имплицитной, что напрямую следует из невозможности человеком использовать готовые **ИСТИНЫ**, известные ему априори (просто, негде взять). Полезно также, при разработке причины Универсума (и не только), стараться соблюдать принцип экономии средств (бритва Оккама).

Из выделенных выше свойств Универсума предельно обобщающим следует признать дихотомию Духа и Материи (в том числе в силу традиции), которую можно поставить в качестве априорного (необходимого) условия существования Универсума. Однако сама по себе дихотомия не в состоянии обеспечить существование Универсума. Требуется какое-то действие, которое привело бы к его образованию. С этой целью, воспользовавшись принципом минимальной достаточности, а также

подсказкой осуществлённой в реальности пансистемностью Мира, самым простым и правильным окажется ввести элементы дихотомии во взаимодействие. Такой акт вполне можно рассматривать в качестве достаточного условия рождения и дальнейшего существования Универсума. В историко-философском аспекте речь по сути идёт о картезианской контрреволюции, но уже на новой базе современного знания.

Форма представления «основного вопроса философии» в виде известной дихотомии — Духа и Материи в «прежние времена» приводила к исторически и психологически осознанному выбору статусного варианта примата одного члена дихотомии над другим. Главенство одного из членов пары позволяло относительно «просто» выстроить модель Мироздания. Простота, однако же, в итоге приводила к тупику — невозможности построить завершённую, логически непротиворечивую, адекватную наблюдаемой картине Мира модель. Так случилось с идеализмом, а теперь уже и с материализмом, учитывая известное фиаско аналитической философии [1], [8], [10].

Соглашаясь с постановкой вопроса «основного вопроса философии», но перефразируя его: «Об отношении Духа и Материи», нам остаётся рассмотреть возможность паритетных отношений членов дихотомии. Для этого следует представить Дух и Материю в виде форм, совместимых для сравнения. Здесь логика предельно проста — чтобы сравнивать, а тем более предполагать паритет в их отношении, необходимо привести сравнимые величины к «общему знаменателю», представляя Дух и Материю независимыми друг от друга объектами, природа которых была бы совместимой с возможным взаимодействием. Основываясь на опыте их рассмотрения, целесообразно представить Дух и Материю (в чистом виде) в качестве *отдельных независимых субстанций*. Такая постановка вопроса может и должна вызывать определённые трудности при обосновании и выборе форм этих субстанций, что требует дополнительного обсуждения.

Рассмотрим средства описания с точки зрения их возможности и пределов правомерности использования. Так, в качестве средств описания чего-либо мы пользуемся многообразием человеческих языков, представляющих разные формы вербальной информации, которая представляет собой неразрывный синтез материального и духовного [4]. Формально рассуждая, вербальная информация (в самой своей сути) может быть представлена в виде таблицы, левая колонка которой представляет собой обусловленные материальные объекты (звук, рисунок, изваяние, камень, сосуд, ... или любое иное обусловленное материальное образование). В свою очередь правая колонка такой таблицы должна

быть предоставлена семантической части — содержанию знаков левой колонки. Это очень важное замечание. Такое явление как вербальная информация возможна только с момента, когда Универсум может осуществить такой синтез, что соответствует собственно акту рождения Универсума.

Это легко принять, если следовать устоявшейся концепции динамической интерпретации существования мироздания, теоретически основанной на ОТО (Общей теории относительности А. Эйнштейна) и поддержанной известным инструментальным наблюдением «красного смещения» спектров далёких галактик, интерпретированного как расширение видимой физической Вселенной («разбегание» галактик). Динамика физической Вселенной, обладающей «вектором перемен», позволяет предполагать наличие прямых причинно следственных связей в качестве логического основания для существования её в векторной форме.

В данных условиях довольно просто представить, что «точка» рождения Вербальной информации совпадает с «точкой» рождения Универсума как такового и что всё дальнейшее будет происходить в условиях симбиоза Духа и Материи.

В этом контексте сам Универсум и его причина будут принадлежать разным, разделённым некоей границей, реальностям. В такой ситуации при рассмотрении начала Универсума нельзя априори считать, что Универсум и его причина соединены в некоей общей сингулярности. Возможно только, вынося причину за пределы этой сингулярности, частичное и весьма приблизительное её описание, доступное в формах вербальной информации. Речь в данном случае может идти лишь о предполагаемой схеме объектов иной реальности — их реконструкции, по сути — абстракции. Мы должны также рассматривать объекты иной реальности как ПРОЕКЦИЮ на специальный объект НАШЕГО Мира — вербальную информацию. В таком аспекте возможно определение вербальной информации как универсального интерфейса Мира, возникающего от взаимодействия Духа и Материи.

С этой точки зрения отдельное, адекватное их природе, представление Духа и Материи в чистом (снятом) виде средствами вербальной информации невозможно. По сути мы неправомочны, вторгаясь в принципиально иную реальность, описывать собственными средствами свойства объектов этой реальности, я не говорю уже о самой инореальности. Можно позволить себе всего лишь полезное нашим рассуждениям, предположение в качестве вероятной причины Универсума. Поэтому, устанавливая форму существования Духа и Материи в виде субстанций, мы не в праве конкретизировать

вид этих субстанций, а должны считать субстанции вербальной проекцией свойств вероятных объектов инореальности в нашу реальность (доступную описанию вербальной информацией). С точки зрения практической философии мы решаем «обратную задачу», то есть имея готовый продукт, предполагаем природу и форму его образования.

В связи с этим у нас появляется основание поместить причину Универсума в область трансцендентного, представив чистые (снятые) Дух и Материю в виде сугубых абстракций. Идентификация Духа и Материи в чистом (снятом) виде в качестве сугубых абстракций не только поставила непростые вопросы преобразования абстракций в причину нашей реальности, но и существенно облегчила вопросы обоснования операций с ними. Так, дальнейшие действия по сути сводятся к поиску условий для преобразования абстракций в явленность. В итоге мы имеем следующую довольно простую картину Начала Универсума. Исходно имелась некоторая трансцендентная реальность, содержащая, судя по её проекции на вербальную информацию, две самостоятельные сущности (Дух и Материю), проецирующиеся в нашу реальность в виде субстанций, наделённых определёнными свойствами, которые вступили во взаимодействие. Заметим, что взаимодействие осуществилось до образования Универсума, так как наши рассуждения строятся на основе данных вербальной информации — продукта взаимодействия Духа и Материи. Так (в виде взаимодействующих объектов) они проецировались на мировой интерфейс. Сам акт взаимодействия представлял собой, по сути, границу между трансцендентной причиной и явленностью Универсума. Осуществлённый переход из одной реальности в другую (через границу) трансцендентален по определению [3]. Следовательно, построенная на такой основе теория должна определяться как трансцендентальная.

Далее нам остаётся, не торопясь, методично приступить к практическому воплощению открывшейся возможности строить онтологизированную теорию Универсума.

В качестве начального условия [6], [7] устанавливается исходная диспозиция наличия всего лишь двух отдельных субстанций — Духа и Материи при АБСОЛЮТНОМ ОТСУТСТВИИ в трансцендентной области каких-либо иных обособленных сущностей, способных к взаимодействию. Определим вербальные проекции на нашу реальность инореальных (трансцендентных) Духа и Материи в чистом (снятом) виде.

Дух — это субстанция, обладающая качествами Личности, возможно прошедшая стадию предварительно-

го развития, обладающая потребностями и способная к проявлению интенции, потенциально активная.

Материя — другая субстанция, напротив, абсолютно пассивная, существует в единственном состоянии — нуль по всем параметрам. Нуль, представленный проекцией, образован бесконечным числом виртуальных парных разнознаковых единичных масс.

Итак, мы располагаем единственной возможностью получить сведения из иной реальности — это воспользоваться проекцией инореальности на наш интерфейс (вербальную информацию). При этом с одной стороны мы должны рассматривать проекцию как информацию, а с другой как реальный объект Универсума. Двойственная равнозначимая природа такого объекта позволяет нам оперировать им одновременно и как абстракцией и как реально существующим объектом, принадлежащим Универсуму. Такое обстоятельство создаёт уникальное положение, когда объекты иной неизвестной и непознаваемой реальности проецируются на нашу реальность в виде «наших» объектов с определёнными и понятными нам свойствами. Мало того, данные объекты субстанциальны и могут взаимодействовать. При этом двойственная природа объектов позволяет оперировать ими как абстракциями³, сохраняя их свойства, проявляемые в инобытии в неприкосновенности, возможно даже не подозревая об их наличии.

С учётом дуальной природы первых объектов Универсума и на основе логики теории информации, проанализируем акт взаимодействия субстанциальных форм Духа и Материи.

«Информация о происшедшем взаимодействии в самой общей форме может быть оценена по знаменитой формуле К. Шеннона [5], [7]:

$$I(AB) = H(A) + H(B) - H(AB), \quad (1)$$

где I — информация от взаимодействия объектов A и B :

H — энтропии объектов.

Мы будем исходить из представления, что формула (1) повторяет действительную стадийность реального взаимодействия объектов A и B . Так, если первые два члена указывают на состав взаимодействующей пары, то третий член устанавливает обязательность стадии слияния при взаимодействии этих объектов. При этом третий член (его значение) может быть определён только по результату его взаимодействия с другим (ещё од-

³ Не это ли исходное свойство позволяет идеализировать реальные объекты, представляя их в частности в виде математических моделей?

ним объектом), не связанным с первыми двумя, так как они уже исчерпали себя, соединившись в новый объект с энтропией $H(AB)$.

Сам расчёт предельно прост. Следует подставить в формулу (1) значения энтропий соответствующих объектов А и В в момент взаимодействия, заменив обобщённые объекты на Дух (Д) и Материю (М). Что касается составного объекта, образующегося как стадия взаимодействия, то его энтропия $H(ДМ)$ может быть определена (повторюсь) только при его взаимодействии с другим объектом, который в рассматриваемом контексте отсутствует. С новыми обозначениями формула (1) приобретает вид:

$$I(ДМ) = H(Д) + H(М) - H(ДМ), \quad (2)$$

Величина $H(ДМ)$ остаётся недоопределённой, что приводит к ситуации, когда два взаимодействующих объекта (Дух и Материя) «зависают» в акте взаимодействия, не имея возможности изменить это состояние обычным путём (через взаимодействие со сторонним объектом). Проще говоря, Дух и Материя не могут ни прервать взаимодействие, вернувшись в исходное состояние, ни завершить его в отсутствие нового объекта для взаимодействия. Значения энтропий распределяются следующим образом. $H(Д)$ должно быть приравнено единице, так как Дух полностью не определён, а $H(М)$ следует признать равной нулю, так как Материя представлена в единственном состоянии (нуль всех параметров и значений). В результате получаем, что информация о событии взаимодействия Духа и Материи должна быть приравнена единице минус недоопределённая энтропия составного объекта:

$$I(ДМ) = 1 - H(ДМ). \quad (3)$$

Дух и Материя, оказавшись вовлечёнными во взаимодействие и став заложниками его незавершённого акта, должны проявить активность в стремлении завершить его. В этой паре взаимодействующих активное начало так или иначе принадлежит Духу, так как именно по его инициативе возникло стремление к взаимодействию с Материей. В отсутствие «третьего объекта» для завершения акта естественным вероятным выходом можно считать стремление самоидентифицироваться изнутри. Такая, пусть эфемерная, возможность существует.

Для осуществления самоидентификации необходимо, чтобы информация $I(ДМ)$ или энтропия $H(ДМ)$ приобрела явное значение. Попытка такого рода связана с организацией взаимодействия внутри совмещённого объекта ДМ (напомню — информация возникает только в результате взаимодействия). Более наглядно возможность внутренней активности совмещённого объекта

ДМ можно представить, переписав выражение (3) несколько иначе:

$$H(ДМ) + I(ДМ) = 1. \quad (4)$$

Выражение (4) представляет запись состояний объекта ДМ как целого, которое можно идентифицировать и как нормировку. В отсутствие ещё одного внешнего объекта (невозможности решать «в лоб» поставленную задачу) деятельное сознание может использовать доступный ему инструмент — предположительное присвоение информации $\{I(ДМ)\}$ какого-либо значения с целью вероятного разрешения неопределённости. Дело, однако в том, что такое действие может осуществляться только как акт «внутренней угадки», результат которой неопределённым образом сказывается на информации объекта ДМ как целого. Указанное положение предписывает, по сути, применение вероятностной меры к процессам внутри ДМ.

Опять неопределённость? Да, но оптимистическая. Надежда связана с нормировочной единицей в выражении (4). Напомню, что по определению системы взаимодействие возможно только между отдельными элементами. Исходное состояние Материи (нуль всех параметров) не предполагает форм, которые можно было бы идентифицировать в виде отдельных элементов. Именно нормировочная единица открывает возможность перевода абсолютного нуля в интерпретирующую его форму с помощью дискретных элементов. При этом, так как речь идёт о Материи, дискретному элементу можно приписать (в качестве параметра) ЕДИНИЧНУЮ МАССУ. Дифференцированное состояние Материи не должно нарушать её общего нуля. На роль такой формы Материи вполне подходит облако парных виртуальных разнознаковых единичных масс, которые в сумме не нарушают общего нуля. Похожая идея в своё время была предложена для объяснения короткодействия ядерных сил.

В результате проведенных рассуждений, по сути, разработаны предложения к рационализации онтологии Универсума. Если принять их за основу будущей онтологизированной теории мироустройства и сопоставить с неопровержимым фактом нашего существования, нетрудно сделать вывод, что мы ВСЕ и ВСЯ являемся следствием развития ситуации недоопределения взаимодействия. В этом случае Универсум и наша Вселенная в частности представляют собой промежуточное состояние взаимодействия Духа и Материи — этап их взаимодействия, что обеспечивает неустранимую целостность. Иначе говоря, Универсум изначально представлял собой по форме и по сути неразрывный союз, нет — полное слияние Духа и Материи — образование Мира органического симбиоза, что в той или иной форме обязательно должно быть представлено в каждом объекте.

Отмечу, что недоопределение энтропии составного объекта задаёт условие, при котором, фактически, предопределяется форма существования Универсума в виде системы, причём только в виде системы и в самом жёстком её варианте при абсолютном запрете на существование объектов — несистем, из чего следует применение предельно жёсткого определения системы при дальнейшей разработке теории.

«Система представляет собой совокупность взаимодействующих элементов, образующих

определённую целостность, которая обеспечена совокупностью же относительно устойчивых внутренних и внешних взаимодействий, называемых структурой» [5].

В заключение отмечу, что в развитие рассмотренной причины Универсума уже существует продолжение (исторически так сложилось). Я имею в виду давно написанную работу под названием Принципиальные основы системной модели Вселенной (СМВ-теория) [5] [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровский Д. И. «Трудная» проблема сознания. Вопросы Философии, М. № 9, 2011, с. 136;
2. Жутиков М. А. Научная картина мира как фактор его разрушения (взгляд на науку с точки зрения угнетенной природы). Вопросы Философии, М. № 9, 2010
3. Катречко С. Л. Как возможна метафизика: на пути к научной [трансцендентальной] метафизике. Вопросы Философии, М. № 3, 2012.
4. Никитенко Л. К. О природе вербальной информации. <http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/14437.html>
5. Никитенко Л. К. Принципиальные основы системной модели Вселенной. М. 2011; 250 с. <http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/9845.html>
6. Никитенко Л. К. Принципиальные основы Системной Модели Вселенной (краткое изложение). Философские исследования, ISSN0869–611X, № 2014–15, с. 192.
7. Никитенко Л. К. К вопросу расширения языка философии (опыт возможной метафизики априорной онтологии) <http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/15320.html>
8. Оруджев З. М. К вопросу о возникновении человеческого разума. Вопросы Философии, М. № 12, 2009;
9. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. Издательство иностранной литературы, М. 1963. с. 259–263.
10. Юлина Н. С. Физикализм: дивергентные векторы исследования сознания. Вопросы Философии, М. № 9, 2011, с. 153.

© Никитенко Леонид Константинович (lekoni@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ)

FEATURES OF THE GENESIS OF RELIGIOUS TRADITIONS: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN ORTHODOX TRADITION)

**A. Pelevin
G. Lovetsky**

Summary. In the article the questions of the functionality of the phenomenon of religious traditions, analyzes the key factors of its determination on the example of domestic Orthodox tradition. Emphasizes the complexity and contradictions of this process that ultimately determined polysemantic perception and understanding of the Orthodox religious tradition within the framework of Russian philosophy. The author points to the relevance of the study of the essence of religious traditions in the conditions of crisis of moral foundations of modern Russian society.

Thus is formulated the author's definition of religious traditions as a sustainable system forms and principles of social life and behavior of people, historically formed under the influence of objective factors and social relations associated with the spread of religious mentality — a generalized worldview formed under the influence of certain religious dogma. The author treats religious tradition as the most important factor in social communication and socialization, acting ultimately as a key determinant of formation of stable social cohesion.

The emergence of religious traditions, according to the author, due to exposure to a wide variety of factors, mainly the subjective properties associated with the Outlook and worldview of an individual. In addition, the occurrence of this phenomenon influenced by factors beyond its control, primarily the conditions of the historical development of a society in the present case, Russian.

The article notes that throughout the history of the Russian state, the Orthodox verisповедания acted as the host base for the existence and evolution of religious traditions. In this regard, especially the adoption of Orthodoxy is largely determined by the characteristic features of this phenomenon.

Keywords: Religious tradition, Orthodoxy, duality.

Пелевин Алексей Викторович

Аспирант, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Калужский филиал)
alpelevin@mail.ru

Ловецкий Геннадий Иванович

Д.ф.н., профессор, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Калужский филиал)
lovetskiy@icloud.com

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы функционального назначения феномена религиозной традиции, проанализированы ключевые факторы его детерминации на примере отечественной православной традиции. Подчеркивается сложность и противоречивость данного процесса, что, в конечном счете, определило полисемантизм восприятия и осмысления православной религиозной традиции в рамках отечественной философской мысли. Автор указывает на актуальность исследования сущности религиозной традиции в условиях кризиса морально-нравственных основ современного российского общества.

При этом формулируется авторское определение религиозной традиции в качестве устойчивой системы форм и принципов общественной жизнедеятельности и поведения людей, исторически сложившихся под влиянием объективных факторов общественных отношений, связанных с распространением религиозной ментальности — обобщенной мировоззренческой позиции, формирующейся под влиянием тех или иных религиозных догматов. Автор воспринимает религиозную традицию в качестве важнейшего фактора социальной коммуникации и социализации личности, выступающего в конечном счете в качестве ключевого детерминанта формирования устойчивого социального единства.

Возникновение религиозной традиции, по мысли автора, обусловлено воздействием большого количества разнообразных факторов преимущественно субъективного свойства, которые связаны с мироощущением и мировосприятием отдельного индивида. Кроме того, на возникновение данного феномена оказывают влияния и факторы объективного свойства, в первую очередь, условия исторического развития того или иного общества в рассматриваемом случае российского.

В статье отмечается, что на протяжении всей истории существования российской государственности православное вероисповедание выступало в качестве ведущего основания существования и эволюции религиозной традиции. В этой связи особенности принятия православия во многом определили характерные особенности данного феномена.

Ключевые слова: генезис религиозной традиции, Православие, двоеверие, русская религиозно-философская мысль, практика социальной коммуникации.

Человек не может жить вне традиций, этот феномен фиксируют ведущие школы в философии и психологии, которые едва ли не единодушны в том, что личность видит свою жизненную задачу в достижении равновесия в настоящем, соединяющем прошлое и будущее [4, с. 194]. И. В. Киреевский в середине XIX века, следуя замыслам основателей святоотеческого наследия, искал точку этого равновесия на пересечении веры, разума и воли. В поисках адекватного представления о процессах, происходящих в глубинах личности, Курт Левин создал теорию поля как метод анализа причинных отношений и построения научных конструктов, а также представление о фазовом пространстве как множестве факторов, действующих на принятие человеком судьбоносных решений [5, с. 240]. С. Л. Рубинштейн разрабатывал учение о фундаментальном единстве личности с миром, выводя весь спектр жизнедеятельности человека в сферу духовного, которое, собственно, и является необходимой предпосылкой, основой, внутренним условием этического отношения человека к человеку [6, с. 349]. Этическая проблематика всегда была центральным нервом религиозных и подлинно глубоких философских учений. Гегелю принадлежит мысль о том, что идея Бога составляет основание, на которое опирается национальность, ибо религия содержит в себе момент мышления в его совершенной всеобщности, фундаментально зависящего от бытия, которое, будучи рефлексированным ведет к понятию единого [7, с. 59–60].

Несмотря на существующее структурное различие между религией и философией как двумя видами универсального знания [8, с. 13], мы исходим из их единства, проистекающего из задачи глубинного проникновения во внутренний мир человека для придания его жизни смыслов надличностных.

Исследование генезиса русской религиозной православной традиции актуально в эпоху глобального кризиса духовных ценностей, который пагубно сказывается не только на нравственных устоях современного человека, но и на его ориентирах относительно той жизни, которая только закладывается им в практике жизнедеятельности в виде наполнения ее смыслами, вне которых личность не в состоянии развиваться духовно. Едва ли не все смысложизненные решения, которые принимаются человеком, «взвешиваются» им на «весах» добра и зла, где природа добра определяется весом традиций, приобретение которых связано с усилиями общества и государства, а также личными усилиями человека [9].

Сопоставительный анализ ведущих религиозных систем характеризует отличительную особенность христианского вероучения как осмысленный, трансперсональный или мистический путь человека к спасению, надежда на которое внутренне присуща нашему «я»

независимо от национальности. И по этой причине христианство не может не привлекать повышенный интерес со стороны других конфессий.

В отечественной философии предпринимались удачные попытки глубоко осмыслить особенности русской религиозно-философской мысли, выделить ее сущностное содержание [10, Т. 1., 542 с., Т. 2., 575 с., Т. 3., 639 с.] [11, с. 415] [12, с. 442]. Из работ последнего времени укажем на исследование Е. А. Тарапановой [13, с. 21] и А. В. Волобуева [14].

Целью настоящей статьи является осуществление характеристики процесса генезиса религиозной традиции на примере отечественного православного ее варианта, а также выявление ее сущностных особенностей посредством использования таких общенаучных методов как анализ и синтез.

Религиозная традиция представляет собой устойчивый феномен, оказывающий существенное влияние на характеристики общественного сознания того или иного общества. На наш взгляд, данную категорию следует определять в качестве совокупности обобщенных и устойчивых форм и принципов общественной жизнедеятельности и поведения людей, исторически сложившихся под влиянием объективных факторов общественных отношений, связанных с распространением религиозной ментальности — обобщенной мировоззренческой позиции, формирующейся под влиянием тех или иных религиозных догматов.

Здесь следует подчеркнуть, что, говоря об особенностях русской религиозно-философской мысли, нередко указывают на ее приверженность догматизму в противовес некоей раскованности западной религиозно-философской мысли, тем самым находя слабые места в отечественном богословском и философском наследии. Наша позиция заключается в том, что усматриваемая в наследии русских мыслителей линия отражает глубокое понимание именно традиций, присущих русскому православному крылу христианского вероучения, которое, по мнению Н. Н. Глубоковского [15, с. 6], сохраняет тем самым собственный отличительный облик.

Функциональное назначение религиозной традиции состоит в том, что она представляет собой один из ведущих способов социальной коммуникации, адаптации личности к окружающей среде посредством сохранения и ретрансляции накопленного опыта в субъективном контексте. В связи с этим представляется справедливым мнение о том, что религиозная традиция является специфической формой социальных отношений, так как формирует алгоритм поведения и взаимодействия между людьми, социальными группами, между личностью

и обществом. Особенности соответствующих парадигм детерминируются качественным содержанием религиозного опыта, закрепляемого традицией. [1, с. 133]

Представляется, что возникновение религиозной традиции обусловлено влиянием большого количества разнообразных факторов, основными из которых являются различные рациональные и иррациональные формы субъективного отражения природного и социального бытия, а также возникающие в связи с этим чувственные и эмоциональные переживания. На наш взгляд, религиозная традиция имеет аксиологическую сущность. В таком качестве данный феномен представляет собой одну из базовых ценностей доминирующей в обществе культуры, на основе которой формируется определенное философское «метамировоззрение» конкретной личности.

Представляется, что функционирование религиозной традиции оказывает противоречивое воздействие на социум в силу того, что она находит свое выражение на трех относительно самостоятельных уровнях:

- ◆ во-первых, в рамках теологии — учения об объекте поклонения, обладающего сверхъестественными силами, иными словами, в рамках паранаучного знания. В рамках теологии религиозная традиция находит свое выражение в форме догматов, выступающих в виде утверждений абсолютной истины;
- ◆ во-вторых, в системе религиозной философии, в которой религиозная традиция выступает составной частью мировоззренческой системы, направленной на решение онтологических, гносеологических и аксиологических фундаментальных проблем. Религиозную традицию на этом уровне выражение характеризует тесную связь с теологией, поскольку именно она, в конечном счете, определяет фундаментальные основания теологического знания, а именно: неотолизм, христианский экзистенциализм, эксхатологизм, религиозное всеединство и т. д.;
- ◆ в-третьих, в рамках религиозных концепций, представляющих собой метауровень выражения религиозной традиции, на котором она находит свое проявление в интерпретации экономических, правовых, нравственных и иных социально-значимых проблем.

В свое практическое выражение религиозная традиция осуществляется в качестве системы общих религиозных концепций той или иной религиозной конфессии. При этом носителями религиозной традиции как на идеологическо-теоретическом, так и на обыденном уровне являются личность и коллектив. В индивидуальном плане теоретический уровень религиозной традиции

формируют богословы, философы, политики. В групповом — социальные группы — коллективы специальных теолого-религиозных учреждений, государство. [2, с. 213]

На любом из вышеуказанных уровней религиозную традицию характеризует универсальный механизм формирования, представляющий собой процесс последовательного превращения определенной совокупности идей в форму незыблемого положения, догмы. Именно совокупность таких положений и представляет собой содержание религиозной традиции. В таком качестве она представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов.

Рассмотрев общие подходы, сложившиеся в вопросе восприятия традиции в рамках философской мысли до Нового времени, перейдем к характеристике формирования отечественной религиозной традиции. Большинство исследователей сходится во мнении, что данный феномен общественного сознания представляет собой фундаментальную основу развития отечественной общественной мысли. С данным утверждением следует согласиться, учитывая содержательные особенности основных направлений, сложившихся в рамках отечественной философии к началу Нового времени.

Как представляется, такая ситуация была детерминирована, в первую очередь, особенностями отечественного исторического процесса. Первая из них была обусловлена характеристиками процесса принятия христианства в качестве государственной религии и последующего «охристианивания» общества.

В этой связи принципиальное значение имели два обстоятельства: во-первых, отсутствие явных предпосылок для утверждения христианского вероучения в общественном сознании древнерусского общества в силу как специфики его развития, так и в силу своеобразия религиозных представлений. Достаточно сказать, что к моменту принятия христианства древнерусское общество не было консолидировано в классическом понимании этого явления, при наличии признаков государственности «Киевская Русь» во многом было искусственным образованием (что, впрочем, не является уникальным историческим фактом и для Западной Европы) и существовало как результат во многом спонтанных процессов и лишь благодаря отсутствию реальной альтернативы властно-силовым возможностям киевского князя. Исторические источники свидетельствуют о том, что лишь политические мероприятия великого киевского князя являлись единственным основанием, позволяющим осуществлять кратковременную трансформацию по факту конфедеративной государственности в некое подобие единого унитарного государства. Это была та самая до-

минанта, которая придавала некоторую направленности вихревым культурным процессам и стояла у истоков будущих традиций.

Отсутствие явного государственного, а следовательно, и этнического единства, определили и фрагментарность общественного сознания, в частности, его духовной составляющей, связанной с религиозными представлениями. Общеизвестно, что у восточно-славянских племен отсутствовала единая языческая традиция, в связи с чем объективной тенденцией развития духовной сферы их общественной жизнедеятельности должна была стать ее консолидация и выработка единых языческих представлений. Политика великого князя киевского Владимира I (960–1015) остановила вышеуказанный естественный процесс трансформации общественного сознания атомарной древнерусской народности, в результате чего принятие христианства и последующее «охристианивание» происходили принудительными политическими методами без опоры на устойчивые внутренние предпосылки. В результате объективная «оппозиционность» общественного сознания православно-христианской идеологии и этике определила изначальную двойственность отечественной религиозной традиции. Несмотря на титанические усилия, в первую очередь, княжеской, а позднее царской самодержавной власти, последовательно проводившей политику, направленную на укрепление монопольного положения церковной организации в общественной жизни и духовной культуре государства, представляется, что такая двойственность не была преодолена, что нашло отражение в таких явлениях общественно-политической жизни, как ранее возникновение религиозных ересей, концептуального спора о путях развития церкви между нестяжателями и иосифлянами, наконец, в церковном расколе XVII в.

Кроме того, очевидно, что непрочность и противоречивость формирования православно-христианской религиозной традиции определяло и «межцивилизационное» положение ареала древнерусской государственности, непосредственным следствием которого являлось масштабное влияние «запада» и «степи» в том числе и на духовную составляющую общественного сознания. Как представляется, определяющим фактором такого влияния стало татаро-монгольское нашествие и установившаяся в последующем зависимость. Результатом этих исторических явлений явилась своеобразная «модификация» религиозной традиции, появление в ее рамках, с одной стороны, образа сакрализованного культа самодержавной светской власти, а с другой — весьма своеобразной, психологии челяди, психологии униженной личности, в сознании которой, тем не менее, еще присутствовал вектор единения на базе неких ценностей имевших условно универсальный характер, и христианство

подавало надежды на практическое воплощение этой духовной «скрепы».

В связи с вышесказанным согласимся с мнением о том, что русское христианство, впитывая в себя народные традиции, принимало новый национальный облик в силу вынужденного своего «язычевания», что делало его отличным от христианства классического византийского толка. Очевидно, что традиции язычества не позволили полностью преодолеть себя и, трансформировавшись, а в ряде случаев даже изменив свой облик, сумели проникнуть в «новаторское» по отношению к ним христианство. Противостояние нередко принимало драматический поворот: хорошо известен факт гибели монаха Киево-Печерской лавры Кукши (причислен к лику святых), который в XII веке проповедовал идеалы христианства в населенных пунктах среднего течения реки Оки. В результате русское православие стало удивительным синтезом языческих традиций и христианских догматов. В раннее средневековье этот синтез определил своеобразие русского типа мышления, а, следовательно — и религиозной философской традиции.

Таким образом, первая ключевая особенность отечественной религиозной традиции проявилась в феномене «двоеверия», который определял противоречивость ее содержания.

Другая особенность определялась ориентацией религиозной традиции на внешние формы религиозности. На практике эта особенность нашла свое проявление в ликвидации исходной двойственности отечественной религиозной традиции, сочетающей в себе, с одной стороны, византийскую традицию пышности религиозного обряда, а с другой — конкретную направленность творческой русской теологической мысли. Под влиянием внешних факторов, обусловленных государственной и церковной политикой первые шаги национально очерченного, идущего от глубины народного духа религиозного творчества, столь характерного для XVI в., были скоро отвергнуты.

Иначе говоря, творческая работа отечественной теологической мысли была фактически отвергнута, поскольку по мнению церковных иерархов она формировала противоречие классическому греческому религиозному приданию. Творческое осмысление религиозного учения, а следовательно, и процесс формирования и укрепления религиозной традиции осуществлялись в очень узких рамках. Результатом данного обстоятельства явился церковный раскол и появление альтернативной «неофициальной» старообрядческой религиозной традиции. Официальная же церковная религиозная традиция нашла свое выражение в некритическом по сути

официальном ортодоксизме, ориентированном в своей внешней форме исключительно на служение самодержавному государству. Сформировался ключевой принцип официальной религиозной традиции, связанный с восприятием главы государства в качестве «наместника» или «заместителя» Бога на земле.

В связи с этим представляется справедливой точка зрения И. В. Кондакова, который отмечает, что «фактически на века вперед самодержавие (и в византийском, и в русском вариантах) выступает как социокультурная форма существования восточного христианства (будущего православия); православие же предстает как внутреннее оправдание культа светской власти (цезарепатризма) нравственно-религиозным идеалом». [3, с. 98]

Указанные особенности определили и другие ключевые характеристики отечественной религиозной традиции такие как обрядовый формализм, или ритуализм, внутренний ортодоксизм и, наконец, вольный или невольный цезарепатризм. На наш взгляд, именно эта традиция составляет естественный историко-культурный

фундамент, на базе которого призваны были развиваться светский гуманизм русской интеллигенции и её несокрушимая воля к подлинному демократизму социализированного гражданского общества и обслуживающей его политической власти.

На протяжении всей истории Российского государства сущность отечественной религиозной традиции оформлялась особенностями утверждения в Древнерусском государстве православного вероисповедания, политикой православной церкви, детерминированной логикой самодержавного государственного правления, а также кристаллизацией православной традиции в лучших образцах творений религиозных мыслителей, философов и представителей творческой интеллигенции.

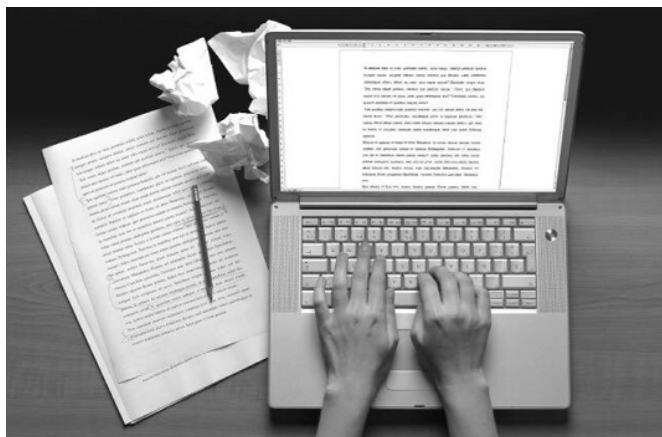
Осмысление этого феномена будет содействовать консолидации усилий Русской Православной церкви, государственных институтов, общественных организаций и граждан, воспитывающими детей, в деле формирования нравственного здорового и духовно богатого поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермишин О. Т. Философия религии: концепции религии в зарубежной и русской философии / О. Т. Ермишин. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. — 224 с.
2. Ефименко М. Н. Религиозная традиция как предмет социально-философского анализа: дисс.д. философ. наук / М. Н. Ефименко. — М., 2001. — 369 с.
3. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры: учеб. пособие / И. В. Кондаков. М.: Аспект-Пресс, 1997. — 378 с.
4. Коржова Е. Ю. Психология личности: Типология теоретических моделей. — СПб.: Институт Практической психологии, 2004. — 542 с., с. 194
5. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. — М.: Смысл, 2001. — 572 с., с. 240
6. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. — СПб.: Питер, 2003. — 512 с., с. 349
7. Гегель Г. В. Философия религии. В двух томах. Т. 2. — М.: Мысль, 1977. — 573 с., с. 59–60
8. Тростников В. Н. Вера и разум. Европейская философия и ее вклад в познание истины. — М.: Грифон, 2010. — 224 с., с. 13
9. Ловецкий Г. И. Добродетель и Благоденствие: проблема Геракла и современной молодежи // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана. Электронный журнал. — 2016. — 2 (40)
10. Антология русской философии. В трех томах. — СПб.: Изд-во Сенсор, 2000. — Т. 1., 542 с., Т. 2., 575 с., Т. 3., 639 с.;
11. Евлампиев И. И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. Часть I. — СПб.: Алетейя, 2000. — 415 с.;
12. Василенко Л. И. Введение в русскую религиозную философию: учеб. пособ. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. — 442 с.
13. Тарапанова Е. А. Проблемы взаимосвязи религий как фактор развития современного общества (социально-философский анализ) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. — М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2012. — 21 с.
14. Волобуев А. В. Фундаментализм в религии, науке и политике: краткий обзор // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана. Электронный журнал. — 2017. — 5 (55)
15. Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. — Изд-во Свято-Вламирского братства, 1992. — 184 с., с. 6

© Пелевин Алексей Викторович (alpelevin@mail.ru), Ловецкий Геннадий Иванович (lovetskiy@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Abidova N. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the FSBEI HE «Kabardino-Balkarian state Agrarian University named after V. M. Kokov»
nellya.abidivo@gmail.com

Amerzhanova Sh. — Branch of Joint Stock Company «National Center for Professional Development «ORLEV»; Institute for Professional Development of North Kazakhstan region
Amerzhanova@list.ru

Arpentieva M. — Grand doctor (Grand PhD) of psychological Sciences, professor and senior researcher of the Tsiolkovskiy Kaluga state University
mariam_rav@mail.ru

Dontsov N. — Financial University under the Government of the Russian Federation
NVdontsov@gmail.com

Egorov V. — Honored worker of science of the Russian Federation, Doctor of chemical Sciences, Professor, Moscow Skryabin State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology, Moscow, Russia
kaf_chimii@mgavm.ru

Kairova R. — Candidate of Philology, Associate Professor of the FSBEI HE «Kabardino-Balkarian state Agrarian University named after V. M. Kokov»
kair-ra@mail.ru

Kershengots B. — Doctor of Biological Sciences, Academician, Vice-President of the Yakut Academy of Sciences

Konovets T. — High teacher, FGBOU VO Hakassky state university of N. F. Katanov
konovets-t-a@mail.ru

Larionova I. — Honorary worker of HPE Russian Federation, Doctor of Philosophy, professor, Moscow Skryabin State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology, Moscow, Russia

Lovetsky G. — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Political Science of the Bauman Moscow State Technical University Kaluga Branch
lovetskiy@icloud.com

Myskin S. — Doctor of philological sciences, candidate of psychological sciences, associate professor, GAOU VO «Moscow city pedagogical University»; Director of the Center for psychological support and vocational guidance of the population of the metropolitan region
myskinsv@yandex.ru

Naboka A. — Lieutenant Colonel of internal service associate, Russian MVD Administration Academy
alla_naboka@mail.ru

Nagiyev G. — Moscow Scryabin State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology Moscow, Russian Federation
hnagiev@gmail.com

Nikitenko L. — Independent researcher
lekoni@mail.ru

Ovcharenko (Eremina) L. — Candidate of psychological sciences, associate professor, GAOU VO «Moscow city pedagogical University»
larisa_eremina@mail.ru

Pelevin A. — Graduate student of the faculty of the Department of philosophy and political science. Moscow state technical University. N. Uh. Bauman (Kaluga branch)
alpelevin@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале



Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

